Восточная Европа в древности и средневековье

[XI]

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

КОНТАКТЫ, ЗОНЫ КОНТАКТОВ И КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ

XI Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто
Москва, 14—16 апреля 1999 г.

МАТЕРИАЛЫ К КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА · 1999

Редакционная коллегия:

д.и.н. Е.А.Мельникова (ответственный редактор)
к.и.н. Г.В.Глазырина
к.и.н. Т.М.Калинина (ответственный секретарь)
к.и.н. И.Г.Коновалова
д.и.н. А.В.Назаренко
к.и.н. А.В.Подосинов
д.и.н. И.С.Чичуров
член-корреспондент РАН Я.Н.Щапов

© Институт всеобщей истории РАН
1999 г.

ЧАСТЬ I

КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ: ФЕНОМЕН ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

В.А.Арутюнова-Фиданян

КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ И ЗОНЫ КОНТАКТА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ

Взаимодействие культурных систем и механизмы их взаимовосприятия – одна из наиболее важных, а в последнее время приоритетных проблем гуманитарных наук, в том числе и историографии. Однако современная медиевистика почти не имеет обобщающих концептуальных исследований на эту тему. Лишь в последние годы появились монографии, посвященные культурной трансформации в процессе взаимовлияния цивилизационных типов.

Любое новое направление в науке всегда нуждается в новой терминологии, хотя и не всегда ее получает. До сих пор не выработан достаточно строгий понятийный аппарат, не уточнены границы, отделяющие словосочетание "зона контакта" от термина "контактная зона". Исследователи то расширяют понятие "контактная зона" (до размеров Восточной Европы, например), то сужают (до одного многоэтничного города), обозначая им любые формы межэтнических контактов. Иными словами, нет четких характеристик понятия и, следовательно, нет термина.

Контакты – слово настолько же необходимое в работе исследователя, насколько бессмысленное само по себе. К этому слову всегда с необходимостью добавляются определения, более общие: межэтнические, этнокультурные и т.п., или более конкретные: политические, социально-экономические, конфес-

сиональные и т.п. Контакты могут быть краткими и единичными или множественными, долговременными и разнообразными. В последнем случае может появиться зона контакта.

Зоны контакта могут быть сколь угодно узкими или широкими во времени и пространстве: от мест, где ненадолго пересекаются торговые, военные, конфессиональные, экономические, дипломатические интересы народов и государств до огромных пространств, где долгое время контактируют этносы и их культурные системы. Так в VII–XII вв. в Малой Азии, Испании, Южной Италии и Сицилии, где происходил византийско-мусульманский культурный взаимообмен, по мнению М.Баливе, помимо враждебных взаимоотношений существовали "также и тенденции согласия и компромисса". Зонами контакта могут являться лимитрофы, города, торговые пути и др., и они возникают в результате разнообразных отношений государств и народов: в процессе войны и торговли, через купцов, солдат и дипломатов.

Вместе с тем зоны контакта могут явиться результатом и тесного межэтнического и межгосударственного общения. Армения и Арабский халифат, Византия и Арабский халифат сосуществовали в течение ряда столетий, их культурные системы иногда влияли друг на друга, но не настолько глубоко, чтобы появились новые институты и возникла новая модель общества. Конфессиональное и ментальное дистанцирование в обоих случаях оказалось сильнее возможностей, предоставляемых длительными и разнообразными контактами.

Многовековые отношения Византии и Армении в определенной мере уникальны. Армения бывала в разное время и восточной соседкой, и вассальной страной, и восточной провинцией империи. Политические границы Армении и Византии всегда были нестабильны, а культурные – прозрачны. И тем не менее, армяно-византийские отношения всегда создавали условия для существования зоны контакта, но не всегда – контактной зоны.

После раздела армянских земель между Византией и Ираном по договору 385 г. армянские владетели признавали

сюзеренитет империи, их отряды участвовали в войнах на востоке, рукоположение армянских примасов совершалось в Кесарии Каппадокийской, однако все это не привело в IV–V вв. к появлению новой модели общества на армянских землях. Решительный шаг в этом направлении сделал Юстиниан I (527–565), воплощая свою идею сплочения, а точнее – унификации разных частей империи. Он, прежде всего, провел военную реорганизацию (подчинение всех военных сил Армении magistro militum per Armenium, создание мощных оборонительных линий из крепостей на границе). Затем последовала гражданская реорганизация (деление византийской Армении на четыре новых округа) и, наконец, попытка изменить социальный строй (новеллы, направленные против майоратного права).

При Юстиниане и его преемниках (VI–VII вв.) византийская Армения – это земли, где наличествует: 1) общая с Византией территория; 2) общая государственность; 3) взаимодействие этносов (переливы населения); 4) культурное взаимодействие. И тем не менее нахарарский строй (по крайней мере, в Великой Армении) оставался незыблемым, нахарарское право сосуществовало с властью византийских наместников. Империя не могла уничтожить нахарарский строй, не упразднив связанные с ним военные институты (этерии нахараров, конница, ополчение), необходимые для войны с Ираном. Причину успехов Ираклия в византийско-иранских войнах следует искать в том, что ему удалось соединить интересы значительной части нахарарской знати с интересами империи.

В VI–VII вв. возникает такой феномен как армяно-халкидонитская община и даже армяно-халкидонитская церковная организация в противовес армянской монофиситской церкви.

И, наконец, наиболее ярким феноменом взаимодействия двух культур является деятельность школы переводчиков Армении. Переводы классического периода включали в себя богословскую литературу (Библия, литургические, патристические, экзегетические и другие сочинения), грамматические, риторические и философские труды (Аристотель, Платон, Филон,

Порфирий и др.). Деятельность первых переводчиков, а затем и переводчиков грекофильской школы (конец V до начала VIII в.) можно справедливо назвать "сознательной программой трансплантации культуры" (Ф.Финк). Иными словами, можно констатировать наличие синтезных феноменов в политике, конфессии и культуре на территории армяно-византийской контактной зоны первого этапа.

Второй этап существования контактной зоны приходится на период со второй половины IX в. (после отступления Арабского халифата) до середины XI в. Бóльшая часть армянских земель вновь входит в состав Византийской империи, при этом возникают загадочные явления. Экспансия Византии совпадает с подъемом хозяйственной жизни (расцвет городов, ремесел, торговли) и культуры (зодчество, философия, историография). Отметим также бескровные акции присоединения к Византии армянских политических образований, отсутствие антивизантийских восстаний, длительность почти столетнего движения Византии на армянские земли, назначение на ключевые посты в восточных округах представителей армяно-халкидонитской аристократии и т.д.

Единицей хозяйственной и политической жизни Армении была вотчина, которая лежала в основе пирамиды армянской жизни и оставалась непоколебленной в ходе завоеваний или административных перемен. Эта хозяйственная единица стала экономическим субстратом контактной зоны. Можно говорить об определенной конвергенции византийских и армянских хозяйственных институтов (экскуссия – иммунитет, например).

В контактной зоне исчезали армянские политические образования (царства и княжества), но не возникали и фемы – единицы византийской государственности. Возникла новая социально-административная структура, получившая в византийских источниках наименование "хора".

Византийская империя, не стремясь "ромеизировать" (т.е. эллинизировать) новые восточные провинции, активно поддерживала конфессиональную "ромеизацию". В контактной

зоне резко возросло влияние православной армянской общины. Феномен армян-халкидонитов – синтез трех традиций (армянской, греческой, грузинской) на национальной армянской почве – редкий в средние века тип открытой культуры.

Взаимодействие двух культур сказалось и в изменениях менталитета армянского и византийского обществ (особенно ярко – в эволюции "образа Византии" в трудах армянских историков). Образ Византии в период возникновения контактной зоны в основном позитивен. В период же разрушения контактной зоны под ударами сельджуков Византия начинает отчуждаться от армянского мира, и образ империи становится негативным. В период становления и функционирования контактной зоны ряд византийских идеологем был воспринят армянской общественно-политической мыслью ("политическая ортодоксия", понятие "порядка", божественное происхождение императорской власти, корреляция небесного и земного царств, этнополитическая терминология).

Магистральные социокультурные процессы в контактной зоне определялись синтезом общественных, политических, хозяйственных институтов и форм идеологии, существовавших в этом регионе и в чистом виде. Преобразование этих институтов в процессе их взаимовлияний приводит к обретению ими нового качества, в результате чего появляется новая структура, в рамках которой адекватно объясняются исторические загадки, неразрешимые (а иногда и неразрешаемые) в рамках истории контактирующих стран.

Глубокая взаимосвязь всех компонентов (ментального, этно-конфессионального, экономического, социально-административного) конституирует армяно-византийскую контактную зону второго периода как диалектическое единство, выявляющее свое существование через синтезные феномены, порожденные взаимодействием и взаимовлиянием культур.

Контактная зона – как строгий термин – это не просто лимитрофы, не местности с полиэтничным населением, не земли, захваченные в результате военных или дипломатических мероприятий с последующей ассимиляцией населения и с навя-

занными или добровольно воспринятыми социально-экономическими и политическими институтами. Я понимаю под термином "контактная зона" территорию, на которой в результате более или менее длительных межэтнических и межкультурных взаимодействий возникают синтезные феномены в социальной, административной, политической, конфессиональной и культурной сферах. Таким образом, лимитрофность, полиэтничность, военные или мирные взаимопроникновения, взаимодействие этносов и культур – все это необходимые условия существования зоны контакта. Эти условия необходимы также и для возникновения, но недостаточны для существования контактной зоны.

Литература

Balivet M. Romanie byzantine et pays du Rum turc: Histoire d'un espace d'imbrication grécoturque. Istambul, 1994.

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

А. В.Подосинов

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВАРВАРОВ И ГРЕКОВ В АНТИЧНОМ СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (К вопросу о характере контактных зон)

Если иметь в виду представление о контактной зоне как регионе, расположенном на стыке двух этнических, политических, экономических и культурных систем, в котором осуществлялся интенсивный обмен элементов обеих систем, то античное Северное Причерноморье в целом и являлось такой *контактной зоной*, или *зоной контактов*. Узкая прибрежная полоса Причерноморья была рано (с VI в. до н.э.) колонизована древними греками, создавшими здесь свои города-государства,

которые имели также свою *хору* – земледельческую округу, предоставлявшую земельные наделы гражданам города и входившую в состав государства. Степной Hinterland Северного Причерноморья занимали "варварские" племена Восточной Европы, среди которых наиболее значительными были скифо-сарматские (североиранские) племена, обладавшие своим ярко выраженным кочевническим укладом, государственным устройством, языком, обычаями, экономикой, культурой. Эти две культуры с неизбежностью вошли в контакт друг с другом (*зона контактов!*) и с самого начала этих контактов активно взаимовлияли друг на друга (*контактная зона!*).

Кроме скифов, кочевавших на огромных пространствах южнорусских степей, в соприкосновение с греческими переселенцами и греческой культурой вошли и некоторые другие племена Северного Причерноморья — исконные жители этих мест: фракийские геты в низовьях Днестра, тавры в Крыму, синды и меоты к востоку от Керченского пролива и Азовского моря и некоторые другие.

Итак, на протяжении многих столетий греки и "варвары" активно взаимодействовали в Северном Причерноморье. Естественно, степень этого взаимодействия была неодинаковой в различных регионах Северного Причерноморья. Это зависело от многих факторов экологического (наличие необходимых природных условий), демографического (например, компактное проживание местных племен в районе будущей колонии), экономического (например, наличие торговых связей и путей), политического (например, использование военных сил варваров для экспансии или защиты от нее) и культурного (например, желание скифских царей иметь предметы роскоши, изготавливаемые на заказ греческими мастерами) характера.

В настоящем докладе не исследуются взаимоотношения греков и "варваров" в ситуации, когда их жизнь протекает раздельно (в этом случае они могут воевать друг с другом, заключать союзы, устанавливать протекторат, торговать и т.д.). Основное внимание уделяется социально-политической, демографической, экономической и культурной обстановке, сложив-

шейся к рубежу эр в самих греческих городах Северного Причерноморья (Тира, Ольвия, Херсонес, Боспор), существовавших в условиях "варварского" окружения. Особенно интересен тот ее аспект, который в научной литературе характеризуется как "варваризация" греческого полиса. Таким образом, в качестве зоны контактов рассматривается территория самого греческого города.

Для того чтобы правильно оценить степень "варваризации" греческих городов к началу нашей эры, необходимо прежде всего уточнить само понятие "варваризации". Под *варваризацией греческого города* следует, по-видимому, понимать процесс трансформации различных сторон жизни полисного коллектива в сторону усвоения форм общественной и частной жизни (включая материальную и духовную культуру) местных (варварских, с точки зрения греков) племен в результате проникновения в состав жителей города определенного числа туземцев. Сразу следует отказаться от уничижительного оттенка в этом понятии, привнесенного представителями античной идеологии, которые были склонны в любых проявлениях взаимодействия греческой и местных культур видеть упадочность и вырождение. Тем более, что *варваризация* греческого города предполагала и обратный процесс – *эллинизацию* местных элементов, постепенно втягивающихся в сферу греческой социальной и культурной жизни.

Эллинизация варваров – это как бы естественный и хорошо засвидетельствованный в античной традиции процесс. Особенно ярко он просматривается в многочисленных заимствованиях греческих форм жизни при дворах варварских правителей (в качестве примера можно привести скифских "эллинофилов" Анахарсиса и Скила, известных нам по Геродоту, а также многие дворы эллинистических монархов Малой и Передней Азии и Египта). Археологические свидетельства повседневной культуры, а также культовой практики показывают широкое распространение греческого влияния на всей территории античной ойкумены.

Сложнее обстоит дело с понятием варваризации греков. На мой взгляд, следует различать следующие аспекты варваризации эллинов:

1. *Внешние признаки*: одежда, моды, прически, формы поселения, домостроение, мебель, посуда и т. д.
2. *Внутренние (сущностные) признаки*: образование, язык, религия, этнотолерантность (например, смешанные браки), военное дело (например, заимствования вооружения и тактики), трудовые и профессиональные навыки, особенности социальной психологии (например, коллективизм/индивидуализм), наконец, социально-политические институты (например, образование монархических форм в рамках демократического эллинского устройства) и т. д.

Для выяснения реальной ситуации, сложившейся в греческих городах в начале нашей эры, одинаково важны источники *литературные* (например, свидетельства Овидия или Диона Хрисостома о варварском населении и варваризации Том и, соответственно, Ольвии), *эпиграфические* (например, просопографические данные греческих надписей Северного Причерноморья, содержащие определенный процент "варварских" имен), а также *археологические*, поставляющие материал, отражающий проникновение местных элементов в архитектуру, керамическое производство, прикладное искусство, культовые обряды, погребальный ритуал и т. д.

Для определения степени варваризации греческого населения греческих городов необходимо, на мой взгляд, выработать ее типологию, охватывающую все возможные варианты взаимодействия двух этнических элементов. Как представляется, может существовать несколько уровней варваризации.

Необходимым условием варваризации в любом ее варианте является наличие какого-то туземного этнического элемента в составе населения города. Он может быть незначительным как в количественном отношении, так и с точки зрения социального статуса, а может и играть важную роль в политической жизни города, врастая постепенно в греческую элиту; варвары

могли жить смешанно с греками, а могли образовывать свои замкнутые гетто.

Самым первым признаком начинающейся варваризации (**I ступень**) следует признать именно такое постоянное проживание варваров в черте города, фиксируемое обычно уже археологическими комплексами, имеющими признаки местной варварской культуры (например, лепная керамика, предметы культа варваров, варварский погребальный обряд некрополей и т.д.). В демографическом и социальном плане – это островки в греческой среде, стоящие, как правило, вне греческой гражданской общины и не имеющие большого влияния на социально-политическую и культурную жизнь полиса.

Следующей, **II ступенью** в прогрессирующей варваризации города следует признать фиксируемое также археологией воздействие туземных форм материальной и духовной культуры на культуру греков. Это могут быть местные элементы в производстве керамики, строительстве и архитектуре, в ремесле и искусстве, в одежде и вооружении, а также туземные культы, воспринятые и усвоенные греками. Уже на этом этапе весьма вероятно и возможно приобщение варваров к греческому образу жизни и языку, облегчающее взаимопроникновение двух культур, т.е. "варваризация" эллинов идет рука об руку с эллинизацией варваров. На этой ступени можно констатировать присутствие многих черт *внешних признаков* варваризации.

III ступенью в развитии процесса взаимовлияния двух этнических элементов является активное включение варварских элементов в социальную жизнь города, их инкорпорирование в полисный гражданский коллектив; возможными становятся смешанные браки. Этот этап отражают ономастические данные, зафиксированные в надписях, упоминающих, как правило, лишь граждан полиса. Синкретизм материальной культуры может при этом возрастать, о чем свидетельствуют археологические материалы. Здесь уже, вероятно, скорее приходится говорить об эллинизации варварского населения, нежели о варваризации греков. На этой стадии фиксируются некоторые эле-

менты *внутренней* (*сущностной*) варваризации – в религии, этнической толерантности, военном деле и т. д.

В случае, когда греческая община в результате внешних или внутренних причин ослаблена, а внешнеполитическая и демографическая ситуация благоприятна для политического усиления варварского элемента, этот процесс может достичь своего высшего развития, выразившись в IV ступени варваризации – перерождении социальных и государственных институтов, их трансформации в сторону форм социальной жизни, характерных для местных, варварских племен.

Такова, на мой взгляд, шкала различных ступеней варваризации, потенциально возможных для греческих городов нашего региона. В докладе рассматривается вопрос о том, какой из этих ступеней соответствует их положение в начале нашей эры.

В результате изучения источников различных видов выясняется, что к первому веку нашей эры степень их варваризации была различной.

Так, для городов *Северно-Западного Причерноморья* (Том, Истрии, Тиры и Ольвии) мы можем констатировать, что диапазон их варваризации в это время следует локализовать между II и III ступенями нашей классификации, причем процесс варваризации выглядит более продвинутым по мере удаления от юга (ближе к центральным районам античного "цивилизованного" мира) к северу (дальше от центра к "варварской" периферии). Истрия производит впечатление города, несколько более, чем Томы, затронутого местным влиянием. Возможно, в Тире и наверняка в Ольвии эти процессы протекали еще более интенсивно, подготавливая наступление III ступени варваризации, которая, на мой взгляд, в рассматриваемое время еще не успела утвердиться ни в одном из этих городов.

Что касается *Херсонеса Таврического*, то мирной аккультурации местного населения (тавров и скифов) в рамках контактной зоны города мешали с самого начала сложившиеся враждебные отношения между греками и варварами. То же касается варваризации греков: вплоть до конца античности Хер-

сонес оставался самым "чистым" в этническом и культурном отношении эллинским полисом Северного Причерноморья, что доказывают археологические, эпиграфические и литературные источники. По нашей классификации, Херсонес к началу нашей эры едва ли пережил даже **I ступень** варваризации.

Совершенно иная ситуация сложилась в *Боспорском царстве*, которое включало в себя несколько греческих полисов на берегах Керченского пролива. Местные племена, жившие здесь еще до греческой колонизации, были довольно быстро инкорпорированы в экономические, социально-политические и культурные системы Боспорского царства, что стало причиной массового проникновения местных элементов в греческую среду и эллинизации варваров. Подобный симбиоз имел серьезное влияние на греческую культуру, в которой появилось много новых явлений, в том числе в государственном устройстве Боспора, превратившимся из объединения демократических полисов в монархическое надполисное государство, предвосхитив типологически близкие черты эллинистической эпохи. Особенно далеко процесс греко-варварского симбиоза зашел в боспорской колонии на северном берегу Азовского моря – в Танаисе, как свидетельствуют эпиграфические и археологические находки. Говоря о месте Боспорского царства в нашей классификации, следует, по-видимому, говорить о **III ступени** с тенденцией медленного перехода, по крайней мере, на периферии царства, на **IV ступень**.

Если обобщить результаты исследования, становится ясно, что степень варваризации греческих городов Северного Причерноморья от Том до Танаиса повышается по мере отдаления от центров греческой цивилизации. Исключение составляет Херсонес, который вследствие особых условий сосуществования с местными племенами смог успешнее остальных противостоять влиянию варварской периферии.

Опираясь на предложенную выше типологию варварско-греческих отношений внутри греческого полиса, было бы, вероятно, полезно охватить ею возможно большее количество городов на побережье Черного и Средиземного морей с тем,

чтобы, во-первых, посмотреть, как она работает в других регионах со своими специфическими условиями развития (методический аспект), а, во-вторых, построить единую классификацию греческих городов, живущих в условиях варварского окружения (собственно исторический аспект). Это поможет выработке объективной (т.е. не связанной с идеологическими представлениями древних греков и римлян и субъективно-тенденциозными оценками современных исследователей) характеристики внутриполисных и внешнеполитических отношений в греческих городах, вынужденных в результате колонизационной деятельности существовать среди чуждых в этническом и социально-политическом отношении племен и народов.

Примечания

[1] Я не вижу принципиальной разницы между этими двумя терминами, ибо "зона контактов", где культуры "просто сосуществуют" – бывает такое? – рано или поздно неизбежно превращается в "контактную зону", где они "взаимовлияют" (я пользуюсь терминологией сторонников различения этих понятий).

И.Е.Ермолова

МЕЖПЛЕМЕННЫЕ КОНТАКТЫ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В IV – VI вв.

Северное Причерноморье, бывшее в поле зрения античной литературы, продолжает привлекать внимание и раннесредневековых авторов. Уже греки и римляне главным образом интересовались племенным миром Скифии, столь непохожим на их общество, а не греческими колониями черноморского побережья. Перечисления городов встречаются только в различного рода периплах и хорографиях, и очень редко отдельные источники освещают отношения греческих государств этого региона с метрополиями или варварами (Демосфен, Страбон, Диодор Сицилийский). Еще меньше сведений о городах содер-

жится в раннесредневековых произведениях. Упоминания их единичны, причем приведенный Иорданом перечень поселений (Jord. Get. 32) явно заимствован из какого-то древнего источника и не имеет ничего общего с современностью, а Прокопий несколько раз бегло указывает только два центра – Боспор и Херсон, – которые византийцы стремились сделать своими опорными пунктами в Крыму (Proc. Bell. Goth. IV.5.27–28; id. Bell. Pers. I.12.7; id. Aed. III.7.10). В раннесредневековых исторических сочинениях Северное Причерноморье является прежде всего местом взаимодействия нецивилизованных народов.

Заметное смещение интереса письменных источников в сторону племен, действовавших близ Черного моря, обнаруживается в IV в. и усиливается в V–VI вв. Если в более раннюю эпоху необычный образ жизни, непонятные обычаи и неизменно подчеркивавшаяся воинственность далеких народов вызывали просто естественное любопытство слушателей и читателей, а идеализированное изображение некоторых племен или их отдельных представителей – иногда, возможно, и восхищение, то в указанное время от желания идеализировать варваров, особенно кочевников, не остается и следа. Стремление же узнать о них больше, вероятно, отчасти объясняется сознанием реальной опасности, исходящей теперь из припонтийского региона, поскольку, начиная с гуннского нашествия 70-х годов IV в., волны вытесненных отсюда племен постоянно накатываются на восточные границы греко-римского мира, а само Северное Причерноморье еще в большей степени, чем раньше, становится ареной столкновений различных народов.

В течение нескольких столетий в ходе Великого переселения народов население Приазовья и Причерноморья неоднократно сменяется и перемешивается, вступая, зачастую вынужденно, в контакт с новыми пришельцами. Межплеменные отношения при этом, как правило, развиваются однотипно.

На первом этапе, несмотря на упорное сопротивление, прежние жители в значительной мере истребляются и (или) изгоняются из обжитых мест, поскольку наступающие оказываются сильнее. Так, в конце IV в. гуннами были опустошены

области аланов-танаитов, гревтунгов и тервингов (Amm. Marc. XXXI.3.1–7), в 60-х гг. V в. сарагуры, уроги и оногуры, которых заставили покинуть родину савиры, истребили акациров (Prisc. Pan. Fr.30). Спустя несколько лет и сарагуры, первоначально, вероятно, занимавшие главенствующее положение в этом союзе, были разбиты (Prisc. Pan. Fr.37) и впоследствии целиком растворились в местной этнической среде. Силы савиров были основательно подорваны аварами в середине VI в. (Menandr. Fr.5). Примерно в то же время кутригуры и утигуры почти совершенно уничтожили друг друга (Agath. V.25), остатки последних в 70-х гг. VI в. были подчинены тюрками (Menandr. Fr.45). Нередко участники таких межплеменных конфликтов, потерпев поражение, рассеивались, теряли свое имя и переставали существовать как этническая или политическая общность (Agath. V.25). Этим обстоятельством объясняется частая смена этнонимов в источниках, касающихся истории причерноморско-приазовского региона IV–VI вв.

В тот же период первого столкновения племен противники могут вступить в военный союз. Возможно, подобному развитию событий иногда способствует относительное равенство сил противоборствующих сторон, либо появление необходимости сплотиться против общей опасности. Такой союз с равными и одинаковыми правами заключили в результате переговоров утигуры и готы-тетракситы (Proc. Bell. Goth. IV.5.17). Объединение было именно военным, так как готы должны были участвовать в совместных с утигурами вооруженных походах (Proc. Bell. Goth. IV.18.22). В остальном тетракситы, по-видимому, были настолько независимы, что самостоятельно отправили посольство в Византию, правда, по религиозному вопросу, поскольку они были христианами (Proc. Bell. Goth. IV.4.12). Но тайная беседа их послов с императором, помимо открытой просьбы о назначении священнослужителя (Proc. Bell. Goth. IV.4.13), может свидетельствовать о вынужденном характере соглашения с утигурами. Гораздо чаще на объединение с бывшим врагом толкает желание обогатиться. Как правило, обещанной платой или надеждой на большую добычу соблазняют-

ся отдельные группы из состава племени или племенного союза. Готы, например, сопротивляются гуннам и аланам, опираясь на гуннов же (Amm. Marc. XXXI.3.3), привлекают отряды и гуннов, и аланов для совместных действий (Amm. Marc. XXXI.8.4; 16.3; Olymp. Fr.27; Prisc. Pan. Fr.28; Oros. VII.34.5; Aur. Vict. Epit.47.3; 48.5; Zosim.34.6; Syn. De regno. 15; Marc. Com. A.379).

Когда перевес сил становится очевидным, подвергнувшиеся нападению племена попадают в зависимость от агрессоров (Amm. Marc. XXXI.3.1; Prisc. Pan. Fr.1; Jord. Get. 125; 126; 178; 181; 209). По свидетельствам источников, наиболее важным, если не единственным, требованием было принудительное участие покоренных в дальнейших войнах гуннов и сменявших их завоевателей (Amm. Marc. XXXI.3.1; Jord. Get. 181; 197–199; 253; Proc. Bell. Goth. IV.18.22). Отряды воинов из различных племен сражались под предводительством своих вождей, что, возможно, практиковалось гуннами как своеобразная форма заложничества (Jord. Get. 200). Во всяком случае, настойчивое приглашение прибыть в ставку Аттилы воспринимается одним из вождей акациров именно так и искусно отклоняется (Prisc. Pan. Fr.8). Правилом гуннов, очевидно, было не вмешиваться во внутреннюю жизнь покоренных племен до тех пор, пока они подчинялись поставленным условиям, и сохранять точнее формы организации общества, которые они застали. Правящая верхушка, по-видимому, не теряла свое привилегированное положение и власть над соплеменниками. Попытки народов, живших прежде и поселившихся в Причерноморье, освободиться от зависимости от гуннов, главные силы которых в V в. переместились в Подунавье, жестоко подавляются. Гуннскими вождями были усмирены амалзуры, итимары, тоносуры, боиски (Prisc. Pan. Fr.1), сороси, акациры (Prisc. Pan. Fr.8).

Таким образом, межплеменные отношения в Причерноморье в IV–VI вв. почти полностью строятся на насилии победителя и только в редчайших случаях имеют договорный характер.

Е.А.Мельникова

К ТИПОЛОГИИ КОНТАКТНЫХ ЗОН И ЗОН КОНТАКТОВ: СКАНДИНАВЫ В ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Различение двух типов ареалов – зон контактов и контактных зон, – где происходили отличные по глубине, интенсивности и соответственно формам проявления процессы межэтнического взаимодействия, вызвано прежде всего стремлением глубже понять его механизмы и объяснить возникающие в его результате социально-политические и культурные феномены. Для выявления различных типов контактных явлений перспективно обращение к истории скандинавской экспансии в Европе во второй половине IX – начале X в. В это время (середина так называемой эпохи викингов) скандинавские народы осуществляют широкомасштабную колонизацию на Западе и Востоке Европы, сменившую в целом грабительские набеги, характерные для первого периода эпохи викингов. На протяжении примерно 50 лет норманны оседают в нижнем течении Сены (совр. Нормандия), на восточном побережье Англии (север Мерсии и Нортумбрия), в восточной Ирландии, осваивают острова Атлантического океана, проникают по Балтийско-Волжскому и Днепровскому пути в Восточную Европу. За исключением ранее практически незаселенных островов скандинавы оказываются в иноэтничной и инокультурной среде, с которой и вступают во взаимодействие.

Во всех случаях контакты возникают благодаря скандинавам: именно они вторгаются на территории Франции, Англии, Восточной Европы и вынуждают местные социально-политические структуры тем или иным способом адаптироваться к их присутствию. Сами переселяющиеся в различные регионы группы скандинавов не имеют принципиально отличных социально-политических или культурных признаков. При том,

что в восточной Англии преимущественно расселяются даны (которых в середине X в. сменяют норвежцы), в Ирландии – норвежцы, во Франции – даны (впрочем, часть исследователей полагает, что значительная часть "французских" норманнов происходила из Норвегии), на Руси – шведы, ни в одном случае (кроме, кажется, Ирландии) нельзя говорить о моноэтничности переселенцев. Но их состав не имеет принципиального значения: все северогерманские народы этого времени имели примерно одинаковое социально-политическое устройство (процессы государствообразования уже привели к возникновению ранних, "дружинных" государств; начали проявляться тенденции к формированию единых национальных государств), крайне близкую материальную и единую духовную культуру: религию, поэзию и язык (диалектное членение общесеверогерманского языка начинается как раз в IX–X вв.).

Иное дело общества, в которые внедряются скандинавы. Западно-Франкское государство второй половины IX в. – это все еще мощное, несмотря на раздел империи Карла Великого в 843 г., централизованное государство с иерархизированной социальной структурой, развитым административным аппаратом, сложившейся церковной организацией и высочайшей культурой. При этом скандинавы и население Франции, в составе которого было значительное количество германцев, утратили черты генетического родства, и являли собой два различных этноса: романский и северогерманский.

Напротив, англы и юты, выходцы с Ютландского полуострова, переселившиеся вместе с саксами в Англию в середине V в., далеко не полностью порвали к IX в. со своей северогерманской прародиной. Сохранялись близость языков, различия в которых не создавали еще трудностей для общения, сходство языческих верований и представлений (не до конца вытесненных в Англии христианством), общность поэтического языка и сюжетики, восходящих к общегерманскому наследию. В то же время Англия, разделенная на несколько самостоятельных государств, к концу IX в., преодолевает центробежные тенденции, и в ней формируется единое государство с четко оформленной

(в том числе и законодательно) социальной структурой (однако далеко не столь дифференцированной, как во Франции), с эффективным (но функционально слабо дифференцированным) аппаратом управления. На протяжении уже двух столетий официальной религией является христианство, и церковь успела сложиться в мощную организацию. Своеобразная культура англо-саксонской Англии совмещает латинскую ученость и восходящие к язычеству традиции, в результате чего VIII—X вв. становятся временем расцвета поэзии на древнеанглийском языке и самобытного прикладного искусства.

В Ирландии скандинавы столкнулись с иноэтничным (кельтским) населением, социальный уклад которого, равно как и политическая организация, кардинально отличались от древнескандинавского своей архаичностью. Островная изоляция Ирландии (отсутствие как римских, так и позднее германских влияний) способствовала длительному сохранению позднеплеменного строя с большим количеством (5–7) мелких, постоянно враждующих между собой территориально-политических образований во главе с племенными вождями-"королями". Воспринятое в V в. христианство приобрело своеобразную "монастырскую" форму без сколько-нибудь развитой церковной организации.

Наконец, на северо-западе Восточной Европе норманны пришли в соприкосновение с двумя равно чуждыми им этносами: местными финнами и переселяющимися славянами. Ни финское население с его непроизводящим хозяйством и неразвитостью социальной дифференциации, ни земледельцы-славяне, в древностях которых слабо прослеживаются следы социального расслоения, не имели еще развитой государственности.

Таким образом, в четырех регионах Европы – французском, английском, ирландском и восточноевропейском – норманны, немногочисленные в процентном отношении, оказались в разных по уровню социально-политического и культурного развития средах. Различны были способы и цели расселения скандинавов: завоевание с целью ограбления в Ирландии, сельская колонизация в Англии, "военно-административное" испо-

мещение на землю центральной властью во Франции, установление контроля над международными торговыми путями в Восточной Европе. Соответственно разными оказались в этих регионах и формы контактов скандинавов с местным населением, и степень взаимодействия их культур, и последствия скандинавского присутствия для каждого из регионов.

Франция. Стихийному расселению скандинавов в нижнем течении Сены французский король Карл Лысый придал характер официального акта, заключив с их предводителем Роллоном (Хрольвом) договор (в Сен-Клэр-сюр-Эпт, 911 г.), по условиям которого Роллон становился вассалом французского короля, обязанным охранять его владения от набегов норманнов, и получал в лен территорию с центром в Руане (совр. Нормандия). Условия договора таким образом автоматически включали норманнов в социально-политическую структуру французского общества. Другое условие договора – безусловное принятие христианства расселившимися норманнами – было направлено на устранение культурных (в первую очередь конфессиональных) различий и культурную интеграцию новопоселенцев. Никаких уступок скандинавам ни в социальной, ни в политической, ни в культурной сферах не предусматривалось ни этим, ни последующими жалованными грамотами французских королей герцогам нормандским.

Следствием "официальной" интеграции скандинавов явилась их полная ассимиляция на протяжении менее полутора столетий: норманны Вильгельма Завоевателя, потомка Роллона, высадившиеся в Англии в 1066 г., не имели ничего общего со своими скандинавскими предками, но являлись носителями французской социально-политической системы, французской культуры и даже французского языка. Расселение скандинавов почти не оставило следов в местной культуре, ни материальных (известно крайне небольшое число скандинавских погребений), ни языковых (количество скандинавских по происхождению лексем исчисляется единицами, а важнейший из "скандинавских" топонимов – название самой области расселения, Нормандия). Интеграция скандинавов во Франции была, таким

образом, однонаправленным и стремительным процессом, не оставившим следов в местной культуре.

Ирландия. Неизменно враждебные отношения норвежцев, осевших на восточном побережье в уже существовавших поселениях (Лимерик, Корк) и основавших новые (Дублин), с не прекращавшими сопротивление ирландскими "королями" завершились изгнанием норвежцев в 1014 г. Но и период норвежского присутствия в Ирландии не ознаменовался возникновением каких-либо государственных образований. Большинство норвежских правителей оставались по существу вождями военных отрядов, довольствовались контролем над каким-либо одним поселением или группой поселений (особое место занимал Дублин) и находились в состоянии войны не только с местным населением, но и друг с другом, лишь временами объединяясь для отражения нападений данов. Как характер отношений, так и принадлежность к различным языковым группам, очевидно, препятствовали языковым (как в ирландском, так и в скандинавских языках практически не отмечается взаимных лексических заимствований) и культурным (хотя в скандинавском изобразительном и прикладном искусстве известны культурные влияния Ирландии) контактам. Почти двухсотлетнее пребывание норвежцев в Ирландии, сопровождавшееся повседневными контактами, не привело к возникновению не только синтезных явлений, но даже и сколько-нибудь существенных взаимовлияний. Единственным вкладом норвежцев в развитие Ирландии было установление ими интенсивных торговых связей с Норвегией и Англией, в результате чего возникло несколько крупных торговых центров (в первую очередь Дублин), которые продолжили свое существование и после ухода норвежцев.

Англия. Принципиально иной была ситуация в Англии, где грабительские набеги первого периода эпохи викингов сменились мирной колонизацией, охватившей территорию от Темзы на юге до Тайна на севере. Альфред Великий, король Уэссекса, наиболее сильного из англо-саксонских королевств, попытался, как и Карл Лысый, регламентировать пребывание скандинавов (по преимуществу данов) на английской террито-

рии с помощью договора (в Ведморе, 878 г.). Казалось бы, Ведморский договор близок Сен-Клерскому: в обоих оговаривается территория проживания норманнов, принятие ими христианства (в Англии крещению подлежал только вождь данов Гутрум и его ближайшее окружение; поголовная христианизация данов предусматривалась в договоре, заключенном лишь около 938 г. преемником Альфреда Эдуардом). Но принципиальное различие между ними состоит в том, что французский договор рассматривает норманнов исключительно как вассалов французских королей и регулирует отношения между центральной властью и служилыми наемниками; английский же договор – это договор между партнерами, призванный установить мир и урегулировать взаимоотношения между местным населением и завоевателями (хотя и потерпевшими поражение в борьбе с Альфредом). Результатом Ведморского договора стало возникновение независимого от Уэссекса государственного образования – "Области датского права", или Денло (Danelag), которое просуществовало всего около 50 лет, но специфика которого признавалась всеми последующими английскими королями вплоть до Кнута Великого и Вильгельма Завоевателя.

Верховная власть в Денло вплоть до конца X в. принадлежала скандинавским (датским, с середины X в. – норвежским) правителям, долгое время, видимо, не связанным с династиями датских и норвежских конунгов. В Денло было введено отличное от англо-саксонского административное деление: по образцу древнескандинавских округов, имевших свой тинг (общее собрание свободных для решения законодательных, судебных и иных общезначимых вопросов, включая утверждение нового конунга), были созданы административные округа, получившие наименование *wapentak* (др.-исл. *vápnatak*), букв. "взятие оружия", с судом низшей инстанции. Как и в Скандинавии, где существовала иерархия тингов (окружной, областной и общеземельный тинги), устанавливается трехступенчатая система судебных органов. Другой, также древнескандинавский принцип административного деления – на трети – лег в основу формирования административных округов в Йоркшире и Лин-

кольншире. Почти без изменений в Денло была принята не только скандинавская система судопроизводства, но и скандинавское право, непосредственным субъектом которого было все свободное население (англо-саксы вошли в сферу действия этого права). Вместе с тем норманны быстро усвоили многие элементы организации древнеанглийского общества, в первую очередь связанные с функционированием государства: налоговую систему, административные институты и пр. Тем самым Денло как государственное образование носило ярко выраженный синтезный характер, унаследовав значительную часть структурирующих государство институтов от англо-саксов, но внеся в них многочисленные изменения и дополнив или заменив некоторые из них скандинавскими. Эти особенности социально-политической организации Денло оставались нетронутыми вплоть до конца XI в.

Наиболее ярким свидетельством культурного взаимодействия англо-саксов и норманнов является английский язык, в котором около 10% словарного состава представляют скандинавские заимствования эпохи викингов. Среди заимствованных лексем – правовые и социальные термины, хозяйственные и бытовые обозначения, топографические термины и т.д. Велико было влияние и англо-саксонской культуры на культуру Скандинавии, в том числе и на ее христианизацию.

Восточная Европа. В древнейшей (с VIII в.) зоне контактов скандинавов с финским и славянским населением: в Приладожье, Поволховье и Приильменье, скандинавы, как и в Ирландии, не застают сложившихся государственных структур. Но в отличие от Ирландии, главным стимулом для проникновения сюда норманнов была пролонгация на восток сети трансевропейских торговых коммуникаций, связывавших Центральную, Западную и Северную Европу. Поэтому сам род их деятельности – ведение крупномасштабной международной торговли по Балтийско-Волжскому пути – требовал обеспечения контроля над ним и прилегающими к нему землями для его регулярного и безопасного функционирования. Эта потребность вызвала к жизни возникновение вдоль него торгово-ремеслен-

ных центров, первым и крупнейшим из которых была Ладога. Ускорение в зоне торгового пути процессов консолидации местных сообществ, социально-политического развития финских и славянских племен, неизбежно вело – вне зависимости от субъективных намерений скандинавских купцов и воинов – к возникновению раннегосударственных структур, ведущую роль в которых играли скандинавы.

Почти полное отсутствие синхронных письменных источников (древнерусские летописи отражают переосмысленную летописцем конца XI – начала XII в. историческую традицию) не позволяет восстановить политическую структуру и характер этого образования. Лишь сохранившиеся в восточных источниках X в. описания, восходящие ко второй половине IX в., далеко не полно и тенденциозно (в силу интересов и культурных традиций восточных писателей) дают некоторые намеки на его политический строй. В них подчеркивается "военизированность" общественного строя русов, во главе которых находится по существу военный вождь, осуществляющий также судопроизводство и другие функции центральной власти, и его подчиненность целям дальней торговли (сбор даней, захват пленных для последующей продажи). Важной особенностью этого "государства" является отсутствие какой-либо связи русов с земельными владениями: арабские писатели обращают специальное внимание на то, что движимость является единственным имуществом даже знатных членов общества.

Уже в этих, "сторонних" и достаточно поверхностных описаниях отчетливо видны принципиальные отличия этого образования от ранних скандинавских государств, в которых необходимым условием социальной полноправности человека было владение наследственным участком земли (одалем), а торговля составляла важное, но не основное занятие населения. Пожалуй, единственным действительно сходным было лишь положение главы раннегосударственных образований в обоих регионах: правителя с доминирующей военной функцией (военные успехи конунга были непременным условием сохранения

им своего статуса), но выполняющего все остальные функции государственного управления с помощью личной дружины.

Можно предполагать, что хотя государственное образование вдоль Балтийско-Волжского пути и возникло благодаря торговой деятельности скандинавов, оно не воспроизводило сложившиеся ни в скандинавских странах, ни у славян, ни у финнов структуры. Само его появление – результат скандинавославяно-финского этнокультурного и этнополитического синтеза. Особенности его социально-политической организации определялись предпосылками его возникновения и задачами, которые оно должно было решать. И те, и другие не имели прямых аналогий ни в скандинавском, ни в финском, ни в славянском обществах, и потому формирование в нем государственных институтов шло особым путем, нося синтезный характер.

Таким образом, лишь в двух регионах Европы, английском и восточноевропейском, формируются новые государственные образования, характеризуемые синтезными явлениями. Именно в этих регионах в результате устойчивых контактов скандинавов с местным населением (первоначальное образование зон контактов) формируются контактные зоны. И перерастание "зон контактов" в "контактные зоны", и специфика последних определялись в первую очередь социально-политическими и культурными особенностями обществ, с которыми взаимодействовали скандинавы.

В.Я.Петрухин

КИЕВ И НОВГОРОД КАК ЦЕНТРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ

Начальное летописание содержит достаточно противоречивую характеристику исторической ситуации эпохи формирования первых городских центров Восточной Европы. Киев и

Новгород упоминаются как центры племен, имеющих свои "княжения", но сами племена оказываются "на своих местах" как пришельцы с Дуная, т.е. должны иметь этнический "субстрат".

Наиболее очевидно это этническое взаимодействие на Новгородчине, где славяне – ильменские словене и кривичи – упоминаются как партнеры финских аборигенов – чуди, мери (и веси) в легенде о призвании варягов. Это упоминание считается свидетельством существования "племенной конфедерации" (В.Т.Пашуто), объединяющей этнические территории Севера Восточной Европы от Прибалтики до Верхнего Поволжья и Белозерья. Проблема в том, насколько точно летописец передавал предание и насколько корректировал традицию в связи с современной ему новгородской (и древнерусской) колонизацией этнических территорий чуди, мери и веси на рубеже XI–XII вв. Во всяком случае, координированные политические действия разных племен представляются немыслимыми, если эти племена не имеют единого центра или взаимосвязанных центров. Такими "межплеменными" (А.В.Куза) центрами оказываются (в ипатьевском варианте летописи) Ладога и Новгород в устье и истоках Волхова. Археологические данные в целом подтверждают, что именно бассейн Волхова стал той контактной зоной, где носители культур длинных курганов (кривичи) и сопок (словене) взаимодействовали с местным финским населением, и что центрами такого взаимодействия – в том числе с "заморской" русью – были Ладога и Новгород (Городище).

Историческая (предысторическая) ситуация вокруг Киева менее ясна в силу "загадочности" киевского племени полян – в летописи они "привязаны" к самому Киеву (киевским горам); попытки выделить их этническую территорию по памятникам Среднего Поднепровья X–XI вв. оказались не вполне удачными – эти памятники характеризуют уже надплеменную древнерусскую культуру в пределах Русской земли (в узком смысле). Предысторическим ядром этой Русской земли является волынцевская культура VIII–IX вв. в Левобережье Днепра с характерным анклавом вокруг Киева в Правобережье: славянская

(роменская) в основе волынцевская культура включает элементы салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата. При сопоставлении с данными летописи можно предположить, что волынцевская культура характеризует тот ареал славянских племен – "конфедерации" полян, северян, радимичей, с которых брали дань хазары. Проясняется и устойчивость киевской легенды о Кие – перевозчике через Днепр (с которой полемизировал Нестор – сторонник княжеского происхождения легендарного основателя Киева). Киев оказывается центром контактной зоны в Среднем Поднепровье, в котором сходятся импульсы из роменского (северянского) Левобережья, древлянского Правобережья (культура Луки Райковецкой), Хазарии и (если опираться на летописную легенду и раннее распространение памятников пражской и пеньковской культуры) даже Подунавья. Овладение этим центром становится естественной целью политики первых русских князей на формирующемся пути из варяг в греки: ср. "перенос" столицы из Ладоги в Новгород, а затем в Киев.

Предгосударственные образования ("племенные конфедерации") в Восточной Европе VIII–IX вв. не были уже "племенными княжениями" в собственном смысле: замкнутые племенные структуры были трансформированы в процессе этнокультурных, политических и экономических контактов и открыты для процессов государствообразования.

И.О.Князький

КОНТАКТНАЯ ЗОНА СЛАВЯН И ТЮРОК В ПРУТО-ДНЕСТРОВСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XI–XII вв.

Днестровско-Карпатские земли являлись ареной передвижений различных кочевых народов издревле. Это обусловливалось самим географическим положением области, находя-

щейся в конце евразийского "степного коридора". Поскольку Днестровско-Карпатские земли были для кочевников воротами на Балканы, то практически все волны великих переселений номадов со времен киммерийцев оставили свой след в их истории. Географическая неоднородность региона, несмотря на незначительность его территории, где имелись степные, лесостепные зоны, холмистые местности, покрытые лесами, и предгорья, создавала предпосылки для соседства здесь кочевников и оседлых жителей с древнейших времен.

Эти факторы во многом определяли особенности социально-экономической истории Днестровско-Карпатских земель в эпоху раннего средневековья.

В истории взаимоотношений кочевников и оседлых жителей в Днестровско-Карпатских землях в X–XII вв. выделяется два этапа. С первым связано разрушение крупнейших древнерусских поселений Алчедара, Екимауц и прочих. Захват кочевниками степных и лесостепных районов привел к гибели в этих местах оседлых земледельческих поселений. Так, прекратило свое существование самое южное гнездо древнерусских поселений в Поднестровье. С начала XII в. пришли в полный упадок сельские поселения в долине р. Бырлад в юго-западной части Днестровско-Карпатских земель. О занятии кочевниками ряда районов лесостепной зоны, где ранее проживало земледельческое население, свидетельствуют археологические находки кочевнических древностей в этих местах.

Прекращение жизни на разрушенных кочевниками укрепленых городищах свидетельствует о том, что их разрушение явилось результатом не отдельных набегов кочевников, а было следствием целенаправленных действий по ликвидации древнерусских укрепленных пунктов городского типа, которые могли бы сыграть роль военных центров для организации контрударов по кочевьям. Это является еще одним свидетельством появления на территории Днестровско-Карпатских земель постоянных вежей тюркских кочевников.

Второй этап взаимоотношений кочевников и оседлых поселенцев в Днестровско-Карпатских землях начинается с

расселения здесь кочевнических орд. Постепенно между ними устанавливаются отношения добрососедского сосуществования. Этому способствовали следующие факторы.

С одной стороны, исчезновение древнерусских укрепленных центров обезопасило кочевнические вежи от возможных контрударов, после чего у кочевников исчезла чисто военная необходимость в больших походах на эту территорию.

С другой стороны, именно эти относительно богатые торгово-ремесленные центры и были ранее основной целью кочевнических набегов. После их уничтожения экономических стимулов для дальнейших набегов не стало.

Грабительские набеги на сельские поселения большой добычи дать не могли. Установление мирных торговых связей для взаимообмена продуктами земледелия и кочевого скотоводства, несомненно, обещало больше экономических выгод.

Свидетельством мирного сосуществования кочевников и оседлых жителей в регионе в середине XII в. является сохранение в центральной части Пруто-Днестровского междуречья, близ земель, занятых кочевниками, значительного числа древнерусских поселений. Наличие же экономических связей оседлых жителей этих поселений с кочевниками подтверждается налаживанием керамического производства, в том числе глиняных котлов – типично кочевнической посуды.

В это же время складываются и этнокультурные связи славянского и тюркского населения. Надо отметить, что они имеют длительную историю. Постоянные контакты восточнославянского населения Днестровско-Карпатских земель с тюрками-протоболгарами-салтовцами, позднее печенегами, привели к распространению знания тюркских языков в среде славян. Представители древнерусского племени тиверцев выступали толковниками-переводчиками уже во время похода Олега на Византию в 907 г.

К середине XII в. в результате контактов древнерусского населения и тюркских кочевников (печенегов, торков, берендеев) в центре Днестровско-Прутского междуречья образуется своеобразная контактная этнокультурная зона. Об этом доста-

точно убедительно свидетельствуют материалы археологических раскопок и антропологических исследований. Учитывая исключительную важность контактной этнокультурной славяно-тюркской зоны, необходимо привести подробные свидетельства археологических источников. Только в этом случае культурная и этническая принадлежность памятников будет достаточно убедительно обоснована.

Из всех известных археологам поселений центральной части Днестровско-Прутского междуречья наиболее исследованы такие памятники, как Лукашовка V, Бранешты XIII, Петруха, поселение и могильники у с. Ханск.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению проблемы культурной и этнической принадлежности археологических материалов с этих памятников, необходимо выделить основные критерии, позволяющие дать точные определения таковой. Первый – это тип хозяйства: оседлый или кочевнический, земледельческий или пастушеский. Следующий важнейший критерий – тип жилища. Здесь особое значение имеют типы отопительных систем, которые являются наиболее стойким культурным элементом, указывающим на определенный тип хозяйства, а при изменении типа хозяйства он остается реминисценцией прежнего образа жизни. Для определения культурной принадлежности того или иного памятника ценным критерием являются украшения. К примеру, именно на основании особенностей женских височных колец были выделены племенные различия восточных славян. Далее следует выделить предметы обихода и хозяйственного назначения. Особо важны предметы культового назначения, позволяющие безусловно определить этнокультурную принадлежность памятника. Наконец, исключительное значение имеет керамика. Сочетание различных ее категорий, групп и типов не только определяет культурную и этническую принадлежность того или иного памятника, но и дает важный материал для понимания процессов, происходивших в недрах древнего и средневекового общества, способствует установлению взаимосвязей и взаимовлияний

между отдельными материальными культурами, а также между этническими группами с различным типом хозяйства.

Керамика, найденная на всех жилищах, относится к двум типам: древнерусскому и балкано-дунайскому. Древнерусская гончарная керамика, обнаруженная на поселении Лукашовка V, содержит слюду, что является характернейшим признаком тиверцев, древнерусского населения Днестровско-Карпатских земель. Керамика со слюдой типична для находок в городищах Екимауцы, Алчедар. Другая группа керамики – балкано-дунайская кухонная. По сравнению с аналогичной керамикой балкано-дунайцев IX–XII вв. керамика на поселении Лукашовка V претерпела некоторые изменения. У этих сосудов удлинены шейки, а венчик оформлен в виде жгута. Причины подобных изменений следует искать в традициях тюркских кочевников Северного Причерноморья.

Наиболее ярко процесс смешения трех этнических групп – восточнославянской, южнославянской и тюркской – прослеживается на материале археологических раскопок поселения XI–XII вв. у с. Ханск, находящегося в 20 км к югу от Кишинева. Найденная на поселении у с. Ханск керамика также характерна для трех культурно-этнических групп населения. Основная часть ее – восточнославянская, велика доля южнославянской, а многочисленные фрагменты глиняных котлов свидетельствуют о наличии там и тюркского населения, для которого эта форма посуды очень характерна.

Окончательные выводы об этническом составе жителей сельского поселения XI–XII вв. у с. Ханск, оставившего могильник Лимбарь, позволяет сделать антропологический анализ найденных погребений, проделанный антропологом М.С.Великановой. Она исследовала 96 погребений. Изученная краниологическая серия состоит из 40 черепов. В целом, она европеоидна, но на единичных мужских черепах отмечены монголоидные особенности. Женские черепа по своим краниологическим особенностям – славянские. Мужские черепа имеют аналогии среди кочевнического тюркского населения Северного Причерноморья. В целом, антропологические данные исследованных

погребений могильника Лимбарь прямо говорят о смешанном славяно-тюркском населении этой части Днестровско-Карпатских земель.

Обобщая приведенные археологические и антропологические материалы, можно с достаточной уверенностью утверждать, что в XI–XII вв. в центральной части Днестровско-Карпатских земель формируется контактная зона. Здесь по-прежнему сохраняется древнерусское, восточнославянское население. С юга, из тех мест Нижнего Подунавья, где поселения Балкано-Дунайской культуры были разгромлены в конце X в., идет переселение южнославянского (болгарского) населения. В XI–XII вв. к русско-болгарскому земледельческому населению присоединяются тюрки – печенеги, торки, берендеи и половцы. Начинается мирное соседство и этнические контакты славян и тюрок, постепенно часть тюрок переходит к земледелию.

Д.А.Коробейников

ВИЗАНТИЙСКО–ТЮРКСКАЯ ГРАНИЦА В МАЛОЙ АЗИИ (конец XIII в.)

В сборнике "Византийская дипломатия" проблемам византийско-тюркских дипломатических взаимоотношений была посвящена статья К. Хопвуда "Локальная дипломатия между византийцами и турками-османами: случай Вифинии", сравнительно небольшая по объему. Объем, впрочем, не сказался на содержании: исследователь пришел к важному выводу, что на основе взаимодействия кочевого тюркского и оседлого греческого населения в Вифинии эмиру Осману удалось создать устойчивое пограничное общество. Политически это выражалось также в том, что архонты-христиане становились вассалами ("нукерами" в терминологии османского хрониста XVI в. Нешри) Османа[1].

В этой мастерской конструкции недостает исследования другого уровня дипломатии – между византийским правительством и пограничной территорией, поскольку последняя отчетливо осознавалась византийцами как особая область, слабо подчинявшаяся контролю Иконийского султаната [ср. красноречивое свидетельство Акрополита о жилищах туркоманов, которые радовались военной добыче, в особенности же тогда, когда государство "Персов" (т.е. Румский султанат) колебалось и сотрясалось из-за нападений татар: Acrop. P. 136.10–16]. Между тем исследование пограничных реалий крайне затруднено, преимущественно в силу двух причин: объективной (слабая информированность хронистов, живших чаще всего в столице, в том, что происходит на границе) и субъективной (нежелание упоминать о незначительных, на взгляд культурного автора, событиях, а также известное пренебрежение к "дикому" пограничному обществу). Сила отторжения настолько велика, что тот же Акрополит характеризует "туркоманов" как ἔθνος...ἀσπόνδῳ μίσει κατά Ῥωμαίων (Idem.), – в противоположность "персам"[2], с которыми можно и нужно заключать выгодные союзы. Аналогичным образом к пограничному тюркскому обществу относились сельджукские хронисты[3]. Тем не менее имеются свидетельства, позволяющие заключить, что Константинополь пытался взаимодействовать с тюрками уджа[4].

Проанализированные мной сведения о Кастамонском восстании тюрок, случившемся в 1291–1293 гг. (которое стоит в ряду других анти-монгольских и анти-сельджукских тюркских мятежей в Румском султанате в 1270–1300 гг.), на основании сопоставления текстов Пахимера[5], Аксарайи и анонимного персоязычного автора позволили заключить, что:

1. Под неизвестным Меликом, возглавившим восстание, Пахимер имеет в виду не султана Мас'уда, а его брата, *мелика* Рукн ал-Дина Кылыдж Арслана, известного Аксарайи (*Aksarayi*. S. 170 ff.).

2. Византия пыталась контролировать мятеж: на его ранней стадии Мелик ездил в Константинополь, пытаясь заручиться поддержкой Андроника II и оставил в качестве заложни-

ков жену и дочь. Империя, как минимум, придерживалась благожелательного нейтралитета по отношению к восстанию.

3. Главный противник Мелика, некий Амурий, которого идентифицируют с одним из могущественных эмиров Кастамону Явлак Арсланом, погибшим в ходе восстания, имел связи с Константинополем: один из его сыновей был заложником в Византии.

4. Другой сын "Амурия", Али, уже после гибели Мелика и подавления восстания сделал попытку в 1304 г. получить у империи статус федерата с предоставлением ему для защиты области Месонисий возле нижнего течения реки Сангарий. Это произошло в условиях смены престола в Табризе (на трон взошел новый Ильхан Олджайту) и согласия державы Ильханов пролонгировать византийско-монгольский (иранский) союз[6]. Я не думаю, что ради этой цели Али отказался бы в пользу маленькой византийской области от своих исконных центров – Кастамону и Сафранболу. Восточная Вифиния была очень выгодной для пастбищ кочевников, и наиболее вероятное объяснение его просьбы – желание по договору, а не по праву войны (с риском подвергнуться гневу Ильхана, своего сюзерена), владеть местностью на византийской территории.Иное дело,что сами тюрки сорвали переговоры, сочтя все-таки более выгодным открытое нападение. Подобного рода система не является новшеством Андроника II: тот же Пахимер сообщает, что в 1260 г. Михаил VIII Палеолог "старался привлечь к себе гарнизоны персидских крепостей" в надежде отразить возможное наступление монголов[7]. Но ведь "персидские", т.е. сельджукские гарнизоны должны были подчиняться султану, а не императору! Пахимер не конретизирует, как это происходило в правление Михаила VIII, зато он дал некоторые сведения о том, что было на византийской границе при его сыне. Я охарактеризовал бы подобное явление как "двойной вассалитет", теоретически, как видим, возможный в пограничной зоне.

Если все-таки удается пока что в предварительной форме зафиксировать более или менее длительное дипломатическое влияние Византии на тюрок уджа, то закономерно встает во-

прос: на какие силы опиралась империя в этой зоне? Исследование К.Хопвуда по османским источникам XVI в. (с привлечением, однако, некоторых неполных сведений из "Истории" Пахимера) дает предварительный ответ на этот вопрос: пограничное общество складывалось из двух компонентов – тюркского и греческого. Я могу добавить, что, во-первых, согласно византийской политической теории, эти греки теоретически также были подданными императора, и что, во-вторых, описание пограничного общества как симбиоза кочевого тюркского и оседлого греческого населения является в определенной мере абстракцией, не учитывающей всей массы данных источников. Они же свидетельствуют, что реальная картина была гораздо сложнее: у того же Пахимера есть рассказ о том, как пришлые тюрки и греки-автохтоны разделили город Сарды на две части, границей была стена[8]. Это предполагает наличие тюркского *городского* населения уже в начале XIV в.

Таким образом, можно заключить, что объектом дипломатии империи были не только супердержавы Востока, такие как государство Ильханов, Золотая Орда или мамлюкский Египет, а также вассальные или зависимые от одной из этих супердержав государства (Трапезундская империя, Грузия, Киликийская Армения, Рум), но и тюркские протогосударственные образования. Без исследования реалий пограничья 1290–1310 гг., когда произошло завоевание остатков владений империи в Малой Азии, мы не поймем ни того, на какой же все-таки основе сложилось раннеосманское общество, ни логики действий императора, ни проблемы сохранения баланса сил в Восточном Средиземноморье в эту переломную эпоху.

Примечания и литература

[1] *Hopwood K.* Low-level diplomacy between Byzantines and the Ottoman Turks: the case of Bythinia // Byzantine Diplomacy / J.Shepard, S.Frank-lin. Hampshire-Brookfield (Vermont). 1992. P. 151-155.

[2] Этниконы "туркоманы" и "персы" обозначают по сути *один* этнос: тюрок Анатолии, с той разнищей, что "туркоманы"– это пограничные тюрки, а "персы" – знать вокруг правящей династии Сельджу-

кидов Рума и государственный аппарат султаната, в котором значительную роль играли "настоящие" персы – выходцы из Ирана и Средней Азии. "Персы" Акрополита, даже будучи тюрками по крови, находились под сильным иранским влиянием.

[3] Аксарайи (ум. между 1323–1327) характеризует пограничных тюрок не иначе как "ифритоподобными нечестивцами, которые напрочь сошли с пути справедливости". *Kerimuddin Mahmud Aksarayi.* Müsameret ül-ahbâr. Mogollar zamaninda Türkiye selçuklulari tarihi / Mukkademe ve haşiyelerle tashin ve neşreden... O.Turan. Ankara, 1944. S. 173.

[4] Удж – пограничная полоса.

[5] *Georgii Pachymeris* de Michaele et Andronico Palaeologis libri tredecim / Rec. Bekkerus. Bonnae, 1835. Vol. II. P. 327.6–332.6. Перевод будет опубликован в кн.: Византийский временник. Т. 59.

[6] *Pachym.* II. P. 460.

[7] *Georges Pachyméres.* Relations historiques / A. Failler. Trad. par V. Laurent. Paris, 1984. Vol. I. P. P. 187.6–7.

[8] *Pachym.* II. P. 402–405.

ЧАСТЬ II

ЗОНЫ КОНТАКТОВ: МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В.В.Седов

О РАССЕЛЕНИИ ДУНАЙСКИХ СЛАВЯН НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЕ

Освоение славянами Восточной Европы началось в римское время, когда в Северном Причерноморье среди скифо-сарматских племен расселилась значительная часть их. Результатом славяно-иранского симбиоза стало формирование антов. Нашествие гуннов расчленило их: часть антов ушла в Среднее Поволжье (именьковская культура), оставшиеся в лесостепном междуречье Днепра и Днестра анты образовали пеньковскую культуру. В V–VI вв. другая группа славян освоилась на Волыни и в южных районах Припятского Полесья (пражско-корчакская культура). В период великого переселения народов славянами были заселены лесные земли Восточноевропейской равнины. Миграция шла из Висло-Одерского региона. В результате сформировались древности, ареально сопоставимые с летописными племенами – культура псковских длинных курганов (кривичи псковские), сопок (словене ильменские), тушемлинская (будущие кривичи смоленско-полоцкие), мери. На рубеже VII и VIII вв. под натиском тюркских кочевых орд славяне вынуждены были оставить Средневолжские земли и заселить левобережноднестровскую и верхнедонскую области.

Когда Восточноевропейская равнина в основном уже была освоена славянами, имел место приток многочисленных групп славян из Дунайского региона. Первые следы расселения дунайских славян фиксируются находками металлических из-

делий, художественный стиль которых имеет явные дунайские истоки. Согласно О.М.Приходнюку, на Пастырском городище, где встречено наибольшее число таких вещей, осели мастера из Подунавья. Аналогичные находки сделаны на Днестре и Южном Буге, на Волыни и в Днепровском лесостепном левобережье, которые определяют первый этап инфильтрации дунайских славян в южнорусские земли, датируемый первой половиной VII в. В середине этого столетия на той же территории получает распространение дунайский набор украшений, изготовленных в технике тиснения и обильно декорированных зернью. В его составе – серьги, лунницы, бусы и медальоны.

Другая довольно многочисленная группа дунайских переселенцев в VIII в. осела в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье. Эту миграцию документируют прежде всего лунничные височные кольца и некрупные традиционные привески с точечным узором по нижнему краю. Дунайские лунничные кольца стали основой височных украшений населения, представленного культурой смоленско-полоцких длинных курганов. В одном из таких курганов в Цурковке обнаружены поясной набор дунайского происхождения (гарнитура типично позднеаварская) и браслет типа Сент-Эндре. По-видимому, в процессе движения в Смоленско-Полоцкий край от этой переселенческой волны оторвалась какая-то немалая группа славян, которая двинулась на Оку, где также известны и лунничные височные кольца и аналогичные трапециевидные украшения.

Прилив дунайского населения в Восточноевропейские земли продолжался в IX – начале X в. Переселенцами с Дуная привнесены были подвески из проволочных колец с привесками из полых шариков в виде грозди винограда и расположенных симметрично розеточек, находки которых встречены широко от Днестровско-Прутского междуречья на юго-западе до левобережной части Киевского Поднепровья на юго-востоке и до Смоленщины на севере. Три такие находки происходят в частности из Гнёздова, где встречены и другие вещи, поступившие из Подунавья, – височное кольцо нитранского типа, чекан блу-

чинского типа и золотая шпора. Исследователи утверждают, что и первая гончарная керамика имеет дунайское начало.

В IX в. на широкой территории от Хотомеля на Горыни до округи Воронежа и Зарайска появляются лучевые височные кольца, сопоставимые с дунайскими, которые стали прототипами головных украшений радимичей и вятичей.

Дунайское происхождение имеют и железные ножи с рукоятками, оформленными волютообразными завершениями. Их назначение связано с языческим культом. Такие ножи обнаружены во многих памятниках восточных славян VIII–IX вв. Из Дунайского региона занесены были и удила первого типа (по А.Н.Кирпичникову). Среди них удила с инкрустированными латунью псалиями и глазками-вставками синего стекла из Холопьего городка под Новгородом имеют точные аналогии в славяно-аварских древностях Среднего Подунавья.

Разнотипность дунайских находок, их широкое распространение на Восточноевропейской равнине и временной диапазон свидетельствуют о многоактности и множественности миграционных волн, исходивших из Подунавья. Летописное сообщение о Дунае как исходном регионе расселения славян, как теперь можно полагать, относится не к первоначальному освоению славянами Восточноевропейских земель, а к миграциям VIII–IX вв., документируемым данными археологии. Отлив славянского населения с Дуная в этот период находит подтверждение в историко-археологических материалах. Становится понятным и широкое хождение термина "Дунай" в русском фольклоре и обрядности.

В.П.Коваленко

ИССЛЕДОВАНИЯ ШЕСТОВИЦКОГО ГОРОДИЩА

Комплекс археологических памятников у с. Шестовица Черниговского района Черниговской области включает два городища с посадами (в урочище Городище в южной части села

и в ур. Коровель, к югу от села) и многочисленными курганными группами, большинство из которых не сохранились, а также ряд селищ IX–XIV вв. Из них наибольшую известность в литературе имеет городище в ур. Коровель с относящимися к нему курганными группами в ур. Дуброва, Колодливо, Узвоз и Коровель. Однако, вопреки устоявшемуся мнению, памятники ур. Коровель вошли в научный оборот относительно поздно: часто упоминаемые исследователями ссылки на Шестовицкое городище у А.Ф.Шафонского, архиепископа Филарета (Гумилевского), Д.Я.Самоквасова, Н.А.Константиновича и П.С.Уваровой относятся к городищу на территории села.

Первые исследования на городище Коровель провел в 1925 г. черниговский археолог П.И.Смоличев, который, приступая к раскопкам Шестовицкого могильника, обследовал относящееся к нему городище и даже заложил на нем два шурфа.

Городище неправильной округлой формы (площадь свыше 1 га) расположено на стрелке сильно вытянутого почти по линии север-юг мыса, который более чем на 1 км выступает в пойму правого берега р. Десна, к югу от с. Шестовица, в ур. Коровель. С запада и юга почти к самому подножию городища подходила р. Жердова (приток Десны), с востока – старицы Десны. Поверхность городища представляет собой довольно ровную площадку, склоны которой некогда круто обрывались к пойме. Мыс неоднократно распахивался, а в 1955 г. был засажен сосновым лесом. Судя по топографии памятника, в древности по всему его периметру шёл вал, который в настоящее время сильно расплылся и сохранился чётко (высота 1–2 м, ширина в основании 20–25 м) только с напольной (северной) стороны, едва прослеживается по южному склону и скорее угадывается на отдельных участках восточного и западного склонов. В юго-восточной части мыса есть небольшое возвышение подтреугольной формы, покато понижающееся к юго-востоку и отрезанное от основной площадки городища рвом. Сильно заплывший ров (ширина 11–12 м) фиксируется и перед валом с напольной стороны. Основной въезд на городище находился с северной, напольной стороны и проходил при-

мерно по центральной части мыса. К нему же выходил и въезд из поймы, проложенный по дну рва, а далее по спланированному в виде пандуса восточному склону. Так называемый южный въезд, также выходящий к пойме, производит впечатление позднего, хотя для подтверждения этого требуется проведение специальных исследований.

В 1946 г. памятник изучался Я.В.Станкевич (60 м^2 в юго-западной части городища), в 1947 г. – И.И.Ляпушкиным (несколько разведочных шурфов), в 1948 г. – Д.И.Блифельдом (398 м в юго-восточной части городища), в 1993 г. – Ф.А.Андрощуком (70 м^2 в северо-западной части). В ходе этих работ был исследован ряд разновременных жилищ, хозяйственных построек и ям в промежутке от VI–VII до XII–XIII вв., однако время возведения городища осталось неизвестным.

В 1983 г. в северной части городища автором была заложена траншея 20 × 4 м с целью получить полный разрез вала. Она была ориентирована по линии север-юг, перпендикулярно насыпи вала, в нескольких метрах восточнее древнего въезда со стороны плато. Работы на траншее позволили выделить на исследованном участке несколько строительных периодов, разделяемых пожарными прослойками различной мощности. Непосредственно над материком[1] залегает слой с раннегончарной керамикой середины – второй половины IX в., перекрытый одной горелой прослойкой. Второй строительный период датируется концом IX – началом XI вв. и также перекрывается слоем пожара, после которого городище некоторое время, по-видимому, находилось в запустении. Третий период относится к концу XI – первой половине XII вв. и снова заканчивается пожаром, причем связанная с ним горелая прослойка заходила под основание насыпи вала, в теле которого были зафиксированы два ряда деревянных срубов, примыкавших один к другому. Внешняя линия срубов (городни шириной ок. 4 м) была глухой и засыпалась грунтом, взятым с площадки городища; внутренний ряд срубов (ширина 3,70 – 3,80 м) был, вероятно, жилым. Внутри клети расчищен развал печи, упавшей со значительной высоты. Видимо, клеть имела два этажа: хозяйственный (нижний)

и жилой (верхний), в котором и стояла печь. Непосредственно за клетью исследованы остатки наземного срубного жилища. В заполнении городен, клети и жилища были собраны многочисленные находки X–XII вв.

Таким образом, работы 1983 г. на прорезавшей северный вал траншее принесли совершенно неожиданные результаты: они показали, что укрепления городища на исследованном участке были возведены во второй половине XII в. Полученные выводы были бесспорны, но, вместе с тем, настолько противоречили материалам могильника, посада и самой исторической логике, что автор не рискнул тогда их опубликовать. К тому же, смущало наличие к северу от вала замытого рва с ранней керамикой в придонной части.

Возможность продолжить исследования Шестовицкого городища представилась только в 1998 г. и осуществлялась силами экспедиции ИА НАН Украины и Черниговского педагогического университета им. Т.Шевченко при участии Норвежского Университета науки и технологий, Института археологии (г. Тронхейм) и Брянского педагогического университета. Главной задачей, которую предстояло решить в сезоне 1998 г., был вопрос о времени возведения укреплений на городище Коровель. С этой целью в северной части площадки был заложен раскоп 1 (140 м^2), который непосредственно примыкал к траншее 1983 г. с востока и севера, расширив описанный выше разрез вала. Для того, чтобы исключить возможные ошибки или случайности, в 40 м к юго-востоку от него, в восточной части городища, был заложен контрольный раскоп II (50 м^2), который должен был разрезать вал на склоне, обращенном к пойме.

Исследования на обоих раскопах выявили в целом тождественную картину. Они показали, что древнейшие наслоения древнерусской эпохи датируются здесь второй половиной IX в. (керамика с венчиками доманжетных типов). Судя по слабой гумусированности слоя и незначительной его насыщенности материалом, этот период в жизни памятника был не очень продолжительным и не отличался особой интенсивностью. В конце IX в. по периметру площадки насыпается вал. Перед этим посе-

ление переживает пожар, следы которого отмечены под подошвой вала на всех раскопах. С напольной стороны в теле его зафиксированы следы деревянных конструкций типа двух каркасно-плетневых стен, расположенных на расстоянии около 3 м одна от другой, причем каждая из них имела двойной контур (расстояние между этими стенами 0,3 – 0,5 м). Наряду с ямками от небольших плетневых колышков, расположенных на расстоянии 0,08 – 0,20 м одна от другой, через каждые 2,0 – 2,5 м в составе этих конструкций зафиксированы ямки от более крупных столбов, диаметром 0,3 – 0,5 м. Судя по количеству столбовых ямок, не исключено, что с внутренней стороны они усиливались еще какими-то дополнительными конструкциями. В связи с неоднократными перестройками и многолетней распашкой определить параметры первоначального вала достаточно трудно. Со стороны поймы он имел, по-видимому, ширину 8 – 10 м, при сохранившейся ныне высоте над уровнем материка до 2 м; с напольной стороны – 10 – 12 м. Перед валом находился ров, который на исследованном участке имел ширину 11,5 м при вероятной глубине 3 м. Склоны террасы со стороны поймы были эскарпированы. Именно с этим периодом жизни городища связано функционирование большинства групп курганного некрополя, а в культурном слое наблюдается концентрация находок предметов дружинного обихода: кистени, наконечники стрел, сабельная гарда, поясные бляшки и кольца, детали конской упряжи, бронзовые гирьки для весов, железные подковообразные фибулы ромбического сечения, железный футляр для трута, ладейные заклепки и гвозди и т.д.

В первой половине XI в. памятник переживает новую военную катастрофу: мощный (до 0,20 м) горелый слой зафиксирован на внешнем склоне вала с напольной стороны. Представляется чрезвычайно заманчивым связывать эти события с захватом власти на Левобережье Мстиславом Владимировичем в 1023–1024 гг., тем более, что примерно в это же время, в первой половине XI в., прекращается функционирование и других синхронных дружинных некрополей в окрестностях Чернигова:

в Табаевке (летописный Оргощ), Звеничеве, Гущине и др., а интенсивность жизни на их городищах резко падает.

Как отмечалось выше, после этого пожара городище какое-то время находилось в запустении, вследствие чего частично заплыл ров. Однако вскоре жизнь здесь возобновляется. Во второй половине XI в. оборонительные сооружения городища (главным образом, с напольной стороны) подвергаются реконструкции, а в середине XII в. (вероятно, в ходе разгоревшейся в Южной Руси феодальной войны) оно вновь переживает пожар. При этом, по-видимому, наибольшим разрушениям подверглись укрепления северного въезда, поэтому при очередной реконструкции в середине – второй половине XII в. вал в этом месте был снивелирован, а въезд дополнительно укреплен более мощными срубными конструкциями типа городен, имевшими не менее двух этажей в высоту и два ряда в глубину. Возможно, это была двухэтажная башня с проездом, восточная часть которой и попала в траншею 1983 г. Затем они были вновь частично прикрыты новой насыпью (ширина в основании 20 – 25 м), а грунт для неё был взят тут же, с территории площадки. Вследствие этого на данном участке под подошву новой насыпи и в заполнение клетей попали материалы X–XII вв., что и создало при проведении работ 1983 г. впечатление о строительстве укреплений не ранее XII в. Судьба городища в XIII в. нам пока не известна. В письменных источниках оно не упоминается, явных следов военного разгрома эпохи Батыева нашествия пока здесь не выявлено. Возможно, городище в 1239 г. было оставлено жителями без сопротивления. Во всяком случае, материалы второй половины XIII в. на его площадке не обнаружены.

Кроме указанных двух раскопов, траншеей 2 (36 × 1 м) был прорезан западный склон городища. Эти работы подтвердили выводы Я.В.Станкевич о том, что проходящий вдоль западного склона мыса эскарп не имеет отношения к древним оборонительным сооружениям, а является противотанковым рвом, отрытым в 1941 г. На небольшом возвышении у подножия городища, к которому в древности вплотную подходило русло р. Жердовы, траншеей выявлен достаточно мощный

культурный слой X–XI вв. Возможно, здесь находилась гавань. Из находок особо отметим донце кружального горшка с клеймом в виде княжеской тамги-двузубца.

С севера к городищу примыкает обширный (700–1000 × 80–400 м) посад, культурные напластования которого имеют в целом тождественную хронологическую шкалу. В 1983–1984 и в 1998 гг. на посаде (главным образом в его северо-восточной части) автором было вскрыто около 3200 м^2, где исследовано свыше 130 построек, среди которых безусловно доминировали объекты ремесленного, промыслового и хозяйственного назначения, тогда как жилища представлены единичными экземплярами, а также значительное количество хозяйственных ям. Подавляющее большинство из них датируются концом IX – началом XI в.; объекты, относящиеся ко второй половине XI – середине XIII в. встречаются значительно реже и расположены, главным образом, вблизи городища, что свидетельствует о значительном сокращении площади посада в XI в.

В заключение следует отметить, что, несмотря на значительные на первый взгляд вскрытые площади на городище (свыше 880 м^2) и посаде (ок. 3200 м^2), все предложенные выше выводы носят предварительный характер и могут корректироваться в ходе дальнейших исследований памятника.

Примечания

[1] Материалы эпохи бронзы, раннего железного века и раннеславянские древности, также присутствующие на городище, на исследованном участке встречались только в переотложенном виде.

М.В.Бибиков

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЦЕНТРЫ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ КУЛЬТУР

За полутысячелетнюю историю контактов Византии и Руси в их осуществлении особую роль сыграли несколько ос-

новных центров – перекрестков культур. Весь X век в истории русско-византийских отношений прошел под знаком обмена официальными посольствами. Греческие дипломаты приезжали в Киев для заключения договоров. Древнерусская и византийская столицы – Киев и Константинополь – были главными центрами официальных политических контактов. В Киеве таким особым локусом был, несомненно, митрополичий двор: учреждение русской митрополии константинопольского патриархата в Киеве между 996/7 и 997/8 гг. сказалось на усилении русско-греческих связей. 22 из 24 известных до начала XIV в. митрополитов Руси были греками.

С возникновением церковной организации на Руси связан и другой важнейший центр русско-византийских культурных связей. Это – Херсонес, или средневековый Херсон, в Крыму (в совр. Севастополе), называемый в русских летописях Корсунем. Именно там, по свидетельствам о крещении св. князя Владимира, произошли основные события, непосредственно связанные с официальной христианизацией великого князя киевского и всея Руси.

О том, что Херсон являлся также узловым пунктом в истории русско-греческих экономических (торговых) связей, свидетельствует уже в середине X в. византийский император Константин Багрянородный. Причем, наряду с тем, что русские купцы регулярно приходили в Царьград по пути "из варяг в греки", вероятно, и херсонские купцы знали путь на Русь, переправляясь через Днепр около Крарийской (Кичакской) переправы. Роль Крыма в становлении и развитии связей греческой культуры с Русью хорошо понятна и объяснима: ведь именно здесь происходило пересечение цивилизаций со времен эллинско-скифских контактов. Здесь же состоялось и первое знакомство византийцев с Русью.

С установлением торговых путей связано оживление русско-греческих связей в Нижнем Подунавье: во второй половине X в. в Переяславце на Дунае русско-греческая торговля была явлением повседневной экономической жизни.

Наконец, еще одним центром таких связей была Фессалоника, или Солунь в славянской традиции (совр. Солоники), куда на ярмарку спешили, как рассказывается в византийской сатире XII в. "Тимарион", купцы с северных берегов Эвксинского Понта.

Сведения о греческих купцах на Руси, в первую очередь в Киеве, мы постоянно встречаем на протяжении всего X – первой половины XII в., т.е. торговые связи не прерывались в течение всего древнерусского периода отечественной истории, несмотря на многочисленные военные и дипломатические конфликты. В рассказе Киево-Печерского патерика о строительстве Успенского собора Киево-Печерской лавры сообщается о большом числе греческих купцов, приехавших из Константинополя вместе со строителями собора. Русская летопись говорит о купцах-"гречниках", плававших в Киев в XII в., как и ранее в X в.

Крупнейшим центром взаимодействия цивилизаций средневековья был, конечно, Афон. Более 1000 лет существует то, что иногда называют монашеской республикой, обосновавшейся на склонах гористого полуострова Халкидика. Афон, или Святая гора, с последней трети X в. стал колыбелью возникших здесь нескольких десятков монастырей и скитов – греческих (Лавры св. Афанасия, Ватопедского, Ксиропотамского, Филофейского, Ксенофонтова), грузинского (Иверского), сербского (Хиландарского), болгарского (Зографского), русского (Ксилурга – "древодела", позже именованного св. Пантелеимона); Кутлумушский монастырь был, вероятно, основан в начале XIII в. крещеным сельджуком – потомком тюрка Кутлумуша. Сохранились старинные гравюры и рисунки афонских обителей, выполненные в XVIII в., но воспроизводящие древние архитектурные формы. Так, на зарисовке 1744 г. Русского монастыря Василием Григоровичем-Барским воспроизведены архитектурные памятники "Русика": высокая надвратная башня, катаникон – главный собор. А на гравюре А.Варина из Венской национальной библиотеки хорошо видны все часовни, собор, трапезная Русского монастыря; здесь же – монастырская библиотека, известная своим рукописным собранием.

Библиотека и архив были важнейшей неотъемлемой частью афонских монастырей. Прежде всего в них хранились важные для афонитов юридические документы: императорские грамоты-хрисовулы, распоряжения протата (святогорского "правительства"), другие акты, регулировавшие нормы жизни на Афоне. Но библиотеки были не только местом хранения важных документов. Книжные собрания помогали творчеству литераторов, историков, публицистов, распространению средневековой культуры по всему свету. Когда в середине XI в. основатель Киево-Печерской лавры Антоний Печерский знакомился на Афоне с монастырским уставом, то, вернувшись в Киев, он использовал афонский опыт для определения статуса первого монастыря Древней Руси.

Путь взаимодействия культур был двусторонним – как из Греции на Русь, так и обратно: в самой Византии была распространена древнерусская книжность, в чем нас снова убеждают материалы афонских архивов. Сохранилась составленная в 1142 г. опись имущества Русского монастыря, где в скрупулезном перечне называются многочисленные иконы, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, а также книги. При этом подчеркивается наличие русских книг и шедевров прикладного искусства. Перечислены золотая "русская епитрахиль", "русские шелка", в частности, с богородичным образом, капа и, наконец, русские рукописи – пять книг "Апостола", два паракликитика, пять октоихов, пять ирмологиев, четыря синаксаря, парамийник, 12 линейных сборников, два патерика, пять псалтирей, книга сочинений Ефрема, Панкратия, пять Часословов, Номоканон. Судя по этому документу, библиотека только русских книг насчитывала 48 томов. Это немало, если, например, для сравнения иметь ввиду, что, скажем, в Москве даже значительно позже, в середине XVII в. на Печатном дворе насчитывалось всего 32 греческие книги (Фонкич, 1977. С. 105 сл.). Афонские обители были и крупнейшими переводческими центрами средневековой литературы. Так, Хиландарский монастырь хранит старейший после оригинала список замечательного памятника славянской и древнерусской книжности – Избор-

ник Святослава 1073 г. Южнославянский оригинал книги, переписанный для киевского князя – сына Ярослава Мудрого и хранящийся сейчас в Историческом музее в Москве, был создан в болгарском Преславе на основе византийского прототипа (Бибиков, 1996. С. 320 сл.). Греческие списки прототипа книги сейчас можно обнаружить в рукописных собраниях Рима, Парижа, Оксфорда, Милана, на Патмосе, в Иерусалиме и Эскуриале. Ряд таких греческих кодексов находится и на Афоне: два (XIII и XIV вв.) в Лавре св. Афанасия, по одному – в Иверском монастыре, в Ватопеде, обителях Каракалла и Дионисия; один из списков XIV в. хранится в Русском монастыре св. Пантелеимона.

Так, сокровища византийской духовной культуры усваивались книжниками, переводчиками и писцами Древней Руси, становились уже самостоятельным элементом древнерусской образованности.

Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что в период серьезных испытаний XIII в. – после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. и монголо-татарского нашествия на Русь – связи греков и Руси не прекращались. В новых условиях происходит возвышение нового центра взаимных контактов – Москвы. В это время прокладывается и активно используется и новый путь – Азовско-Донской. Он хорошо описан в "Хождении митрополита Пимена в Царьград" 1389 г. Пимен отправился из Москвы и, миновав Рязань, прошел путь по Дону, через Азов, Крымскую Кафу (Феодосию), Судак и через Синоп уже на южном побережье Черного моря прибыл в Константинополь, потратив на весь путь два с половиной месяца.

Этот период характеризуется углублением прежде всего культурных связей греков с Русью. Успешно развивается такое новое явление как греческое книгописание в России. В 1408 г. трапезундский епископ Феодул в Москве переписывает Анфологий, находящийся сейчас в рукописном собрании Ватиканской библиотеки. Эта книга хранилась в Москве в библиотеке митрополита Фотия (1408–1431), которому принадлежало еще восемь ныне известных рукописных греческих кодексов. Анфологий Феодула Трапезундского попал в Италию в 1437 г., взя-

тый митрополитом киевским и всея Руси Исидором с собой во Флоренцию на собор, обсуждавший вопросы заключения греколатинской унии. Тот же путь проделали и другие греческие книги, созданные в России и принадлежавшие Исидору: сборник произведений Николая Кавасилы 1411 г. и сборник сочинений о примате папы 1423 г. Обе рукописи находятся теперь в Ватиканской библиотеке.

В середине XVI в. библиотека греческих книг была собрана сподвижником Ивана Грозного Сильвестром. Туда вошли, в частности, рукописи Максима Грека. Рукой греческого философа и просветителя, как следует из записей в книгах, была выполнена в Твери в 1540 г. Псалтирь, а чуть позже – Апостол.

В июле 1588 г. в Москве в составе свиты константинопольского патриарха Иеремии II появился Иерофей Монемвасийский. Результатом работы этого книжника в Москве стал сборник Геласия Кизичского о Никейском соборе и актов Эфесского собора, а также книга 1596 г. блаженного Августина в греческом переводе Максима Плануда и Прохора Кидониса. Первый из этих манускриптов хранится в Патриаршей библиотеке в Иерусалиме, второй – в Святогробском метохе в Константинополе. В Иерусалимском храме Вознесения находилась и прекрасная греческая рукопись – "златокованое" служебное евангелие, изготовленное в Москве в 1596 г. по заказу царя Бориса Годунова для подарка иерусалимской церкви. К этому же времени, 1596–1599 гг. относится рукописная деятельность в Москве иеромонаха Матфея из Погонианы – древнего Эпира. Сохранилось 6 его автографов (Деяния соборов, Литургикон, Четвероевангелие). Всего в XV–XVI вв. в России – в Москве, Твери и Новгороде – были переписаны дошедшие до нашего времени 22 греческие рукописи.

В XVII в. приток греческих книг в Россию резко увеличился. Около 500 греческих книг – рукописных и старопечатных – привез из своей поездки по Афону в 1654–1655 гг. Арсений Суханов. Эти книги и поныне являются жемчужиной московского собрания рукописей ГИМа.

В 1649 г. впервые в Москве оказался в свите иерусалимского патриарха Паисия иеромонах Арсений (Грек). Его греческая библиотека насчитывала, судя по сохранившейся описи, до 60 кодексов. Они составили затем ядро собрания Печатного двора. Часть этой коллекции, представляющей собой прежде всего современную для XVI–XVII вв. греческую литературу (новогреческий перевод Диоскорида, грамматику Константина Ласкаря и Мануила Мосхопула), сохранилась до наших дней. Арсений Грек, по свидетельству его современника – Адама Олеария – был учителем в Москве. Со временем он возглавил греко-латинскую школу, находившуюся в Кремле "близ патриаршего двора". То обстоятельство, что Арсений ездил в Новгород и привез оттуда 17 рукописей, свидетельствует о распространении греческой книжности не только в Москве, но и в Новгороде. Далее, в 1655 г. он привез в Москву 16 греческих книг, среди которых были такие уникальные списки, как Илиада и Одиссея, Батрахомиомахия ("Война лягушек и мышей"), сборники Иоанна Кантакузина, Максима Маргуния. Особая страница в истории русско-греческих культурных связей – творчество братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, организаторов Славяно-греко-латинской академии в Москве, открывшейся в 1687 г. Сохранившиеся в рукописном собрании Российского государственной библиотеки, их автографы представляют собой оригинальные произведения по грамматике, риторике, физике, полемические сочинения.

Такое распространение греческой образованности в России и, прежде всего, в Москве, привело к тому, что со второй половины XVII в. греческие книги переписываются здесь уже не только греками, но и русскими писцами, получившими соответствующее образование.

Итак, живые, никогда не прерывавшиеся связи Византии и Руси, Греции и России внесли важный вклад в развитие образованности в России в условиях творческого взаимодействия греческой и русской культур.

Если следовать предложенному В.А.Арутюновой-Фиданян различению понятий "контактная зона" и "зона контактов",

то в истории русско-византийских отношлений мы найдем примеры каждого из названных явлений. Если под "зонами контактов" подразумевать просто места соприкосновения культур, то таковыми можно считать Солунь, Нижнее Подунавье, позже Новгород и Тверь. Более глубокое взаимопроникновение культур предполагает категория "контактных зон", когда в центрах или более или менее обширных ареалах создаются совместные социо-культурные институты. В таком случае, "контактными зонами" Руси и Византии следует считать прежде всего Афон и Таврику, со смешанным этно-социальным составом населения, определяющим характер местных институтов). Промежуточное положение в подобной схеме занимают столицы Константинополь и Киев, а затем и Москва, где существовали институты взаимодействия (русский квартал с храмом в Царьграде, митрополичий двор в Киеве, руководимые греками школы в Москве и т.п.), но они не были своего рода "совместными предприятиями", а оставались в основном феноменами греческой или русской государственности.

М.Б.Свердлов

РУССКИЙ КУПЕЦ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ X в.

Константинополь в первой половине X в. был важнейшим центром торговых контактов Европы. Но несмотря на множество исследований, посвященных анализу русско-византийских договоров (в новейшей литературе особо следует отметить цикл статей Г.Г.Литаврина о юридическом статусе русов в Константинополе в X в.), остаются вопросы, на которых еще следовало бы остановиться специально, в частности, на особенностях пребывания русских купцов в Константинополе (здесь и далее понятие *русский* используется как *относящийся* к Руси).

В Константинополе хорошо знали и опасались воинственных русов, которые с первой половины IX в. не только при-

бывали в столицу империи с мирными целями, но и нападали на византийские владения. Купцы русов, собрав флотилии судов, приплывали торговать значительными группами вооруженных людей, которых сопровождали вооруженные и невооруженные свободные и несвободные слуги – челядь. Эти купцы могли приносить не только доходы империи, византийским ремесленникам и торговцам, но и значительные осложнения во время сделок и бытовых конфликтов. Поэтому русско-византийские договоры первой половины X в. тщательно регламентировали статус русских купцов в Константинополе.

Русская купеческая торговля в столице империи была жестко организованной. При этом следует различать "внутренний" и "внешний" аспекты этой организации. Купцы должны были объединяться и создавать структурированные микроколлективы, чтобы защищаться от нападений кочевников и разбойников, оказывать взаимную помощь во время бурь и кораблекрушений. Внутрикупеческие связи укреплялись, видимо, уже в X в. взаимными товарными и денежными операциями, которые позднее известны по Пространной редакции Русской Правды.

"Внешним" фактором организации купеческой торговли становились государственные контроль и регулирование ее с византийской и русской стороны. Обязательное удостоверение правомочности русских купцов княжескими печатями в первой половине X в. свидетельствует об уже существующей системе государственного контроля над русско-византийской торговлей. По ст. 2 договора 944 г. это правило было заменено составлением княжеской грамоты к императору с указанием числа судов в купеческой флотилии (в ее состав могли включаться корабли послов). Такие формы удостоверения правомочности купцов посредством печатей и грамот известны по византийско-болгарскому договору 716 г., подтвержденному в 812 г., что позволяет предположить инициативу введения данного условия со стороны империи, но, с другой стороны, свидетельствует о готовности русских государственных структур и о состоянии ее культуры этим требованиям соответствовать. О строгости в соблюдении княжеского удостоверения русских купцов свидетельству-

ют санкции византийских властей: без него купцы арестовывались, в случае сопротивления убивались. Но защитником интересов русских купцов являлось персонифицированное в (великом) князе государство. Поэтому при аресте купцов имперские власти должны были сообщить об этом русскому князю, а в случае их убийства он не должен был осуществлять санкции против империи и византийцев. Князь являлся также гарантом мирного поведения русских купцов в Византии.

В Константинополе русские купцы подчинялись правилам, установленным византийскими властями и русско-византийскими договорами. Им разрешалось жить только в городском предместье у монастыря св. Маманта, по убедительному предположению Г.Г.Литаврина, в освобожденных на теплое время года казармах, где они получали приготовленную еду (или помесячное продовольственное содержание).Перепись купцов была обычной для константинопольской практики. Ей придавалось существенное государственное значение: она осуществлялась легатарием, назначенным эпархом города и утвержденным в должности императором (Книга Эпарха, XX, 1, 2; здесь и далее использованы издание и перевод М.Я.Сюзюмова). В связи с убедительной гипотезой Г.Г.Литаврина о последовательном прибытии в Константинополь *не менее* двух русских купеческих флотилий, которые содержались с их сменой в течение шести месяцев, можно предположить, что число таких караванов было *более* двух, поскольку количество купцов в договорах не регламентировалось.

Ограничения в торговле русских купцов в Константинополе хорошо известны: они должны входить в одни ворота по 50 человек без оружия в сопровождении византийского чиновника. Но эти ограничения объясняются тем, что власти опасались своих недавних противников. Книга Эпарха указывает и другие меры контроля над русскими купцами, что, впрочем, распространялось по закону на всех: легатарий должен был докладывать эпарху, откуда прибыли купцы, с какими товарами, устанавливался срок их продажи.

Ограничение покупки ценных тканей суммой не более 50 золотых номисм представляется привилегией, если сравнить его с неразрешением покупать в Константинополе "запретные ткани" (Кн. Эп., IV, 8) и позволением вывозить паволоки в небольшом количестве отдельным знатным лицам (Лиутпранд Кремонский). Купля-продажа русских купцов в других случаях не ограничивалась в договорах и не нормировалась, за исключением продажи пленных христиан и выкупа русских пленников, что также являлось привилегией, если учесть, что по Книге Эпарха должны были составляться списки закупленных купцами товаров. По победоносному миру 907 г. торговля велась беспошлинно. Льготным для русских купцов был и правовой статус, согласно которому в случае правонарушений они судились в соответствии с юридическими нормами, составленными преимущественно по Закону Русскому, а не византийскому праву (см. наш доклад на IX Пашутинских чтениях).

Таким образом, в дополнение к ранее сделанным в литературе наблюдениям особо следовало бы отметить: 1) статус русских купцов в Константинополе как следствие межгосударственных отношений, вследствие чего их деятельность регулировалась и контролировалась в равной мере как имперской, так и (велико)княжеской властью; 2) нормативность контроля над деятельностью русских гостей в Константинополе без принижения в ней их статуса и, напротив, существование для них определенных экономических и юридических привилегий в сравнении с другими иноземными купцами.

Т.М.Калинина

АРАБСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УЧЕНЫЕ О КОНТАКТАХ ХАЗАР И СЛАВЯН

Предметом данного доклада является не история взаимоотношений Хазарии и Древнерусского государства, а случаи

параллельного применения терминов "ас-сакалиба" и "ал-хазар" в арабо-персидских источниках.

Целый ряд средневековых арабо-персидских ученых обращался к так называемой библейской генеалогии народов. Упоминались там зачастую и народы ас-сакалиба и ал-хазар, всегда причислявшиеся к потомкам Йафета, сына Ноя. Однако сближались они не всегда одинаково.

Автор всемирной истории ат-Табари (839–923), со ссылкой на Ибн Исхака (VIII в.), причислял к потомкам Йафета ат-турк, ас-сакалиба и народы йаджудж и маджудж (*at-Tabari*. I, 211). Ал-Бакри (XI в.), со ссылкой на Са'ида ибн Мусеййаба (ум. 713/714 г.), тоже называл потомками Йафета йаджудж и маджудж, ат-турк и ас-сакалиба (*Куник-Розен*. 1, 18), не упомянув здесь хазар.

Ал-Йа'куби (IX в.) в своем историческом труде несколько раз обращался к библейской родословной. В одном фрагменте сочинения (*al-Jaqu'bi*. I,13) он писал, что к одному из потомков Йафета – Джумару – принадлежал народ сакалиба, а другому – Машу – народы ат-турк и ал-хазар. Аналогичный сюжет встречается у ал-Мас'уди (X в.) (*Maçoudi*. I, 78–79). В другом отрывке ал-Йа'куби говорил, что "на долю Йафета, сына Ноя [выпали] государства и народы ас-Син, ал-Хинд, ас-Синд, ат-турк, ал-хазар, ат-Туббат, ал-булгар, ад-Дайлам и то, что примыкает к земле Хорасана", но не называл здесь ас-сакалиба (*al-Ja'qubi*. I, 17). В еще одном из описаний ал-Йа'куби выделял хазар, но теперь как детей третьего потомка Йафета – Тогармы, среди народов и государств Прикаспия и Кавказа, но здесь тоже не упоминались ас-сакалиба (*al-Ja'qubi*. I, 203).

Однако имеется множество вариантов библейской родословной народов, в которых ас-сакалиба и ал-хазар названы в одном ряду. Так, тот же ат-Табари в другом месте сочинения среди "детей Йафета" называл уже ал-хазар, ат-турк, ас-сакалиба и др. (*at-Tabari*. I, 216-218). Гардизи (XI в.), ссылаясь на Ибн ал-Мукаффу (VIII в.), утверждал, что Йафету достались земли ат-турк, ас-сакалиба, йаджудж и маджудж – до Китая; среди тюрков Гардизи называл, между прочими, и народ хазар (*Бар-*

тольд. С. 1–42). В XII в. анонимный персидский историк, автор труда "Муджмал ат-таварих", потомками Йафета считал тюрков, хазар, русов, булгар, буртасов, сакалиба и другие народы севера и востока Европы, при этом персонифицируя некоторых родоначальников – Турка, Чина, Хазара, Руса, Саклаба (*Новосельцев.* С. 78). Са'ид ибн ал-Батрик (ум. 939) перечислял множество потомков Йафета: ат-турк, баджанак (печенеги), ат-тагазгаз (токуз-огузы), ат-Туббат (Тибет), йаджудж и маджудж, ал-хазар, народы Кавказа, ар-Рум, ар-рус, ал-булгар, ас-сакалиба и др. (*Seippel.* S. 53).

Тенденцию сближения потомков Йафета как "детей" и западно-, и восточноевропейского круга народов можно обнаружить у Ибн Кутайбы (IX в.), перечислявшего ас-сакалиба, бурджан, ал-исбан (испанцев), ат-турк, ал-хазар, народы йаджудж и маджудж. В одном из фрагментов у ал-Мас'уди названы жившие "под Козерогом" (т.е. на севере) потомки Йафета – ифранджа (франки), ас-сакалиба, нукабарда (лангобарды), ал-ишбан (испанцы), йаджудж и маджудж, ат-турк, ал-хазар, бурджан, алан, и др. (*Maçoudi.* III. P. 66). В анонимном сочинении "Мухтасар ал-'аджаиб" (X в.), известном также под названием "Ахбар аз-заман" и приписываемом иногда ал-Мас'уди, к потомкам Йафета относились ал-ишбан (испанцы), ар-рус, ал-бурджан, ал-хазар, ат-турк, ас-сакалиба, фурс (персы) и др. (*Крюков.* С. 196). Ал-Бакри (XI в.) считал потомками Йафета ас-сакалиба, бурджан, "неверных" ал-ишбан (т.е. испанцев-христиан), а также ат-турк, ал-хазар и народы йаджудж и маджудж (*Al-Bakri.* P. 87–88). Йакут в XIII в. писал, ссылаясь на Хишама ибн ал-Калби (ум. 819), что сакалиба – это "братья" армян, греков, франков, в то же время все они – потомки Йафета (*Jacut.* III, 405).

Как видно из приведенных примеров, которые легко умножить, в библейских родословных ас-сакалиба и ал-хазар сопоставлялись большинством упомянутых источников с восточноевропейскими народами как потомки Йафета. В перечне народов часто сближались тюрки и хазары, о чем свидетельствовала традиция, отразившаяся и в книгах ранних арабских

ученых (*Калинина.* 1993. С. 31–32). Пожалуй, только в одном источнике из названных выше, "Мухтасар ал-'аджаиб", в описании народа бурджан как одного из потомков Йафета (вероятно, дунайских болгар), упомянуто, что они воюют "с ар-Рум, ас-сакалиба, ал-хазар, ат-турк" (*Крюков.* С. 205) – здесь нечастый случай фиксации имен двух народов рядом. Ряд авторов относил ас-сакалиба скорее к западноевропейскому ареалу; и в этом случае ас-сакалиба не сопрягались с ал-хазар, хотя все считали названные народы потомками именно Йафета.

Следует отметить, что в перечисленных выше материалах нет очевидного ответа на вопрос, какие именно ас-сакалиба-славяне имелись в виду тем или иным автором; сам по себе это вопрос, требующий специального изучения. Возможно, именно смутная информация о разных видах славян на просторах Европы не позволяла иной раз ставить народы ас-сакалиба и ал-хазар "в один ряд".

Ибн Хордадбех (IX в.) и пользовавшийся во многом его данными Ибн ал-Факих (нач. X в.) упоминали античную традицию разделения земли на части, среди которых называлась Уруфи (Европа), в которой находились, кроме Андалуса, Рума, Фиранджи и других – ас-сакалиба; и Искутийа (Скифия), в которую, помимо Армении, Хорасана, ат-турк, входили ал-хазар (BGA VI. P. 155; BGA V. P. 7): в этом случае народы оказывались разделенными.

Зато Абу-л-Касим Са'ид ал-Андалуси (XI в.) приводил целый перечень народов, "которые не занимались наукой", и среди них называл ас-Син, йаджудж и маджудж, ат-турк, буртас, ас-Сарир, ал-хазар, алан, ас-сакалиба, ал-булгар, ал-бурджан и некоторые другие народы, относившиеся явно к восточноевропейскому ареалу, а далее перечислялись народы Африки (Арабские источники X–XII вв. С. 193, 194).

При обращении к реальным географическим сведениям большинство арабских ученых отмечало территориальную близость двух народов.

В тех же книгах Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха есть сведения о реке, текущей от ас-сакалиба, в устье которой стоял

хазарский город Хамлидж, помещавшийся на Каспии. По этой реке проходил, по данным двух авторов, торговый путь, связывавший отдаленные земли ас-сакалиба и хазарский город на Каспии (BGA VI. P. 124, 154–155; BGA V. P. 297–298). Точки зрения, предлагавшие точную идентификацию реки – Итиль (Волга) или Танаис (Дон), едва ли верны; скорее арабские авторы подразумевали большой речной путь, шедший от славян на севере, по восточноевропейским рекам, включая и Дон, и переволоки, и Волгу, в Хазарию на Каспий (*Калинина*, 1986. С. 79–80). Ибн Хордадбех писал еще, что в одну из "обитаемых" четвертей земли, северную, входили Арминия, Азербайджан, области юго-западного и южного побережья Каспия, а также ал-хазар, ал-лан, ас-сакалиба и ал-абар (авары) (BGA VI. P. 117–118). Ибн ал-Факих отмечал, рассказывая о горной цепи, которую он именовал ал-Кабк (Кавказ), что проходит она по пределам ал-хазар, ал-лан и тянется до области ас-сакалиба (BGA V. P. 295).

По версии Ибн Русте (первая треть X в.), между ас-сакалиба и ал-хазар помещались волжские булгары (BGA VII. P. 141); кроме того, Ибн Русте считал реку Итиль пограничьем между хазарами и ас-сакалиба (там же). По сведениям Гардизи, с территорией печенегов (баджанак) граничили: с юго-запада – хазары; с запада – славяне (саклаб); Итиль, как и у Ибн Русте, назван пограничьем между хазарами и землей ас-сакалиба (*Бартольд.* С. 37, 38). Таким образом, по данным тех авторов, кто передавал информацию так называемой Анонимной записки о народах Восточной Европы (а это Ибн Русте, Гардизи, Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси, ал-Бакри, ал-Марвази и ряд других), области хазар и ас-сакалиба хотя и не были пограничными, но находились неподалеку друг от друга; по некоторым данным, границей между ними была Волга (Итиль). Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси (X в.) передавал не конкретную информацию о местоположении восточноевропейских народов, а цитировал каких-то предшественников, упоминавших, что по соседству с тюрками (ат-турк) жили хазары, русы, сакалиба, валадж, аланы, ар-Рум и др. (*El-Makdisi.* T. IV. P. 66).

Те авторы, кто более или менее следовал данным Анонимной записки, передавали рассказы о народах Восточной Европы в следующей последовательности: печенеги, хазары, буртасы, булгары, мадьяры, славяне, русы, народы Северного Кавказа. При этом Гардизи и ал-Марвази всю главу, относимую к так называемой Анонимной записке, называли главой о тюрках, куда попадали и Китай, и славяне, и русы.

Ал-Истахри и Ибн Хаукал (X в.), опираясь при составлении своих книг на собственные (точнее, на взятые из книги ал-Балхи) карты, писали, что "к западу от владений ислама" находились земли Византии, армян, алан, Аррана, ас-Сарира, хазар, русов, булгар, сакалиба и группы тюрков (BGA I. P. 5; BGA II–2. P. 11). Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси (X в.) упоминал, что в шестом климате (широтной зоне) находятся области и города Самарканд, Барда'а, Кабала, ал-хазар, ал-Джиль (Гилян), окраина ал-Андалус, что близка к северу, и окраина ас-сакалиба, что близка к югу..."(BGA III. P. 61). В XIII в. ал-Хасан ал-Марракуши упоминал вместе страны ал-хазар и страны ас-сакалиба как такие, о которых много противоречивых координатных данных у разных ученых (Арабские источники XII–XIII вв. С. 163, 164).

Помимо географических сведений, есть еще и достаточно известные материалы о военных столкновениях, в которых участвовали ал-хазар и ас-сакалиба. Прежде всего это многократно исследованные данные историков ал-Балазури (IX в.) и Ибн А'сама ал-Куфи (X в.) о походе арабского полководца Марвана ибн Мухаммада на хазар в 119/737 г. (по версии Халифы ибн Хайата – в 732), когда тот, пройдя по земле хазар, пленил большое число (20 тысяч семей) славян, "которые были в земле хазар", сделав затем попытку поселить их в земле Хахит (Кахетии?), откуда славяне бежали и на пути бегства были перебиты; хазарский хакан же вынужден был просить мира на условии принятия ислама (*al-Beládsori*. 207–208). Ибн А'сам ал-Куфи писал более подробно, что Марван достиг земель, лежащих "за страной хазар" и напал на "ас-сакалиба и те виды язычников, что граничили с ними, и захватил в плен из них 20

тысяч семей. Затем он двинулся далее и дошел до реки славян", после чего, имея большое количество хазарских и славянских пленников, потребовал от хазарского хакана мира на условиях принятия ислама (*Ибн А'сам ал-Куфи*. С. 49–50). До сих пор спорят о маршруте арабского полководца. Не имея возможности перечислить существующие точки зрения, отмечу лишь сам факт тесного соседства или даже совместного проживания ас-сакалиба и ал-хазар в пределах, видимо, Волгодонья.

В "Истории" ал-Йа'куби (*al-Ja'qubi*. II,598) под 240/854–855 г. описан эпизод, когда кавказский народ ас-санарийа обратился за помощью к властителям "ар-Рума, ал-хазар и ас-сакалиба" против арабского наместника на Кавказе Буги Старшего, и те, собрав большие объединенные силы и не доводя дело до битвы, вынудили Халифат изменить политику на Кавказе. В этом эпизоде очевиден союз двух политических сил, по-видимому, возглавленный Византией и противостоящий общему врагу.

Имеются в восточных источниках и сведения о прямых контактах представителей двух народов. Ибн Русте и Гардизи передавали однородную информацию, что плененных ас-сакалиба русы отвозили на продажу в Хазаран, считавшийся частью столицы Хазарии города Итиль (BGA VII. P. 145; *Бартольд*. С. 39). Ал-Истахри и Ибн Хаукал упоминали, что в Хорезм привозили на продажу рабов ас-сакалиба и ал-хазар (BGA I. P. 305; BGA II–2. P. 482).

Ал-Мас'уди рассказывал о пребывании славян в Хазарии: о том, что находившиеся в стране хазар и Итиле славяне и русы предавали умерших огню; что представители этих народов в столице Хазарии имели специальных судей, разрешавших споры среди них "языческим законом, а это – право разума" и что славяне и русы служили в войске царя хазар и могли быть царскими слугами (*Maçoudi*. II. P. 11, 12, 64).

Наконец, по данным Ибрахима ибн Йа'куба (X в.), сохраненным ал-Бакри, хазары, русы и печенеги говорили по-славянски, поскольку они смешались с народом славян (*Al-Bakri*. P. 336). Надо отметить, что эта информация стоит совершенно особняком в общем впечатлении арабских авторов о

хазарском языке либо как тюркском, либо как не похожем на другие (*Новосельцев*. С. 85). Возможно, Ибрахим ибн Йа'куб передал только свое личное впечатление от представителей народностей, встреченных им в каком-то европейском городе, где он побывал и где хазары, русы и печенеги пользовались славянским языком как lingua franca.

Таким образом, иноязычные ученые и путешественники, жившие весьма далеко от территории, где происходили встречи двух народов, сохранили крупицы информации о прямых контактах их представителей: славяне, находясь или в хазарской столице, или в иных хазарских областях, или в отдаленных землях, вступали в военные, политические, торговые, бытовые, культурные контакты с хазарским населением; отголоски близкого сосуществования двух народов сохранила литературная – библейская генеалогическая традиция. Эти материалы не могут быть основой для далеко идущих выводов, но, собранные воедино, они способны послужить существенным подспорьем, вместе с другими источниками, при рассмотрении вопроса о Хазарии как зоне контактов разноплеменного населения.

Литература

Арабские источники X–XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М., 1965.

Арабские источники XII–XIII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Л., 1985.

Куник А.А., Розен В.Р. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. I.

Seippel A. Rerum normannicarum fontes arabici. Oslo, 1896.

BGA – Bibliotheca geographorum arabicorum: I. Leiden, 1870 (*ал-Истахри*); II. Leiden, 1938–1939. Part 1–2 (*Ибн Хаукал*); III. Leiden, 1906 (*Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси*); V. Leiden, 1903 (*Ибн ал-Факих*); VI. Leiden, 1889 (*Ибн Хордадбех*); VII. Leiden, 1892 (*ал-Йа'куби* и *Ибн Русте*)

Kitab al-Masalik wa-l-Mamlik d'*Abu Ubaid al-Bakri*. Tunis, 1992. T.I–II.

Liber expugnationes regionum, auctore Imámo *Ahmed ibn Jahja ibn Djábir al-Beládsori*... Leiden, 1866.

Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения *Гардизи* Зайн ал-ахбар> // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 23–63.

Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку, 1981.

Ibn Wadhih qui dicitur *al-Ja'qubi* Historiae. Leiden, 1883. T. I–II

Jacut's geographische Wörterbuch... Leipzig, 1866–1870. Bd.I–VI.

Maçoudi. Les Prairies d'or. Paris, 1861–1877. T. 1–9.

Le Livre de la création et de l'histoire de *Motahhar b. Tahir el-Maqdisi*... Paris, 1899–1919. T. 1–6.

Annales quos scripsit *Abu Jafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari.* Leiden, 1879–1901. T. I–III.

Калинина Т.М., 1986 – Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // История СССР. М., 1986. С. 68–82.

Калинина Т.М., 1993 – Книжная традиция локализации хазар // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Тезисы докладов. М., 1993. С. 31–33.

Крюков В.Г. Сообщения анонимного автора "Ахбар аз-заман" ("Мухтасар ал-'Аджаиб") о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР. 1981 г. М., 1983. С. 194–208.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Д.Е.Мишин

СЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНЦЫ В АРАБСКОМ ХАЛИФАТЕ В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Для исследователя мусульманского средневековья существует очень немного возможностей прикоснуться к истории средневековья восточноевропейского. Крайне трудно найти точки соприкосновения мусульманского и славянского миров, особенно в раннее средневековье. Но некоторые контакты мусульман со славянами все же имели место и в эту эпоху. Пожалуй, первыми славянами, столкнувшимися с мусульманами,

были переселенцы, отряды которых входили в состав византийских войск, действовавших в Малой Азии.

Переселение народов на новые места обитания было одним из приемов внешней политики Византии. Проводя миграции или соглашаясь на них, империя ослабляла реальную или потенциальную угрозу, которую представлял для нее тот или иной народ, и одновременно приобретала новых подданных, из которых впоследствии можно было набрать новые войска. Тем самым, переселение славян в Малую Азию могло начаться уже на довольно раннем этапе: с одной стороны, в VI – начале VII в. славяне все чаще вторгались на территорию Византии, с другой – империя нуждалась в военной силе в связи с многочисленными войнами в разных регионах, прежде всего, на Ближнем Востоке, где в роли противника выступал Сасанидский Иран, а впоследствии – Арабский халифат.

Такое предположение находит подтверждение в источниках. В недавно опубликованном втором томе "Свода древнейших письменных известий о славянах" мы находим фрагмент грузинской версии Продолжателя Мосха, в котором упоминается о славянских переселенцах в провинции Асия. Фрагмент относится к 30–60 гг. VII в. Приблизительно к тому же времени относится и первое известное упоминание о славянских переселенцах в землях Халифата. В 650/1 г. несколько славян служили Муавии Аби Суфйану, в то время наместнику Сирии. Можно предполагать, что какие-то славянские переселенцы участвовали в борьбе Византии против мусульманской экспансии уже в 30–40 гг. VII в.; некоторые из них попали в плен и стали служить арабам.

Использование славян для борьбы против мусульман продолжалось и в последующие времена. В 664/5 г., во время одного из походов арабов против Византии, 5-тысячный славянский контингент (не только бойцы, но и женщины, дети и т.д.) перешел на сторону мусульман. Изучение маршрута похода показывает, что арабские войска прошли по Асии, а также Вифинии, где в середине VII в. существовал город Гордосервон, отождествляемый обычно с поселением сербов. Перешедшие к

арабам славяне происходили, по всей видимости, из поселений в Асии и Вифинии. В землях Халифата эти славяне были расселены в Селевкоболосе (Сукайлабиййа) близ Апамеи.

Сходным образом развивались события в 692/3 г. Тогда император Юстиниан II включил контингент из славян, плененных и подчиненных им во время похода 688/9 г. в направлении Салоник, в войско, с которым он выступил против арабов. Численность этого контингента, которым командовал славянин Небул, составляла около 10 тысяч человек. Мусульманам, однако, удалось подкупить Небула, и в решающем сражении он с частью войска (приблизительно семитысячным отрядом) перешел на сторону арабов. Нанеся Юстиниану сокрушительное поражение, предводители арабов расселили славян в Антиохии и Киросе, а также в приграничных районах Месопотамии. В начале VIII в. славяне обнаруживаются также в Германикее, Раабане и Дулуке (Долихе), а в середине этого столетия – в ал-Хусусе (Иссос). К сожалению, данные, которыми мы располагаем, отрывочны и неполны, и невозможно установить, о каких славянах идет речь - о воинах Небула и их потомках, или же о поселенцах, перешедших на службу к арабам позднее.

В течение некоторого времени нам удается проследить историю славянских переселенцев в Арабском халифате. Расселенные в приграничных крепостях, они принимали участие в противоборстве с Византией, а в некоторых случаях – и в борьбе за власть внутри Халифата. В 744/5 г. отряд славян под командованием вождя по имени С.л.сак (سلساق)[1] сражался на стороне Марвана ибн Мухаммада (будущего халифа Марвана II), ведшего тогда борьбу за престол. В 754 г., уже после крушения Омейядов, славяне сражались на стороне Абдаллаха ибн Али против Муслима и Абу Джафара ал-Мансура. Между тем, после середины VIII в. информации о славянских поселенцах в землях Халифата более почти не встречается. Связано это с двумя основными причинами. С одной стороны, славянские общины понесли очень тяжелые потери в войнах с византийцами и междоусобицах в Халифате, и численность переселенцев заметно сократилась. С другой стороны, в аббасидское время в

приграничные районы все чаще стали направлять хорасанцев и других уроженцев восточных областей Халифата, и славяне все более растворялись в массе новых поселенцев.

Между тем, утверждать, что после середины VIII в. присутствие славян в землях Халифата более не прослеживается, вряд ли правомерно. Славянские общины в византийской Малой Азии продолжали существовать; время от времени, насколько можно заключить из источников, происходили и новые переселения. Как и прежде, славянские переселенцы эпизодически переходили на службу к арабам. По всей вероятности, такие переселенцы составляли гарнизон приграничной крепости Лулу, которую арабы взяли в 832/3 г. В 876/7 г. потомки этих славян сдали Лулу византийцам.

Имеющиеся у нас сведения о славянских поселенцах в землях Халифата, к сожалению, весьма отрывочны. Делать далеко идущие выводы о том, кем были переселенцы поэтому вряд ли возможно, однако некоторые наблюдения мы в состоянии зафиксировать. Прежде всего, славянские общины были довольно устойчивыми. Общины в Антиохии и, возможно, Лулу просуществовали самое меньшее 4-5 десятилетий. Члены этих общин, судя по случаю с С.л.саком, все еще давали детям прежние, немусульманские имена. Нескоро укоренялся в среде поселенцев и ислам. В начале VIII в. омейядский халиф Умар II относил славян Германикеи, Раабана и Дулука к числу людей, сердца которых следует привлечь к исламу, а защитники Лулу, ведя в 859/60 г. переговоры с византийцами, заявляли о своей готовности отбросить ислам и принять христианство. Столь малый прогресс ислама можно объяснить единственно приверженностью переселенцев своей родной культуре. Не менее интересно то, что славяне, будучи вовлеченными в противоборство Византии и Арабского халифата, все время пытались проводить самостоятельную политику. В 664/5 и 692/3 гг. они перешли от византийцев к арабам, а в 876/7 г. – от арабов к византийцам. Славяне, очевидно, не отождествляли себя ни с одной из воюющих сторон, имели собственные интересы и действовали сообразно с ними. Такое самосознание также говорит в

пользу сохранения переселенцами, в течение долгого времени, своей этнической и культурной самобытности.

Примечания

[1] Интерпретация этого имени довольно сложна. Вероятнее всего видеть в дошедшей до нас арабской графике некую искаженную форму от С...слав. что вполне напоминает славянские имена. Нельзя, впрочем, отбрасывать и неславянские объяснения, например, тюркское Балобан (конъектура بلبا ن) или же Юлиан (يلبا ن).

И.Л.Измайлов

"БЕЗБОЖНЫЕ АГАРЯНЕ": ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И БУЛГАРЫ ГЛАЗАМИ РУССКИХ (X – XIII вв.)

Возникновение в конце IX – начале X в. Руси и Булгарии стало новым этапом развития поволжской контактной зоны и отправной точкой в многовековой истории их взаимодействия и взаимовлияния, чему способствовали как близость географического положения, так и сопоставимый уровень социально-экономической организации общества. Один из аспектов этих контактов связан с формированием в обеих странах этнического самосознания, а также знаний друг о друге, на фоне которых вырабатывались определенные этнические стереотипы. Формирование "образа другого" шло главным образом в обыденном сознании на основе опыта контактов, хотя нельзя исключить появление чисто "книжных" представлений, причем не все из них имели "объективный" характер. Выявление представлений о булгарах в русской письменной традиции X–XIII вв. позволяет определить основные направления формирования образа булгар, характер его искажения и поможет выяснить эволюцию русского самосознания. Все основные представления о Булгарии и булгарах можно сконцентрировать в несколько тем.

I. Происхождение булгар. Сведений о происхождении булгар крайне мало. Судя по ряду фактов, все они восходят к

библейской родословной народов от потомков Ноя ("измаильтяне" и "агаряне"). Один из наиболее показательных экскурсов по этой теме содержится ПВЛ, автор которой пишет: "... сынове Амоновы Болгаре ...Тъм же Хвалисы и Болгаре суть от дочери Лютову, иже зачасти от отца своего, тьмь же нечисто есть племя их, а Измаиль роди 12 сына, от них же суть Тортъмени, Печенези, и Торци и Кумани, рекше Половцы".Итак, летописец пытается соединить конкретную родословную с реалиями этнической ситуации своего времени, устанавливая иерархию народов и доказывая "изначальную" ущербность "варваров".

II. Волжская Булгария: страна и народ. Образ страны булгар был довольно цельным. Все авторы видят Булгарию единым социально-политическим организмом ("болгарская земля", "болгарский град" и т.д.), а ее народ именуют "болгары". Вместе с тем, внутри этой общности выделяется ряд единиц (собекуляне, челмата, темтюзи), которые можно рассматривать как этнотерриториальные группировки (области, княжения). Географические представления русских о стране булгар были ограничены зоной Волго-Камья, а знания о ее пределах, за исключением западных, были нечеткими. В русских летописях Булгария предстает страной городов. Сохранились названия таких городов, как "Великий город", Бряхимов, Тухчин, Ошель, "Торцкий".

Социальные реалии Булгарии дошли до нас по представлениям русских книжников довольно полно, хотя, видимо, в несколько искаженном виде. Они фиксируют наличие у булгар князей, воинских дружин, боеспособного войска; в среде знати отмечаются внутренние противоречия. Следует, однако, иметь в виду, что под термином "князь" летописцы, скорее всего, подразумевали вообще всех высших представителей булгарской знати, чьи функции и социальный статус мог существенно отличаться от положения Рюриковичей на Руси. Одновременно, летописи сохранили сведения о существовании сильной центральной власти в "Великом городе", который предстает в русской традиции второй половины XII в. как торгово-экономический и военно-политический центр страны.Об этом свидетельст-

вуют сообщения об обращении к его правителю за помощью во время русских походов на булгарские города (1168 и 1220 гг.), а также направление грандиозного русского похода 1183 г.

Кроме того в русских летописях сохранились сведения, прямо указывающие на осознание булгарами своего единства. Это явствует из описания русского похода 1220 г., когда булгары из Великого города узнали о захвате в плен жителей города Ошеля, они "...събравшеся идоша к Изсадом на брег... стояще на берегу, зряще своих плененных плакахуся". Несомненно, что в глазах русских Булгария представляла собой не только единое государство, но и единую этнополитическую общность.

III. Булгария – страна высокого благосостояния. Расхожим представлением летописцев (как, видимо, и значительной части древнерусского населения) было мнение о богатстве булгар. Истоки его восходят к легендам и преданиям, легшим в основу недатированной части ПВЛ. Наиболее яркая их иллюстрация содержится в рассказе о событиях 985 г., когда после успешного похода на булгар Добрыня обратил внимание князя Владимира на то, что пленные булгары "суть вси в сапозех", и отметил: "Сим дани нам не даяти, поидем искать лапотников". Поддерживали представления о булгарском благосостоянии и указания на богатую добычу, захваченную в походах на их земли ("полон и богатства", "многие дары", "товар мног"и т.д.), а также сведения о наличии у булгар большого количества хлеба и соответственно плодородных земель.

IV. Булгары – торговый народ. Это один из самых старых и устойчивых образов булгар (о его стереотипности свидетельствует уже то, что он вошел даже в современную историографию), примыкающий к представлениям об их богатстве. Первые сообщения о развитой торговле по Волжскому пути содержатся в недатированной части ПВЛ и в статье 1024 г. Лаврентьевской летописи, где сообщается, что булгары снабдили Суздальскую Русь хлебом. Характерны для этого круга представлений и сведения из "Сказания об убиении Авраамия", которое стало частью владимирского великокняжеского свода 1230 г. В нем говорится о "Великом городе" как центре тран-

зитной торговли, в котором "товара... множество бещислено" и куда съезжались многочисленные купцы из разных стран. Именно с этой торговлей ассоциировалась в глазах русских основа булгарского благосостояния. Скорее всего, образ булгар как торгового богатого народа был наиболее близок обыденным, народным представлениям о булгарах.

V. Булгары как мусульмане. В русском средневековом сознании имя булгар практически неотделимо от понятия "мусульманство". Уже в рассказе об "Учениях о вере" в ПВЛ сообщается: "...приидоша Болгаре веры Бохмище". В ряде летописей вера булгар названа "срачинской". Неоднократно в летописях булгар именуют также "поганые Бохмиты", "бохмичи", "измаильтяне". Даже, когда летописцы называют болгар "поганые", "безбожныа Агаряны Болгарскиа" или "безбожные Болгары", надо помнить, что в глазах православного книжника мусульмане были, конечно же, настоящими безбожниками. Эта традиция характерна не только для летописных повестей, но и для церковной литературы (например, в "О посте, к невежам").

Довольно точно религия булгар характеризуется в так называемом "Слове об идолах", автор которого выказывает хорошее знание предмета. Он пишет, что булгары научились своей религии от "арвитьсских" писаний", которое "оучением дьяволим изобретено, потвореньем темнаго беса и кошюною злым (бесом) крадом и Мамеда проклятаго сраниьскаго жреца". Характерный мотив о булгарском мусульманстве содержится и в поздней Никоновской летописи под 990 г., в рассказе о миссионерской деятельности князя Владимира (очевидно, она является интерполяцией второй половины XVI в. в более ранние сведения ПВЛ), где сообщается, что, несмотря на настойчивые призывы православных проповедников, булгары "безумием своим обьюродеша", оставшись "измаилтене и срацини". Представляется, что это сообщение продолжает древнерусскую книжную традицию, где прочно утвердился стереотип булгар как ортодоксальных и воинствующих мусульман.

Сюжеты о булгарах как о мусульманах можно разделить на ряд разделов.

V.1. Мусульманские запреты и обряды. Сведения по этой теме наиболее полно изложены в ПВЛ в "Рассказе о верах" (986 г.), где повествуется о приходе булгарских проповедников в Киев, которые на вопрос Владимира: "Какая ваша вера?", ответили: "веруем богу; а Бохмит ны учить, глаголя: обрезати уды срамные, а свиныне не ясти, и вина не пити; и по смерти же... с женами похоть творити блудную". Этот рассказ содержится с теми или иными дополнениями и сокращениями практически во всех редакциях ПВЛ. Далее в рассказе об "испытании вер"(987 г.) с разной степенью полноты в разных редакциях описывается религиозная практика булгар глазами киевских послов: "ходиком в Болгары, какося кланяють в храмех, ркоучи в ропатех: стоаше бес пояса и поклонився сядеть, глядить семо и овамо, яко бешен, и несть веселиа в них, печаль и смрад в них велик". В противовес этим обрядам в ПВЛ подробно описывается православная византийская служба в храме, пышность и богатство которой произвели на послов огромное впечатление, что якобы и заставило Владимира принять христианство восточного толка.

V.2. Мусульманство – религия насилия и войны. Сюжеты о булгарах как потенциальных врагах, основанные на представлениях о враждебности ислама христианству, возникли в церковной среде, видимо, достаточно давно. Предубежденно настроенные в отношении иноверцев, русские не могли поверить, что мусульмане не рассматривают их в качестве врагов. Уже в ПВЛ появляется сообщение о походе булгар на Муром (1088 г.), а со второй половины XII в. русско-булгарские противоречия периодически обострялись, заканчиваясь войнами. Особая враждебность и непримиримость Владимиро-Суздальской Руси по отношению к Булгарии усилилась в начале XIII в., что наглядно фиксирует "Сказание об убиении Авраамия" (1229 г.), в котором говорится, что булгары схватили некоего купца "иного языка не Рускаго хрьстьян же сы", стремясь заставить его принять ислам, а встретив отказ, казнили после долгих пыток и напрасных уговоров.

Вероломство и враждебность булгар ко всему христианству должно было подчеркнуть признание этого "нового Христова мученика" святым, после перенесения его мощей во Владимир и торжественного захоронения в Богородицком соборе. Беспрецедентная быстрота, с которой это было сделано, объясняется, несомненно, политическими причинами. Свод 1230 г., в который вошло это "Сказание", как доказал Ю.А.Лимонов, служил целям идеологического оформления завоевательной политики великого князя Юрия Всеволодовича. Несомненно, что подобные стереотипы о враждебности булгар явились результатом влияния проповеди крестовых походов против мусульман, недаром наибольшее распространение они получили в письменной традиции Северо-Восточной Руси, имевшей политические цели представить булгар как силу, враждебную христианам.

V.3. Мусульманство – религия потворства своим страстям. В основе этого представления лежат заведомо ложно истолкованные положения Корана и шариата, изображавшие мусульман невоздержанными, порочными людьми. Акцентируется внимание на деталях сексуальной жизни булгар ("Бохмит ны учить, достоить блуд творити всяк на сем свете"). Особенно выразительно это сквозит в описании ПВЛ мусульманского рая: "по смерти же... с женами похоть творити блудную: дасть бо Бохмит комуждо по 70 жен красных и исъберет едину красну, и всех красоту возложить на едину, и та будет ему жена".

Там же особо отмечается страсть к богатству и накопительству, "аще кто будет богат зде, ть и тамо; аще ли убог зде, то и тамо". На подобный образ мусульман, кроме религиозных мотивов накладывали отпечаток, видимо, зажиточная и состоятельная жизнь булгар, особенно социальных верхов общества. "Восточный" образ жизни булгар резко контрастировал с жизнью русского общества и идеалами христианства, способствуя внедрению в массовое сознание мысли о "греховности" булгар, погрязших в соблазнах и потворстве своим порокам.

V.4. Мусульманство – мерзость, недостойная человека. Это типичный "книжный" образ, представляющий булгар людьми, которым ислам предписывал якобы совершать мерзо-

сти, вызывающие у нормального человека чувство брезгливости. Широкое бытование его связано с включением этого сюжета в "Речь философа", вошедшую в ПВЛ в редакции 1116 г. Автор вкладывает в уста греческого философа гневную антимусульманскую филиппику, обращенную к князю Владимиру: "слышахом, яко приходил суть Болгаре учаще тя прияти веру свою, их же вера оскверняет небо и землю... творяще безаконие и скверны деющая: си бо омывають оходы своя, поливавшее водою, и в рот въливают... и ино еже пуще: от совокупления мужеска и женьска въкушають". Точно такая же инвектива в адрес булгар-мусульман содержится и во внелетописной повести "Слово об идолах". Оба эти произведения, скорее всего, принадлежат одному автору, которым, по мнению Б.А.Рыбакова, является игумен Даниил, совершивший знаменитое "хождение" в Палестину. Как бы то ни было, можно считать доказанной связь этих злобных антибулгарских инвектив между собой и с усилившимся с началом крестовых походов идеологическим противоборством с язычеством и мусульманством. Не исключено, что посетивший Палестину игумен Даниил специально создавал в ряде своих произведений образ врагов церкви и Руси – булгарских мусульман, не останавливаясь даже перед самой ложной, негативной информацией. Анализ этих представлений позволяет сделать вывод о целенаправленном культивировании отрицательного, враждебного отношения к булгарам, которое зародилось в начале XII в. в церковной среде и было связано с идеологией крестовых походов.

И.Г.Коновалова

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ: ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА В ВОСПРИЯТИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ[1]

Взаимоотношения Древней Руси и Волжской Булгарии в историографии обычно рассматриваются в плане их торговых и

военно-политических контактов. Немногочисленные же попытки анализа "образа Булгарии", сложившегося в древнерусской литературе домонгольского периода, как правило, не идут дальше простой констатации разной религиозной ориентации двух стран, откуда следует, что принадлежность к мусульманскому миру, с одной стороны, являлась определяющим фактором в восприятии Волжской Булгарии на Руси, а с другой – делала "образ Булгарии" статичным и лишенным каких-либо своеобразных черт по сравнению с характеристикой прочих исламских стран. Разумеется, религиозные отличия, имевшие конституирующее значение для менталитета средневекового человека, мы должны обязательно иметь в виду, когда заходит речь о механизме формирования представлений об иных народах. Однако не следует забывать и о том, что Волжская Булгария была для Руси не просто одной из многих мусульманских стран, но ее ближайшей восточной соседкой, непосредственно связанной с ней. Как будет показано ниже, "образ Булгарии" в древнерусском летописании, во-первых, не оставался неизменным на протяжении всего домонгольского периода, а во-вторых, эволюции этого образа весьма способствовали не столько русско-булгарские контакты сами по себе, сколько обстоятельства внутриполитической жизни древнерусских княжеств.

Если посмотреть на летописные сообщения о волжских булгарах в контексте того, что нам известно о взаимоотношениях Древней Руси и Булгарии по другим источникам, то не может не обратить на себя внимание несоответствие между обилием информации об оживленных контактах Руси и Булгарии, отложившейся в восточных источниках, и скудостью данных о связях двух стран в древнерусской летописи.

В самом деле, в арабо-персидских источниках IX–XI вв. имеется множество сведений, свидетельствующих об интенсивных связях – главным образом, торговых – Древней Руси и Волжской Булгарии в этот период. По сообщению Ибн Хордадбеха (вторая половина IX в.), торговый путь на восток по Волге был освоен купцами-русами уже в IX в. Сведения о торговле русов с волжскими булгарами присутствуют в наиболее ранних

комплексах арабо-персидских известий о Руси – в рассказах об "острове русов" и о "трех группах русов". Так, арабский ученый начала X в. Ибн Русте говорит о том, что русы продают пленных славян хазарам и булгарам, а писавший в первой половине того же века ал-Истахри утверждает, что Булгария является постоянным торговым партнером Руси. Младший современник ал-Истахри Ибн Хаукал сообщает о том, что русы поставляли в Булгар меха на продажу. Он же именует Волгу "рекой русов" (*нахр ар-рус*), что, по-видимому, должно отражать значительность древнерусского присутствия в Нижнем и Среднем Поволжье, которое, в отличие от Верхневолжья, только и было известно арабским купцам, путешественникам и ученым. Ибн Хаукал называет Булгар в качестве одной из целей похода русов на Волгу, состоявшегося, по его данным, в 358/968-69 г.

Опираясь на свидетельства этих авторов, можно полагать, что, по крайней мере, с начала X в. поездки русов в Булгар уже приобрели систематический характер. С таким заключением хорошо согласуются наблюдения Ибн Фадлана, который посетил Булгар в 922 г. и встречался там с купцами-русами. Арабский путешественник видел в Булгаре построенные русами большие дома, служившие пристанищем для прибывавших в Булгарию русов, а также их культовые сооружения. По-видимому, к этому времени в Булгаре существовала древнерусская торговая фактория – наподобие итильской, о которой пишет ал-Мас'уди в середине X в. Возможно, что наличие в Булгаре своей фактории и побудило возвращавшихся из каспийского похода русов искать убежище на Средней Волге после того, как они неожиданно подверглись нападению со стороны хазар около 300/912–13 г.

По заключению востоковедов, исследовавших данные средневековых арабо-персидских источников о Восточной Европе (Б.Н.Заходер, А.П.Новосельцев), бóльшую часть информации о Руси мусульманские авторы получили в Булгаре. Особое значение Булгара для древнерусской торговли с Востоком отмечено и археологами, установившими, что с начала X в. арабское монетное серебро стало поступать в Восточную Европу именно

через Волжскую Булгарию. С этим обстоятельством, несомненно, связано и появление у арабских авторов первой половины – середины X в. информации о функционировании торгового пути, соединявшего Булгар с Киевом (ал-Истахри, Ибн Хаукал) и Хорезмом (ал-Мас'уди). О наличии налаженного сообщения между Русью и Волжской Булгарией в X в. сообщается и в письме Хасдая ибн Шапрута хазарскому царю.

В X в. основными торговыми партнерами русов в Булгаре были, скорее всего, хорезмийские купцы. На это указывает, с одной стороны, преобладание саманидских дирхемов в восточноевропейских монетных кладах того времени, а с другой – проникновение именно в среднеазиатский культурный ареал уникальной информации о Руси и Восточной Европе, такой как сведения о варягах (*ал-варанк*) у ал-Бируни или данных о русском посольстве в Хорезм у ал-Марвази и ряда более поздних мусульманских авторов. К концу X в. экономические связи Восточной Европы со среднеазиатским регионом отличались стабильностью и большим размахом. Ал-Мукаддаси приводит внушительный список продовольственных товаров и ремесленных изделий, привозимых в Хорезм из Булгара. В этом перечне фигурируют в том числе мечи, кольчуги и меха – предметы традиционного экспорта русов.

Теперь обратимся к отражению русско-булгарских связей IX – начала XII в. в древнерусском летописании. В датированной части ПВЛ волжские булгары впервые упоминаются под 985 г., когда Владимир Святославич совершил на них поход. Затем о религии и образе жизни булгар, а также об обмене посольствами говорится в статьях 986–987 гг. в связи с рассказом о принятии христианства на Руси. К XI – началу XII в. относятся еще четыре упоминания – о поездках, предпринимавшихся жителями древнерусских княжеств, в Волжскую Булгарию за хлебом в голодный 1024 г.; о взятии булгарами Мурома в 1088 г.; под 1096 г. приводится семитическая генеалогия булгар, а под 1117 г. говорится об отравлении булгарами половецких князей. За исключением статей 985 и 1088 гг., где речь идет о взаимных военных столкновениях, во всех остальных случаях

булгары появляются на страницах летописи только в контексте повествования о внутрирусских событиях – о выборе веры, о голоде и мятеже в Суздале, о необходимости отражать частые набеги кочевников-тюрок.

Отсутствие у летописца какого-то специального интереса к Волжской Булгарии видно и по вводной части к ПВЛ, где волжские булгары упомянуты лишь однажды – при рассказе о пути по Волге на восток в "жребий Симов". Волжские булгары не названы ни среди насельников Иафетовой части мира (при том, что летописцу были известны многие народы Волго-Окского бассейна), ни среди потомков Сима.

Что касается характера сообщений о волжских булгарах в ПВЛ, то они очень лаконичны и эмоционально нейтральны по отношению к булгарам. Единственное исключение составляют статьи 986–987 гг., но там негативное отношение к исповедуемому булгарами исламу было изначально задано целью летописца, стремившегося показать преимущества православной веры над всеми остальными религиями и конфессиями.

После упоминания под 1117 г. на страницах Ипатьевской летописи волжские булгары вновь появляются лишь начиная со статьи 1173 г. В Лаврентьевской летописи, если не считать краткого рассказа под 1120 г. о походе на булгар Юрия Долгорукого, последние начинают систематически упоминаться с 1164 г. Сведения о булгарах в этих летописях более обстоятельны, чем в ПВЛ. Главным образом речь идет о военных столкновениях, но есть материал и о торговых связях, и о населявших Булгарию народностях, и о внутренней жизни отдельных булгарских городов.

Сообщения о волжских булгарах в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях разительно отличаются от данных ПВЛ своей негативной эмоциональной окраской в изображении булгар, впервые появляющейся в рассказе Лаврентьевской летописи о победе над булгарами в 1164 г. и с тех пор почти неизменно сопровождающей любое летописное упоминание о булгарах. Если об удачном походе Юрия Долгорукого 1120 г. сообщается очень кратко и сухо, то описание походов 1164, 1172, 1184,

1220 гг. очень эмоционально (исключение представляет только лаконичный рассказ о походе 1186 г.).

Можно выделить следующие отличия от ПВЛ в характере изложения известий о булгарах в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Во-первых, волжские булгары получают постоянные эпитеты – "поганые" (реже – "безбожные"); во-вторых, в качестве негативного фактора упоминается вера булгар, что в ПВЛ наблюдалось лишь в статьях 986–987 гг. и было непосредственно связано с самим сюжетом статей, в которых булгары выступали как олицетворение мусульман вообще; в-третьих, обычным становится указание на божественную помощь, сопутствующую русскому воинству в битвах с булгарами.

В качестве причины такого кардинального изменения отношения к булгарам можно было бы указать на стремление владимиро-суздальских князей взять в свои руки осуществлявшиеся через Булгар торговые контакты Руси с Востоком, что стимулировало их военную активность на восточном направлении. За весь период с 1164 г. и вплоть до прихода монголов Лаврентьевская и Ипатьевская летописи отмечают всего одно военное столкновение, инициатором которого были булгары – это взятие ими Устюга в 1218 г. Со стороны же владимиро-суздальских князей в Лаврентьевской летописи отмечены пять походов на булгар (1164, 1172, 1184, 1186, 1220 гг.). Параллельно во Владимире были предприняты меры, способствовавшие переориентации традиционных торговых путей, которыми Булгар был связан с русскими землями, со Среднего Поднепровья на Владимиро-Суздальскую Русь. Разорение Киева Андреем Боголюбским в 1169 г. и отмечаемое археологами затухание торговли по пути Булгар–Киев как раз в середине XII в. свидетельствует о результативности такой политики.

Однако сама по себе активизация восточной политики владимиро-суздальских князей не может в достаточной мере объяснить изменения в изображении булгар, поскольку имевшие место ранее аналогичные походы на булгар из Киева (при Владимире Святославиче) не привели к формированию у летописца негативного отношения к булгарам. Кроме того, нужда-

ется в пояснении и тот факт, что ислам, который булгары приняли еще в начале X в., получил роль политического фактора в русско-булгарских отношениях лишь с 60-х гг. XII в.

На наш взгляд, появление новых черт в летописном изображении булгар следует рассматривать в контексте внутренней политики Андрея Боголюбского, направленной на превращение Владимира в общерусский политической и религиозный центр. Для идейного обоснования своих планов Андрею Юрьевичу среди прочего нужен был достойный внешний враг, и здесь иноверие волжских булгар оказалось как нельзя кстати. То, что не замечали на протяжении двух веков, вдруг стало очень важным и было выдвинуто на первый план. В "Сказании о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа" победа Андрея над булгарами сравнивается с победой Мануила Комнина над мусульманами – главным врагом Византийской империи. Именно Андрей Боголюбский, исходя из своих внутриполитических задач, придал такое судьбоносное значение походу 1164 г. и вывел отношения Руси и Булгарии на новый идеологический уровень.

На примере отношений Руси и Волжской Булгарии и их отражения в древнерусском летописании можно заметить, что двусторонние контакты, сколь бы продолжительны и интенсивны они ни были, сами по себе ведут лишь к простому накоплению информации друг о друге. А что именно из этой информации окажется востребованным для формирования "образа другого" зависит, в первую очередь, от осознания политической элитой своих целей, в достижении которых "другому" отводится вполне определенное место.

Примечания

[1] Тема "Древняя Русь и страны ислама (IX–XIII вв.)" разрабатывается автором при финансовой поддержке РГНФ (проект № 99-01-00216).

Н.Ф. Котляр

ВОЛЫНСКО-МАЗОВЕЦКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ XIII в. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи)

Северо-западная часть Волыни и восточная польская земля Мазовия имели общий рубеж и самой природой были обречены на тесные взаимные связи. В XIII в. волынско-мазовецкий рубеж на севере начинался от устья р. Нура, далее следовал почти прямо на юг через верховья р. Кросны вдоль р. Вепря к водоразделу Вепря и Лады. Сразу же за Вепрем начиналось обширное плоскогорье, сухое, маловодное пространство, естественно разграничивавшее обе земли. На порубежье обитало в значительной мере смешанное русско-польское население, что подтверждается археологическим материалом. Это порубежье и прилегавшие к нему с обеих сторон территории можно рассматривать как типичную для средневековья контактную зону. С русской стороны порубежными городами были Дорогочин, Мельник, Каменец, Берестье, Воинь, Влодава, Андреев, Верещин, Тернава, Угровск. С мазовецкой – Визна, Тикоцин, Сьвецк, Зузила, Лев (в Мазовии городов было намного меньше, чем на Волыни). Русско-мазовецкий рубеж был устойчивым в течение XI–XII вв., что нашло отражение в письменных и археологических источниках.

Тесные отношения устанавливаются между Волынским княжеством и Мазовией с 20-х годов XIII в., в княжение Конрада I. Он и его преемники стремились опереться на Даниила Романовича, тогда волынского князя, в соперничестве за Краков с другими польскими князьями и в надежде завоевать землю пруссов. Даниил же искал в мазовецких князьях естественного союзника в борьбе против ятвягов, досаждавших обоим княжествам, и использовал его в качестве противовеса Кракову. Русско-мазовецкий союз поддерживался династическими связями. Сам Конрад I женился на Агафье, дочери Святослава Игоревича,

княжившего в 1206–1208, 1210–1211 гг. во Владимире Волынском. Сыновья его также взяли в жены княжен из рода Романовичей. Впрочем, не находит подтверждения в источниках мнение О.Бальцера и Н.Баумгартена, будто бы сын Конрада I Земовит женился на дочери Даниила Переяславе. Со временем волынско-мазовецкий союз окреп, хотя в 1236 г. Конрад I ненадолго изменил ориентацию, поддержав соперника Даниила Михаила Черниговского. Однако в 1238 г. он вернулся к союзу с Романовичами, а в 1241 г. с почестями принял бежавшего от нашествия Батыя Даниила и дал ему владения в Мазовии.

После смерти Конрада I (1247 г.) Даниил Романович принял участие в улаживании споров за власть между его сыновьями. А когда вскоре скончался старший сын Конрада I Болеслав, он перед смертью передал престол Мазовии брату Земовиту, "послушав князя Данила"[1]. Отношения между Русью и Галицко-Волынским княжеством делаются все более теснымн, и зимой 1248/49 г. они совместно совершают первый большой поход в землю ятвягов. Совместные русско-мазовецкие походы против ятвягов были повторены в 1253 и 1254/55 гг., после чего Ятвяжская земля была поставлена на грань гибели и покорилась галицко-волынскому князю (с. 549, 553).

После смерти Даниила Романовича (1264 г.) Галицко-Волынское княжество распадается. Отношения с Польшей переходят главным образом в руки его брата Василько – и сводятся преимущественно к связям с Мазовией. Когда в 1269 г. к власти в Мазовии пришел сын Земовита Конрад II, он остался верен союзу с Волынью. К этому его побуждали действия младшего брата Болеслава, претендовавшего на верховенство в Мазовии, а также собственные устремления к главному в Польше краковскому престолу. Владимир же Василькович, сменивший отца на владимирском столе в том же 1269 г., продолжал опираться на мазовецкого князя в противодействии докучавшим ему ятвягам. Конрад II был ему подмогой и в соперничестве с двоюродными братьями Львом и Мстиславом Романовичами, что и привело к созданию волынско-мазовецкой конфедерации. Это произошло, вероятно, в 1283 г., когда с но-

вой силой вспыхнула борьба между Конрадом II и его братом. Удержаться на троне Конрад сумел лишь с помощью Владимира Васильковича, что нашло отражение в летописи. Потерпев поражение, Конрад II "посла посол свой ко брату своему Володимерови" за помощью. Тот ответил: "Я готов тобе на помочь. И нача наряживати рать на Болеслава". В этом тексте Конрад II назвал Владимира "братом". Недалек тот час, когда он назовет его "отцем и господином".

Из пространного рассказа Галицко-Волынской летописи следует, что, вероятно, вскоре после событий 1283 г. Конрад II признал себя вассалом владимирского князя. Объединение Волыни и Мазовии все больше приобретает черты конфедерации, в которой главную роль играл Владимир Василькович. Летом 1288 г. Конрад II прислал к неизлечимо больному владимирскому князю посла со словами: "Господине брате мой! Ты же ми был во отца место[2]. Како мя еси держал под своею рукою своею милостью; тобою есмь, господине, княжил и городы свои держал, и братья своей отъялся, и грозен был" (с. 596). Эти слова летописи позволяют мне толковать отношения между Владимиром и Конрадом II как сюзеренно-вассальные.

Подтверждают сказанное и дальнейшие действия мазовецкого князя. Он обратился к Владимиру с просьбой передать его под покровительство Мстислава Даниловича, преемника умирающего князя: "Абы мя, господине, со твоею милостью приял брат твой под свою руку и стоял бы за мя во мою обиду, како ты, господин мой, стоял за мною за мою обиду" (с. 596–597). Речь шла об официальной передаче Владимиром Мстиславу сюзеренных прав на мазовецкого князя. Владимир исполнил его просьбу, после чего Мстислав торжественно "прия и (Конрада II. – *Н.К.*) с честью и с любовью под свою руку" (с. 598). Польские источники об этом не упоминают. Впрочем, волынско-польские отношения конца XIII в. реконструируются и русскими, и польскими историками почти исключительно на основании заключительной части Галицко-Волынской летописи – Летописца Владимира Васильковича.

В то же время, нельзя согласиться с категорическим мнением В.Т.Пашуто, считавшего Конрада II одним из "служилых князей" Владимира Васильковича[3]. Летопись не дает для этого оснований. Да и вообще служилые князья на Руси бывали обычно или вовсе безземельными (Иван Берладник) или владели крохотными княжествами, не дававшими им средств для подобавшего их статусу существования. Такими были в описываемое время пинские князья, которым Романовичи поручали в их отсутствие "стеречи землю" от ятвягов и Литвы.

В польской историографии мне не встречалось мнений ни о волынско-мазовецкой конфедерации, ни о вассальной зависимости Конрада II от Владимира Васильковича. Подробно исследовавший отношения между этими князьями Б.Влодарский утверждал, что они, ввиду опасности, исходившей от краковского князя Лешка Черного, создали военный союз – и не более того. В действительности же, при всем неравноправии статусов руководителей конфедерации, она слаженно действовала в течение по меньшей мере 1283–1289 гг., когда мазовецкий и волынский князья совместно решали задачи внешней политики. Владимир поддерживал Конрада в его стремлении овладеть Краковом и Сандомиром. Мазовецкий князь помогал владимирскому защищать землю от ятвягов и литовцев.

Галицко-Волынская летопись обрывается на событиях 1289–1290 гг. Поэтому она застает лишь начало княжения Мстислава Даниловича во Владимире Волынском. Однако и для короткого отрезка отраженного в ней времени источник дает основания утверждать о существовании волынско-мазовецкой конфедерации. В том же 1289 г., когда Мстислав Данилович торжественно принял под свою руку Конрада II, он помог тому овладеть Сандомиром, который мазовецкий князь пытался захватить последние годы. Мстислав послал на Сандомир свою рать во главе с воеводой Чюдиным. "И тако седе (посажен. – *Н.К.*) Кондрат князь в Судомире княземь Мьстиславом, сыном королевым (Даниила. – *Н.К.*), и его помочью".

Примечания и литература

[1] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 538. Ниже ссылки на Галицко-Волынскую летопись без названия источника будут даваться в тексте (указываются стр. в скобках).

[2] Эта формула подтверждает признание сюзереном того, к кому так обращались.

[3] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 139-140.

А.О.Амелькин

ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВ В ПОДОНЬЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV в.

Несмотря на многолетнее исследование русско-татарского столкновения в 1380 г., вопрос о месте, где произошла Куликовская битва, почти не рассматривался, поскольку казался совершенно ясным. В тех же случаях, когда исследователи (С.Д.Нечаев, В.А.Кучкин, М.В.Фехнер) обращались к этой теме, их интересовала локализация места битвы. Политическая принадлежность Куликова поля затрагивалась лишь А.Л.Хорошкевич в статье 1980 г., но в своем интересном исследовании и она ограничилась лишь непосредственным районом схватки. Между тем, учет государственной принадлежности Куликова поля и прилегающих районов позволяет лучше понять характер развернувшихся действий.

Граница между русскими и татарскими действиями в районе Куликова поля проходила по Дону. О том, что сражение протекало в татарских владениях, свидетельствуют "Задонщина" ("в поле Половецком"), "Летописная повесть о Куликовой битве" ("в Мамаевой земле") и "Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского" ("И срете его в татарскомь поле на реце Дону"). Земли, расположенные южнее места битвы, обычно считаются районами татарских кочевий. Однако археологические исследования М.И.Го-

няного, Н.В.Тропина, М.В.Цыбина показали весьма значительную заселенность Подонья русскими людьми. Их поселения встречаются вплоть до Битюга, Савалы, Карачана и Вороны. Одновременно на этих же территориях по водоразделам встречаются ордынские памятники. Поэтому вопрос о политической принадлежности земель в Верхнем и Среднем Подонье не может быть решен определением этнического состава населения.

С северо-запада к Куликову полю вдоль правого берега Дона примыкают Тульские места. В московско-рязанском договоре 1382 г. сказано, что при царице Тайдуле Тулой "ведали" баскаки, т.е. в середине XIV в. этот район хотя и имел русское население, входил в состав Золотой Орды. Кроме того, земли, отвоеванные Московским и Рязанским князьями в верховьях Дона, определены в документе как "Татарские места".

На основании таких свидетельств, подтверждающих принадлежность верховьев Дона татарам, как нечто естественное высказывалась мысль о владении ими и землями, расположенными южнее Куликова Поля. Однако в 1389 г. на этой территории зафиксировано русское княжество с центром в Ельце. Первое достоверное упоминание о нем встречается в "Пименовом хождении в Царьград". В рязано-московских договорах 1382, 1402, 1434 и 1447 гг. нет упоминания или даже намека на Елец, что исключает возможность его зависимости от Рязанского или Московского княжеств. В статье 1395 г. Московского летописного свода конца XV в. говорится, что Елец находился "близь предел Рязаньския земли", т.е. опять он не отнесен к владениям ни Московского, ни Рязанского князей. Скорее всего, возникновение Елецкого княжества связано с наступлением на Орду Великого княжества Литовского. В результате победы в битве на Синих Водах в 1363 г. литовские князья приобретают ордынские земли к западу от Днепра по Сейму.

В своей Хронике Стрыйковский писал, что после победы у Синих Вод Ольгерд прогнал татар за Дон и в Крым. Единственным выходом Литовского княжества к Дону могла быть территория Елецкого княжества. В "Списке русских городов дальних и ближних" Коршов на Сосне, т.е. на той же реке, что

и Елец, назван в числе Киевских, т.е. принадлежащих Литве, городов. Границы Елецкого княжества проходили: на севере по реке Красивой Мече; на востоке по Дону; на западе по среднему течению Быстрой Сосны; на юге по устью реки Воронеж, хотя археологические данные свидетельствуют, что большая часть населения проживала на левом берегу Быстрой Сосны. Южный же берег реки был практически не заселен.

С запада к району Куликова поля примыкало Новосильское княжество, владения которого граничили с союзными князю Дмитрию Брянскими землями. В грамоте 1371 г. великого князя Литовского Ольгерда патриарху Филофею Новосиль упомянут наравне с такими центрами, как Киев, Смоленск, Тверь и Нижний Новгород, а в перемирной грамоте Ольгерда с Дмитрием Московским князь Новосильский Роман назван Великим. В 1376 г. он был вынужден из-за татарских набегов переехать из Новосиля в расположенный севернее Одоев. Это княжество придерживалось московской ориентации и в "Списке русских городов дальних и ближних" Новосиль назван в числе Залесских городов. Согласно "сказанию о Мамаевом побоище" князь Стефан Новосильский был среди участников Куликовской битвы. Не случайно шедшие на помощь Мамаю Литовские войска, согласно этому же источнику, заняли именно Одоев, ставший к тому времени столицей княжества.

Границы Рязанского княжества проходили по верховьям Дона и Воронежа, не выходя на правый берег реки Дона. Данные конца XV – начала XVI в. определяют южную границу Рязанского княжества в районе среднего течения реки Воронеж. В своем движении Мамай должен был пройти по землям Червленого Яра, упомянутого в грамотах митрополитов Феогноста и Алексия 1330 и 1356 гг. Определить его границы можно лишь приблизительно. Очевидно, Червленый Яр занимал левобережье Дона от устья Воронежа до Хопра, все Похоперье и пространство между этими реками. Собственно же татарские владения не имели устойчивых границ и зависели от сезонных перекочевок. Весной татары двигались на север, осенью на юг. Так, весной 1389 г. посольство Пимена встретило татар, иду-

щих на север лишь у Великой Луки, в двух днях пути от устья реки Медведицы вниз по Дону.

Что же помогает увидеть анализ сведений о политических границах в Подонье? Судя по "Сказанию о Мамаевом побоище", войско Мамая шло по левому берегу Дона: Мамай "перевезеся великую реку Волгу съ всеми силами... И доиде же до усть рекы Вороножа и распусти всю силу свою"; пленный татарин 5 сентября сообщил князю Дмитрию, что Мамай еще находился в 3 днях пути от Дона на Кузьмине Гати, ныне в Тамбовской области в 120 км от Дона. Правда, некоторое противоречие к сказанному может быть усмотрено в известии того же "Сказания о Мамаевом побоище" о стороже, высланной к Тихой Сосне, т.е. на правый берег Дона к югу от Елецкого княжества. Однако сторожа на Тихую Сосну могла иметь задачей не непосредственного поиска противника, а общий сбор сведений. Достигнуть района Куликова поля проще по правому берегу Дона, Мамай же не пошел по Кальмиусской сакме. Причина этого заключается в том, что здесь было расположено Елецкое княжество, находившееся в зависимости от Великого княжества Литовского. А литовский князь Ягайло был в 1380 г. союзником Мамая.

Движения татар по левому берегу Дона ожидали и русские войска. В "Сказании о Мамаевом побоище" упоминается о "крепце стороже" Фомы Кацибея "на реце Чурове". Это место известно по "Хождению митрополита Пимена в Царьград" и локализуется у с. Архангельского на р. Кочур (О.А.Шватченко, К.В.Кудряшов) на левом берегу Дона. Получив известия о близости русских войск, Мамай внезапно переправился на правый берег, стремясь обойти русские полки. Дмитрий же искал открытого боя и также вынужден был переправиться на правый берег, поставив свои войска в невыгодное положение, спиной к реке. Одержав победу, русские войска преследовали татар до Мечи ("Повесть"). Этот рубеж для преследования может быть объяснен не только тем, что Меча воспринималась как граница Куликова поля ("Сказание"), но и как граница между татарскими и елецкими владениями. В московско-рязанском договоре

1483 г. говорится о совместном владении этой рекой, т.е. определяется ее пограничный характер. Следовательно, русские воины преследовали татар до границы Елецкого княжества.

Ю.В. Селезнев

РОЛЬ ОРДЫНСКОГО ФАКТОРА В РУССКО-ЛИТОВСКОЙ ВОЙНЕ 1406–1408 гг.

В начале XV в. Восточная Европа представляла собой арену крупных геополитических столкновений за гегемонию в регионе. На роль лидера претендовали Великое княжество Литовское, Великое княжество Московское и Большая Орда. Их борьба, носившая как дипломатический, так и военный характер, представляет интерес для изучения особенностей этнополитических контактов государств. В качестве примера подобного соприкосновения различных государственных образований и историко-культурных типов рассмотрим войну 1406–1408 гг., в которой участвовали все три претендента на лидерство.

Военные кампании Руси и Литвы 1406–1408 гг. рассматривались в трудах Н.М. Карамзина, С.М.Соловьева, Л.В.Черепнина, Э.Клюга и др. (*Карамзин.* С.108; *Черепнин.* С.714; *Клюг.* С.263). В меньшей степени изучен вопрос о роли ордынского фактора в развитии событий 1406–1408 гг.

В феврале 1406 г. великий князь Витовт внезапно напал на псковские земли. Был разорен город Коложе. Войска Ливонского ордена опустошили земли вокруг Изборска, Острова, Котельна. Псковичи в ответ разорили территории около Великих Лук и Новоржева, подвластных тогда литовскому князю, а немцев избили близ Киремпы. Однако, чувствуя свою слабость перед литовско-ливонской коалицией, псковское правительство обратилось за помощью к Московскому великому князю (*Карамзин.* С. 108). Василий Дмитриевич направил во Псков своего брата Константина и объявил о сборе войск. Воеводы вели-

кого князя были посланы на Серпейск, Козельск и Вязьму. Но это предприятие в целом оказалось неудачным. Назревала угроза столкновения основных сил Литвы и Руси.

В условиях эскалации русско-литовского конфликта Василий Дмитриевич решил искать помощи в войне с Витовтом в Орде. Правительство хана Шадибека во главе с Едигеем приняло решение о поддержке Москвы.

Осенью 1406 г. литовская рать и русско-ордынские войска сошлись у реки Плавы (ПСРЛ. М., 1965. Т.11–12. С. 194). Однако Витовт не решился вступить в открытый бой, опасаясь, вероятно, ордынских войск (в 1399 г. литовские войска потерпели сокрушительное поражение от татар в битве на Ворскле (Там же. С. 174). Между Витовтом и Василием было заключено перемирие "до того же году" (Там же. С. 194).

1407 г. прошел в условиях пограничной войны, не принесшей ни той, ни другой стороне заметного успеха. Противостояние основных войск противников у Вязьмы вновь завершилось перемирием. При этом осенью того же года "татарови Булат Салтана, царя Болшиа Орды (летом 1407 г. Едигей сменил хана. – *Ю.С.*), воеваша Литву" (ПСРЛ. Т.11. С. 202; ПСРЛ. М., 1965. Т.15. Стб. 473). Летом 1408 г. в Москву прибыл ордынский посол. Тогда же "князь великий Василий Дмитриевич Московский нача собирати рать, еще и к татарскому царю посылаше, прося помощи на Витофта, хотя его землю литовскую воевати и пленити" (ПСРЛ. Т.11. С.203–204).В сентябре 1408 г. русско-татарские войска выдвинулись к Угре. Сюда же подошла литовская рать. Однако и на этот раз открытой битвы не произошло. "И стояша Литва с москвичи на Угре 12 дней, и умиришася сентября в 14... и разыдошася каждо во свояси" (ПСРЛ. Т.11. С. 204; Т.15. Стб. 774). Татарские войска на обратном пути в Орду "взяша Брянск... видя плошество русских князей" (ПСРЛ. Т.15. Стб. 774).

Таким образом, московско-литовская война проходила в условиях неизменной поддержки Москвы ордынским правительством на протяжении 1406–1408 гг. На политику Сарая не повлияла и смена хана летом 1407 г. Едигей прислал войска

даже осенью 1408 г., т. е. в условиях подготовки к крупномасштабному вторжению на Русь. В то же время, русские источники единодушно отмечают незначительность по численности ордынских отрядов, которые присылались на помощь московским войскам, возможно, по идеологическим мотивам (Там же. Стб. 777–778). Однако моральный эффект от демонстрации ордынской поддержки оказался достаточным для того, чтобы литовцы не решились вступать в открытые бои.

Литовская экспансия на Северо-Восточные княжества Руси в начале XV в. была приостановлена. Не последняя роль в этом принадлежит ордынскому вмешательству в русско-литовскую войну. Правительство Едигея проводило антилитовскую политику. Это объясняется тем, что Витовт неизменно оказывал поддержку противникам Едигея (Тохтамышу и его сыновьям).

Таким образом, Москва и Сарай выступали объективными союзниками против Литвы. Однако практика привлечения Василием I ордынских войск при приостановке выплаты дани привела к военной катастрофе 1408 г. После похода Едигея на Москву начинает складываться антиордынская русско-литовская коалиция, возглавляют которую бывшие противники в войне 1405–1408 гг. великие князья Витовт Литовский и Василий Московский.

Война 1406–1408 гг. показывает, как в ходе столкновений Великого княжества Литовского, Великого княжества Московского и Большой Орды менялись их политические приоритеты. Этот процесс протекал в русле оформления Московского и Литовского типов государственности в Восточной Европе. Конечным его результатом было превращение Восточной Европы из зоны контактов представителей различных миров в регион с унитарными культурно-государственными образованиями.

Литература

Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т.5.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994.

Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства. М., 1960.

А.И. Филюшкин

ЛИЧНОСТЬ В ЗОНЕ КОНТАКТОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР (КНЯЗЬ А.М. КУРБСКИЙ В ЛИТОВСКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Личность Андрея Михайловича Курбского являет собой уникальный пример сочетания в одном человеке и его биографии различных культурных и поведенческих стереотипов. Московский боярин и воевода становится литовским эмигрантом и военачальником в армии Сигизмунда. Ярославский вотчинник превращается в ковельского держателя "крулевщины". Носитель православно-ортодоксального мировоззрения овладевает европейской античной и средневековой ученостью и пытается ее применять, доходя в своих философских построениях до рационализма и стремясь реформировать жанр средневековой эпистолографии.

Курбский обладал обширным багажом знаний древней и средневековой философии, патристики, которые он довольно своеобразно сочетал с православной основой своего интеллектуального и духовного облика. Он также освоил несколько языков. Помимо родного русского, в своих произведениях князь активно использовал полонизмы и западнорусизмы, а также переводил с латыни философские тексты, которые сам же и комментировал. Таким образом, на его примере можно проследить соприкосновение различных культурных систем, проанализировать проявление их взаимопроникновения и выявить степень сочетаемости тех или иных компонентов средневековых культурных моделей.

Из произведений Курбского видно, как происходило его духовное перерождение. В первом письме Грозному (1564 г.) он выступает с позиций ревностного сторонника идеалов православного царства, в несоответствии которым упрекает Ивана IV. Князь изображает себя защитником интересов Святой

Руси и ее лучших людей ("сильных во Израили"). Но постепенно ненависть беглого боярина лично к Ивану IV превращалась в неприязнь к своей былой Родине в целом. Известно, что он даже неоднократно участвовал в составе литовской армии в походах на Россию.

В третьем письме Грозному (1579 г.) Курбский уже злобно издевается над пленными русскими воеводами, при этом в противопоставление им в панегирических тонах пишет о литовской армии и правителях Речи Посполитой. Пороки царя изобличаются не только с позиций несоответствия идеалам православного государя, но с привлечением западных мировоззренческих парадигм. Он цитирует два больших отрывка из "Парадоксов" Цицерона, в которых Грозный должен был увидеть поучительные для себя исторические и нравственные параллели со своим правлением. В 1579 г. со страниц посланий Курбского на нас уже глядит в большей степени носитель психологии литовского нобилитета, гордо подписывающийся "князь Ковельский", чем бывший русский боярин и воевода.

Труднее происходила адаптация Курбского к порядкам Великого княжества Литовского в сфере повседневной жизни. Она являет собой яркий пример несовместимости человека с чуждой для него общественной средой, взаимного отторжения культурных и поведенческих стереотипов. Поступки князя утонченными литовскими шляхтичами воспринимались как нелепые выходки "дикого помещика", нецивилизованного московита. Курбский же, наоборот, презирал шляхту за ее изнеженность, любовь к "трункам с марципаны". Многие ситуации он рассматривал, исходя из психологии московского боярина, и часто искренне не понимал, что он не так делает и почему его осуждают.

Он самовольно присвоил себе титул князя Ковельского (хотя владел имением лишь на правах пожизненной аренды), конфликтовал с соседями, неоднократно привлекался к судебным разбирательствам за уголовные преступления (совершенные им или его дворовыми людьми). Наиболее колоритным здесь выглядит ответ князя на вопрос следственных органов,

почему он избивал собственную жену. Курбский недоуменно возразил, что "всего-то вежливенько стегал ее плеткой".

Показательна история 1569 г., когда финансовые споры с ковельскими евреями князь решил просто и радикально: посадил их в пруд с пиявками во дворе своего замка. Потребовался королевский указ (!), чтобы он их отпустил, причем его слуга возражал посланцам Сигизмунда: "Разве пану не вольно наказывать подданных своих не только тюрьмою или другим каким-либо наказанием, но даже смертью?" Эта фраза выдает истинный склад психологии Курбского: перед Грозным он отстаивал вольности аристократии и права "свободного естества человеческого". Но применительно к низшим слоям он в полной мере исповедывал нашумевшие принципы своего идейного оппонента: "Своих холопов хочу – жалую, а хочу – казню".

Результат невозможности для Курбского вписаться в контекст повседневной жизни литовского общества был печален. Князь вконец запутался в семейных неурядицах и судебных разбирательствах и под конец жизни спасался от них только тем, что выезжал в действующую армию (кстати, на русско-литовский театр военных действий). Эти неприятности во многом и обусловили ту глубокую депрессию, в которой Курбский скончался в 1583 г.

Утешением для не прижившегося в эмиграции московита была литературная деятельность и самообразование. К концу жизни он приобрел большой интеллектуальный багаж: был знаком с сочинениями Аристотеля, Цицерона, Парменида, Эпикура, Платона, Эразма Роттердамского, Кирилла Александрийского. Князь прекрасно ориентировался в патристике и в произведениях христианских теологов. На страницах его трудов фигурируют имена Филона Александрийского, Григория Нисского, Оригена, Фомы Аквинского, Григория Паламы, Августина Блаженного, Амвросия Медиоланского, Тертуллиана, Лютера и др.

Один список приписываемых Курбскому переводов производит большое впечатление: два отрывка из "Парадоксов" Цицерона, "Источник знания" Иоанна Дамаскина, "Слово Иоанна Златоустого на пентикостие о святом дусе", 44–47 беседы

Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, "От другие диалектики Иона Спакинбергера о силлогизме вытолковано", "Диалог" патриарха Геннадия Схолария, творения Симеона Метафраста, отрывки из Хроники Евсевия Кесарийского", "Повесть о Варлааме и Иоасафе", "Епифания, епископа Кипрского о востании из мертвых свидетельство", послание Игнатия Богородице и "ответ" ему Богородицы, произведения Василия Великого, Григория Богослова, Дионисия Ареопагита.

Свою ученость Курбский пытался практически применять в публицистических и эпистолярных произведениях. По удачному выражению В.В.Калугина, второе послание Грозному является своего рода "литературным манифестом" писателя-западника. Как обстоятельно показано Д.Фрейданком и В.В.Калугиным, Курбский исповедывал западные принципы эпистолографии и с этих позиций упрекал Грозного в писательской "неискусности". В Великом княжестве Литовском и Королевстве Польском эти понятия были хорошо известны: в 1845 г. Конрад Цельтис в Краковском университете стал читать курс эпистолографии, в 1530–1538 гг. ее начали изучать по учебнику Эразма Роттердамского. С 1588 г. было введено ознакомление учащихся с письмами Цицерона как образцами жанра.

Курбский во втором послании отказался от традиционной для Московской Руси системы ответа на письма, основанной на принципах дьяческого делопроизводства. Было принято давать последовательный ответ на каждый пункт письма оппонента, при этом предварительно повторив его содержание (что характерно, к примеру, для посланий Ивана IV). Князь же сочинил свое второе послание как целостное возражение ученого-ритора невежественному оппоненту, подверг уничижительной критике письмо в целом, его стиль, систему аргументации.

По выражению Д.С.Лихачева, «Курбский пишет Грозному с "высот" своей новой образованности. Его позиция, которую он стремился занять в своих письмах по отношению к Грозному, – это позиция утонченного и вкусившего западной образованности интеллигента, поучающего грубого неуча». Отсюда и отказ князя от принятых на его бывшей Родине принци-

пов эпистолографии, обращение к ее западным канонам: в этом он также видел свое превосходство и большую образованность.

Невежеству царя он противопоставлял обязательный образовательный минимум в средневековой Европе – так называемом trivium. Он включал в себя три науки: грамматику, риторику и логику (диалектику). Любопытно в этой связи наблюдение И.Ауэрбах, обратившей внимание на доверенность А.М.Курбского своему слуге Н.Богушевскому 1571 г. На документе значится надпись: "с подписом руки моее властное литеры по-латыне писаные, а для того иж сам *по-руски писати невмею* (курсив автора. – *А.Ф.*)". Под этим помещен автограф Курбского по латыни: "Andrej Kurpskij manu proprija" ("Андрей Курбский собственной рукой"). Из этих материалов парадоксальнейшим образом следовало, что Курбский не умел писать по-русски.

Данное противоречие хорошо объяснил В.В. Калугин: слова князя нельзя понимать буквально. В выражении "*по-русски писать невмею*" он имел в виду западнорусскую деловую скоропись, которой и надо было воспользоваться для подписания деловых документов. За этим заявлением также скрывалось своеобразное кокетство князя. Он публично заявлял, что предпочитает русскому языку латынь – административный язык Польши и язык европейской культуры. Этим он демонстрировал свои культурные пристрастия и показывал, что окружающие имеют дело с европейски просвещенным человеком. Такие высказывания Курбского добавляют весьма любопытные штрихи к его психологическому портрету.

Вышеприведенных примеров достаточно, чтобы можно было уверенно говорить о социально-культурной маргинальности князя. В его биографии проявились особенности контактов личности с чужой средой, принципы усвояемости, отторжения или трансформации ее социокультурной системы.

А.Л. Хорошкевич

СФЕРА ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ РУСИ И РОССИИ XV–XVI вв.

В проблеме "контактных зон" или "зон контактов" можно выделить несколько аспектов (сторон) по территориальному, экономическому, языковому и многим другим признакам (принципам), естественно пересекающимся и взаимосвязанным. Одной из важнейших сфер является языковая. За последние 40 лет весьма существенно расширилась источниковая база данных относительно языковых контактов Руси и России (т. е. после 1547 г., когда этот термин стал официальным названием государства), равно как было уточнено представление о них в историографии. Были изданы немецко-русские разговорники Тонниса Фенне 1607 г.[1], Томаса Шрове 1546 г.[2], анонимный словарь XVI в.[3], фрагменты еще одного разговорника (1955). Их публикация вызвала бурю откликов и активное обсуждение проблемы языковых контактов как лингвистами – специалистами по истории русского и немецкого языков, так и историками.

В связи с темой конференции заслуживает внимания проблема места возникновения этих словарей. Исследователи признают, что дошедшие до нашего времени редакции были в основном составлены в Пскове. Действительно, словарь Теннисса Фенне дает обильный материал именно о псковском диалекте, что и подчеркивают псковские лексикографы. Менее уверенно можно говорить о словаре Шрове, сохранившем более ранний пласт лексики.

Изучение отдельных редакций двух первых памятников приводит к выводу о том, что древнейшая редакция или отдельные фрагменты этих двух памятников восходят к последней трети XIII в. Так, в словаре Томаса Шрове употребляется неизвестный другим памятникам термин "скалвеница", происходящий от "скалвы", нового прибора для взвешивания товаров, введенного в Новгороде в середине XIII в., что и было за-

фиксировано договором 1259/1270 г. Позднее этот термин, образованный от заимствованного из немецкого языка слова с помощью русского суффикса "ниц" (?), был сменен иными – "весовой палатой" в XV в. и "важней" в XVI в.

Слой XV в., менее определенный в разговорнике, ясно выражен в словарной части, в особенности в разделе, посвященном денежным системам. Благодаря этому можно вычленить редакцию 1409–1425 гг., т. е. того времени, когда в Новгороде и Пскове была произведена денежная реформа и в обращение в качестве русских денежных единиц были допущены иностранные монеты, в том числе любекские.

Относительно языка словаря-разговорника Томаса Шрове мнение польских лингвистов, издавших его, единодушно. Они обнаруживают в нем черты древнего новгородско-псковского диалекта, общие с языком новгородских берестяных грамот (А.Болек). В языке словаря-разговорника Тонниса Фенне отчетливо прослеживаются псковские диалектизмы. Подобная эволюция языка памятников, возникших в сфере русско-ганзейских экономических отношений и восходящих к одной и той же основе, хотя и проделавших разную эволюцию, ставит вопрос о причинах подобного явления. Видимо, в XVI в., когда сложились окончательные редакции рассматриваемых памятников, центр русско-ганзейской торговли был перенесен во Псков. Не исключено и другое предположение – о гибели подобных новгородских памятников во время печально знаменитого похода Ивана Грозного на Новгород.

Каковы бы ни были причины преобладания "псковских" немецко-русских разговорников в XVI в., можно отметить их общий эмоциональный настрой. Для разговорников Фенне и Шрове характерна атмосфера дружелюбия и доброжелательности. Разумеется, и в них идет речь о различных видах конфликтов – обманов, неверности в соблюдении договоренностей, продаже некачественного товара и т.д. Однако общий тон – в высшей степени деловой и прагматичный, уважительный и доверительный, что в целом соответствует традициям ганзейской торговли как в Новгороде, так и во Пскове. И в том, и в другом

памятнике ясно указаны основные контрагенты русских – это немецкие купцы из "заморья", по преимуществу Любека, главного центра ганзейской торговли в Северной Германии.

Однако, анонимный немецко-русский словарь-разговорник, восходящий, как убедительно показал его издатель А.Фаловский, к несколько иной традиции, содержит часть, резко отличающуюся по своему настрою от второй половины того же памятника, с одной стороны, и "именных" словарей – с другой. Здесь иная не только эмоциональная направленность, но и иная тематика. Если в "именных" словарях речь идет по преимуществу об экономических отношениях и торговых конфликтах, то в первой части "анонима" центр внимания перенесен на уголовные преступления и разбирательство дел, возникших из-за этого. Иное и отношение к русским: это люди, наделенные всеми мыслимыми и немыслимыми пороками, в числе которых чуть ли не первое место занимает содомия, действительно весьма распространенная на Руси и в России XVI в. Эта часть "анонима" имеет и точный адрес, где она была составлена – Ливония. Русско-ливонские войны XVI в. и в особенности первая из них 1501–1503 гг. и самая длительная 1558–1581 гг. порождали атмосферу недоброжелательства и обострения конфликтов на самой разной почве. На ней взошли побеги антирусских сочинений, типа повестей о "неслыханных" зверствах русских в первой русско-ливонской войне, многочисленные летучие листки, созданные во время второй.

Анонимный немецко-русский словарь-разговорник или его первая "ливонская" часть, скорее всего, был создан в первую половину века, когда Ливония стала барьером между Русью и другими странами Северной Европы. "Ливонская" часть анонима наглядно рисует атмосферу барьера, как она сложилась на протяжении первой половины XVI в.

Вторая, "ганзейская" часть "анонима" проникнута тем же духом, что и словари Фенне и Шрове и имеет с ними многочисленные аналогии. Однако последовательное сравнение ее с этими последними – задача будущего.

Важно подчеркнуть, что, благодаря подобным памятникам, сфера языковых контактов отнюдь не превращалась в "зону", ограниченную территориальными пределами непосредственных экономических связей, а в широкую сферу, захватывавшую далекие от этой "зоны" территории.

В целом, изучение языковых контактов на базе словарей-разговорников XV–XVI вв. может принести еще много нового о бескрайних "зонах" интернациональных контактов Руси и России со странами Северной Европы.

Литература

[1] Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607. Vol. 1: Facsimile Copy; Vol. 2: Transliteration and Translation / L.L.Hamerich, R. Jakobson; Vol. 3: Russian-Low German Glossary / A.H. van den Baar; Vol. 4: Mittelniederdeutsch-neuhochdeutsch Wörter-buch zum Russisch-niederdeutschen Gesprachsbuch / H.J.Gernentz. Copenhagen, 1961, 1970, 1985, 1986.

[2] Einn Russisch Buch...: Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. 1: Słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku / A.Falowski, W.Witkowski; Cz. 2: Transliteracja tekstu. Index wyrazów i form rosyjskich / A.Falowski. Oprac. A.Bolek, H.Chodurska, A.Falowski, J.Kunińska. Kraków, 1992, 1997.

[3] Einn Rusch Boeck...: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprachsbuch aus dem XVI. Jahrhundert / A.Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

О.В. Скобелкин

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙЦЫ В РУССКОМ ВОЙСКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.: ВОПРОСЫ КОНТАКТОВ РОССИИ И ЗАПАДА

Одним из каналов, по которому русские соприкасались с миром Западной Европы, а западноевропейцы – с Россией, были приезды иностранных специалистов в Московское госу-

дарство и их служба здесь. Хотя какая-либо статистика, разумеется, отсутствует, создается впечатление, что до конца XVI в. это были, в основном, люди свободных профессий; военные среди них если и встречаются, то скорее как исключение.

Ситуация начинает стремительно меняться в годы Смуты: гражданская война и война с внешним противником, с одной стороны, изменили конъюнктуру, резко повысив спрос на наемников, а с другой – создали условия для увеличения числа иноземцев в войске.

Смута была временем, когда на территории России оказалось невиданное раньше количество солдат и офицеров из многих стран Западной Европы. По-видимому, первый относительно крупный контингент иноземцев-военных появился в России с Лжедмитрием I и составил его личную охрану. Следующей группой "немцев" был отряд Делагарди, где помимо шведов было много выходцев из других стран, включая даже Британские острова. Затем западноевропейские наемники появились на российской территории в составе армии короля Сигизмунда, а также в отрядах командиров типа Лисовского. Хотя одни из них первоначально находились на службе у русских царей, а другие – наоборот, составляли отряды враждебных армий, потенциально все они представляли своего рода резерв для Москвы, из которого русские власти могли нанимать на службу высококвалифицированную военную силу. Такая ситуация складывалась потому, что те, кто вчера служили России, сегодня переходили на сторону ее врагов, а те, кто, кто вчера воевали с правительственными войсками, сегодня нанимались на службу к ним. Первые, впрочем, послужив у неприятеля, порой возвращались на русскую службу вновь. Из пришедших на русскую службу вчерашних врагов самым многочисленным был отряд так называемых "бельских немцев" – более 100 человек шотландцев и ирландцев, сдавшихся русским войскам в составе гарнизона Белой в августе 1613 г.

Был и еще один путь для иностранного наемника в русское войско – непосредственное предложение своих услуг правительству. Известия о событиях в России подталкивали про-

фессиональных солдат из Западной Европы попытать счастья в далекой Московии. Наиболее крупный отряд (более 100 человек) из людей такого рода во главе с цесарцем Фрейгером, англичанами "князем" Астоном и полковником Гилем прибыл в Архангельск в июле 1612 г. Хотя руководство Второго ополчения от услуг прибывших профессионалов отказалось и предложило им немедленно уехать, события сложились так, что иноземцы на год задержались в России; часть их приняла участие в боевых действиях на севере страны в составе правительственных войск, а затем была принята на службу.

В результате как групповых, так и индивидуальных поступлений на службу, за годы Смуты общее количество западноевропейцев в русском войске резко (в сравнении с предшествующим столетием) выросло. А это, в свою очередь, привело к тому, что во много раз расширился круг лиц и учреждений, вступающих в контакт с представителями иной цивилизации.

Во-первых, ряд приказов, и прежде всего Разряд, стали заниматься вопросами, связанными со служилыми иноземцами. Во-вторых, в условиях войны, непременными участниками контакта с русской стороны были полковые воеводы и их аппарат. В-третьих, контактировать с иностранцами пришлось и городовым воеводам с их аппаратом. Контакты этого рода отражены в приказном делопроизводстве и вполне реконструируемы.

Хуже обстоит дело с контактами на бытовом уровне, поскольку источники не склонны специально фиксировать их. Здесь можно с уверенностью говорить лишь о найме русских людей в качестве обслуги иноземцами и о женитьбе иностранцев на русских. Что касается контактов с сослуживцами, то они, видимо, были ограничены тем, что в тот период иноземцы служили в войске компактными отрядами, состоявшими только из иностранцев, что, естественно, сужало возможность общения русских со служилыми людьми.

С чем столкнулась русская сторона, общаясь с "немцами"? Прежде всего с обилием чуждых для русского уха иностранных имен. А поскольку подьячие, пожалуй, на всех уровнях, за исключением Посольского приказа, писали эти

имена на слух, неудивительно, что один и тот же иноземец в русских документах мог иметь до пяти (а порой и больше) вариантов своего имени. (Например, шотландец из отряда "больших немцев" Williame Johnstoun назывался Вилим Анстон, Велим Анстон, Филим Астан, Вилим Янстан, Вилим Янстен, Вилим Янстон, Вилим Ян Стен).

Вместе с именами знакомились русские люди и с иностранными воинскими званиями и их иерархией. Полковники, капитаны и ротмистры, поручики и прапорщики, набатчики и нарядчики – вся эта терминология постепенно становилась привычной для людей и структур, обеспечивающих и контролирующих службу иноземцев.

Еще одной сферой контактов, где русская сторона сталкивалась с непонятным и чуждым, была область идей и принципов общественного устройства, взаимоотношений государства и общества. Весьма показателен в этом отношении разговор, состоявшийся в августе 1612 г. между главой Посольского приказа Второго ополчения дьяком С.Раманчуковым и шотландским капитаном Я.Шавом – представителем отряда иноземцев, высадившихся в Архангельске. Русский администратор выразил недоумение тем фактом, что во главе этого отряда оказались подданные разных государей, "каким же они случаем идут вместе и об одном деле?" Ответ шотландца весьма примечателен: "В тех... землях люди вольные, ездят из земли на землю по своей воле".

Это принципиальное различие двух миров – России и Запада – иноземцы ощутили довольно скоро. Оказалось, что, поступив на службу к российскому государю, иностранец, подобно своим русским собратьям, превращается в государева холопа; и дело не столько в том, что теперь он должен так именовать себя во всех челобитных, а в том, что покинуть русскую службу не так легко, как попасть на нее. Порой, требовалось вмешательство коронованных особ, чтобы побудить русские власти отпустить иностранца со службы и из России.

Оказалось также, что в России поощряют тех иноземцев, которые перейдут в православие. Хотя в этом случае отъезд

иноземца становился практически невозможным, его материальное положение улучшалось, а служебный и социальный статусы резко повышались.

В плане материального положения иностранцы столкнулись в России с невозможным в странах Запада вариантом превращения профессионального наемника, "солдата удачи" XVII в., в землевладельца-феодала. Вскоре после Смуты, в период массовых испомещений, часть служилых "немцев" была поверстана поместными и денежными средствами, получила дачи и превратилась в русских помещиков.

В период после Смуты и до начала 30-х гг. XVII в. наем иностранцев на русскую военную службу продолжался, но был эпизодическим и индивидуальным; главным каналом появления иноземцев в России был так называемый "выход (выезд) на государево имя".

В 1631 г., накануне Смоленской войны, по инициативе российского правительства, полковником Лесли была организована массовая вербовка иностранных военных специалистов в русское войско. Это привело, во-первых, к новому резкому увеличению числа западноевропейцев в России, а, во-вторых, к резкому расширению контактов между служилыми иностранцами и русскими служилыми людьми. Произошло это потому, что теперь на службу вербовались командиры всех рангов, которым предстояло обучать русских людей и командовать ими. Полки нового строя стали новой зоной контакта между русскими и западноевропейцами, а всевозможные "саржанты", "капералы", "фуриры", "квартиермейстры" и т.п. – такой же обыденностью в них, как головы, сотники и пятидесятники в традиционных воинских формированиях России.

ЧАСТЬ III

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ: ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ

С.В.Белецкий

К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ НА ПЛОМБАХ ИЗ ДРОГИЧИНА
(по материалам свода К.В.Болсуновского)

Древнерусский город Дрогичин, впервые упомянутый в летописях под 1142 г., находится на западе Волынской земли. В результате археологических исследований конца XIX в. (Авенариус, 1890) и 1950-х годов (Musianowicz, 1969. С. 7–235), установлено, что город возник не позднее XI в. и в XII–XIII вв. являлся крупным центром на польско-русском пограничье.

Одной из загадок древнерусского Дрогичина является огромное количество средневековых свинцовых пломб, найденных по берегам Буга в черте города. Наряду с безусловными западноевропейскими и византийскими здесь найдены многочисленные древнерусские пломбы, в том числе – с изображениями так называемых "знаков Рюриковичей". Это – наиболее представительная в настоящее время серия древнерусских княжеских знаков. К сожалению, информативные возможности дрогичинских пломб для изучения русской домонгольской геральдики в полной мере не используются. Хотя сами памятники находятся в поле зрения историков почти полтора столетия, до сих пор не установлено даже общее число находок: в литературе фигурируют разные цифры – от 8 до 15 тысяч пломб.

Обстоятельный обзор истории накопления источника и высказанных мнений о дрогичинских находках, а также подробный разбор изображенных на пломбах княжеских знаков был сделан Н.П.Лихачевым (1930). Однако и в это издание, и в таблицы "Сфрагистического альбома" (РА ИИМК, ф. 35, оп. 2, д. 444) Лихачев включил только отдельные образцы дрогичинских находок, а подавляющее их большинство не было воспроизведено. Составленная Н.П.Лихачевым таблица знаков Рюриковичей, помещенных на дрогичинских пломбах, включает 35 схем двузубцев, однако исследователь озаглавил таблицу "Наиболее употребительные на пломбах из Дрогичина знаки-тамги" (Лихачев,1930. С.87. Рис.72), подчеркивая, что в таблицу включены не все княжеские знаки, зафиксированные на пломбах.

Исследование Б.Д.Ершевского, основанное на материалах коллекции Н.П.Лихачева (хранится в Отделе нумизматики Эрмитажа), также, к сожалению, не заполнило лакуну: из-за ограниченного объема статьи собственно пломбы не воспроизводились, а приведенная в статье таблица (Ершевский, 1985. С. 39. Табл. I) включает схемы 36 знаков в форме двузубца. Исчерпывается ли этими знаками ассортимент известных по дрогичинским пломбам "знаков Рюриковичей", из текста статьи не ясно. По данным Б.Д.Ершевского, пломбы с изображениями "знаков Рюриковичей" составляют около 25% (718 из 2940) пломб, составляющих коллекцию.

Единственной значительной по объему серией опубликованных дрогичинских пломб – 981 прорисовка – остается свод К.В.Болсуновского (1894). Именно эта серия позволяет представить место пломб с княжескими знаками в составе дрогичинской коллекции (Табл.1). Пломбы, несущие изображения древнерусских княжеских знаков, составляют около 30% от общего числа включенных в свод Болсуновского пломб. В составе коллекции практически отсутствуют сфрагистические регалии княжеских посадников (разряд 4), но зато широко представлены пломбы, использовавшиеся в делопроизводстве княжеских печатников (разряды 1–2), в том числе – печатников, выступавших в своей деятельности от лица князей-дуумвиров (разряд 2).

Учитывая, что по крайней мере часть пломб, объединенная в таблице в разряд 3 (разнородный по составу и требующий более дробного членения), также принадлежала печатникам, выступавшим представителями одновременно двух правителей, один из которых не принадлежал к роду Рюриковичей, представительность сфрагистических регалий первых лиц княжеской администрации заметно возрастает. Значительная группа пломб с княжескими знаками принадлежала чиновникам более низкого ранга (разряды 5–6); связаны ли они были в своей деятельности с обслуживанием транзитной торговли, проходившей через Дрогичин, или же нет, пока не ясно.

Таблица 1

Сфрагистический разряд		Количество
1	Крест – княжеский знак	54 + 4(?)
2	Княжеский знак – княжеский знак	23 + 13(?)
3	Княжеский знак – разные символы (свастика, "птица", "зверь", "личина", "человек", крест в круге, круг с точкой, розетка, тамги разных типов и др.)	81 + 18(?)
4	Княжеский знак – святой	2
5	Княжеский знак – буква	79 + 7(?)
6	Княжеский знак – группа точек	6
7	Княжеский знак – легенда	1
8	Княжеский знак на односторонних пломбах	5
	ИТОГО	293

Количественно среди дрогичинской серии княжеских знаков преобладают двузубцы различных типов (более 85%). Другие группы знаков заметно менее представительны, при этом более половины знаков, включенных в группу трезубцев, возможно, не являются "знаками Рюриковичей" (Табл. 2).

Таблица 2

Группа	Количество
Двузубцы	268
Трезубцы	8 + 9(?)
Трезубцы с коротким центральным зубцом	28
Полутрезубцы	2
Удвоенные трезубцы	1

Большинство зафиксированных на дрогичинских пломбах знаков (более 90%) на других памятниках не встречены. Близкородственный характер многих знаков свидетельствует о принадлежности их владельцев к одним и тем же ветвям правящей на Руси династии. Вероятность того, что владельцы "дрогичинских" знаков занимали княжеские столы, по преимуществу, в западнорусских землях, представляется мне достаточно высокой. Среди немногочисленных знаков "общерусских типов" отмечу два двузубца, один из которых может быть атрибутирован Владимиру Мономаху, а второй – Мстиславу Великому. Не исключено, что и остальные "общерусские" княжеские знаки могли принадлежать князьям, в разное время занимавшим великий киевский стол.

Особо отмечу присутствие среди дрогичинской коллекции крупной пломбы (Болсуновский, 1894. № L), на одной стороне которой помещен княжеский знак, а на другой – многострочная легенда (разряд 7). Угадывающиеся в легенде латинские буквы дают основание предполагать, что данная сфрагистическая регалия могла использоваться (и, вероятно, использовалась) в делопроизводстве, ориентированном на контакты с западными соседями Руси.

А.А.Молчанов

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ И МОНЕТНАЯ ЧЕКАНКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ X – НАЧАЛА XI в.

На рубеже IX–X вв. на территории Восточной Европы прочно утверждается система оживленных экономических контактов, базирующаяся прежде всего на двух основных транзитных торговых путях – Волжском и Днепровском. Развивавшиеся параллельно с активной внешней торговлей потребности внутреннего денежного обращения в уже оформившихся раннефеодальных государствах, через которые пролегали указанные трансконтинентальные водные трассы, поначалу полностью обеспечивались иноземной монетой. Но со временем и здесь стала налаживаться собственная монетная чеканка.

На композиционное оформление монет, впервые выпускавшихся в том или ином центре, естественно, оказывали непосредственное влияние те прототипы, которые на официальном уровне должны были избирать новоявленные эмитенты. Денежные эмиссии, осуществлявшиеся эмирами Волжской Булгарии уже с начала X в., следовали обычному стандарту куфического серебра того времени. При этом булгарские эмиры, сделавшись правоверными мусульманами, заявляли о себе в традиционно оформленных арабских монетных легендах и тем самым выступали как полноправные владетели высокого ранга в иерархии исламского мира.

Серебряные дирхемы саманидского типа первым из них отчеканил между 902 и 907 гг. Алмуш, незадолго до того принявший ислам под именем Джа'фар ибн 'Абдаллах (прибытие ко двору этого правителя посольства из Багдада в 922 г. описано участником этих событий Ибн Фадланом).

Наибольшей интенсивностью отличался чекан его сына Микаила ибн Джа'фара (вторая четверть X в.). Единичными экземплярами представлены пока дирхемы 'Абдаллаха ибн

Микаила 336 г.х. (947/948 г.), битые, как и монеты его отца, в городе Булгаре. На дирхемах Талиба ибн Ахмеда 337–347 гг.х. (948/949 – 958/959 гг.) в качестве места выпуска указан Сувар. Дирхемы его предполагаемого брата Мумина ибн Ахмеда чеканились и на суварском, и на булгарском монетном дворе: соответственно в 336 г.х. (976/977 г.) и 376 г.х. (986/987 г). Мумин ибн ал-Хасан упоминается на монетах, битых в Суваре в 366 г.х. (976/977 г.)

Такова вкратце история монетного чекана Волжской Булгарии, как она выглядела до недавнего времени[1]. Лишь года два назад стал известен дирхем еще одного булгарского эмира – 'Абд ар-Рахмана ибн Мумина[2]. Он датирован 387 г.х. (997/998). Появление этого нумизматического памятника более чем на два десятилетия раздвигает хронологические рамки работы эмиссионных центров булгар в Среднем Поволжье.

В зоне притяжения второй важнейшей восточноевропейской магистрали – пути "из варяг в греки" – процесс возникновения местных центров монетной чеканки получил решающий импульс намного позднее. Однако и здесь начало собственным эмиссиям было положено по совокупности признаков, главной из которой следует также признать политическую.

Датировка самых ранних сребреников и златников Владимира Святого концом 980-х годов, т.е. временем сразу после принятия Русью христианства, не вызывает сомнений. Преимущественно прокламативный характер большей части эмиссий древнейших русских монет подтверждается и их малой тиражностью, которая становится вполне очевидной при знакомстве с корпусом нумизматических памятников[3].

При Владимире Святославиче было осуществлено четыре эпизодических выпуска его монет, причем последний произведен незадолго до смерти князя в 1015 г. Серединой и концом 10-х гг. XI в. датируются эмиссии сребреников Святополка Окаянного (в Киеве) и его соперника в борьбе за великокняжеский престол Ярослава Мудрого (в Новгороде)[4].

Внешний вид древнейших русских монет старались по возможности максимально приблизить к византийским иконо-

графическим образцам. Так, например, изображение киевского князя на престоле обнаруживает явную зависимость от аналогичных в византийской торевтике, а в трактовке фигур и ликов святых ориентируется на соответствующие каноны (иногда вплоть до чрезвычайного повторения образцов, в частности, из числа сфрагистических памятников греческого круга). Но вместе с тем древнерусские златники и сребреники всегда несут и свой собственный оригинальный мотив – тамгу Рюриковичей, выступающую в данном случае (равно как и на печатях киевских князей и сидевших по уделам их отпрысков, начиная с середины X в.) и в качестве знака собственности, и в роли государственной эмблемы[5].

Выпуск внуком Ярослава Мудрого – Олегом Святославичем немногочисленных серебряных монет в бытность его тмутараканским князем (1083–1094)[6] остается совершенно изолированным, как в плане хронологическом, так и в территориально-географическом, эпизодом в истории монетной чеканки домонгольской Руси. Очевиден его периферийный характер по отношению ко всей макросистеме торгово-экономических контактов в Восточной Европе того времени.

Примечания и литература

[1] *Фасмер Р.Р.* О монетах Волжских Болгар X века // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1925. Т. XXXIII. Вып. I. С. 29–60; *Янина С.А.* Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1962. № 111. С. 179–204; *Ее же.* Второй Неревский клад куфических монет X в. // МИА. 1963. № 117. С. 291, 292. См. также: *Мухаммадиев А.Г.* Древние монеты Поволжья. Казань, 1990; *Хузин Ф.Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII веков). Казань, 1997. С. 91, 96, 97. Следует отметить, что зарубежные нумизматы-ориенталисты пока слабо осведомлены о нынешнем состоянии изучения этих монет (см.: *Album S.* Checklist of Islamic Coins. 2nd ed. Santa Rosa, 1998. P. 72).

[2] *Молчанов А.А.* О монетном чекане Волжской Булгарр конца X в. (Дирхем ʿАбд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г.х. // Шестая Всероссий-

ская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г. Тез. докл. и сообщ. СПб., 1998. С. 62–65.

[3] Вышло три издания этого корпуса: *Sotnikova M.P., Spasski I.* Russian Coins of the X–XI Centuries A.D. Recent Research and a Corpus in Commemoration of the Millenary of the Earliest Russian Coinage. Oxford, 1982; *Сотникова М.П., Спасский И.Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л., 1983; *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X–XI вв. Каталог и исследование. М., 1995 (здесь фамилия одного из соавторов, тогда уже покойного, снята вторым с обложки и титула книги !).

[4] Хронологическая классификаци златников и сребреников выполнена еще более века назад: Толстой И. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882. С тех пор в нее внесены лишь некоторые коррективы: *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1965. С. 162–170; *Его же*. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970. С. 36–41; *Молчанов А.А.* К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестник МГУ. История. 1973. № 3. С. 72–85; *Его же*. Рец.: Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Л., 1983 // Сов. археология. 1985. № 4. С. 255-259; *Его же*. Рец.: Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. М., 1955 // Рос. археология. 1977. № 3. С. 163–167.

[5] *Молчанов А.А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогат. истор. дисциплины. 1976. Т. VII. С. 69–90; *Его же*. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // ВИД. 1985. Т. XVI. С. 69–81; *Его же*. Знаки Рюриковичей на древнерусских печатях и монетах: последняя четверть века их изучения // Нумизматический сборник (Мос. нум. о-ва). М., 1997. № 5. С. 104–117.

[6] *Молчанов А.А.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // Сов. археология. 1982. № 11. С. 49, 50; *Плотников А.Ю.* Монеты тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича // Нумизматический альманах. 1998. № 1. С. 7–10.

Д.Ю.Арапов

В.В. БАРТОЛЬД О ХОРЕЗМЕ

В трудах выдающегося русского востоковеда академика В.В.Бартольда (1869–1930) немалое место занимало изучение одного из древнейших очагов мировой цивилизации – Хорезма. В различном контексте "Хорезм" упоминается в опубликованных работах Бартольда около 600 раз. Ученый подробно исследовал различные стороны его экономической жизни, основные этапы политического прошлого, роль в международном культурном общении, в первую очередь с Восточной Европой. Можно выделить наиболее существенные черты хорезмийских реалий, отмеченные Бартольдом.

1. *Хорезм – древнейшая историко-культурная область Азии, находящаяся в бассейне Аму-Дарьи.* Бартольд тщательно проанализировал, опираясь на разнообразные восточные и западные письменные источники, историю Хорезма в древности и средневековье. Ученый подчеркивал тесную зависимость жизнедеятельности его населения от состояния ирригационных систем, баланса водных ресурсов, капризов поведения одной из великих рек Азии – Джейхуна, не раз менявшей свое русло (Аму-Дарьинский вопрос).

2. *Хорезм – "особое географическое целое", стремившееся быть отдельным политическим целым.* Бартольд выделял исключительную, по сравнению с другими районами Центральной Азии, самодостаточность Хорезма, его постоянную готовность к политическому обособлению. Ученый иногда рассматривал Туркестан и Хорезм в качестве единого целого (Мавераннахр + Хорезм = Туркестан), весьма же часто он смотрел на Хорезм как на особую страну, отдельный историко-культурный феномен (Хорезм не есть Туркестан). Бартольдом приводились многочисленные свидетельства неуклонного стремления средневекового Хорезма быть в конечном счете

отдельной, насколько возможно самостоятельной "политической единицей".

3. *Хорезм – место встречи оседлого ("цивилизованного") и кочевого ("варварского") миров.* Бартольд был далек от идеализации взаимоотношений между земледельцами и скотоводами в целом, оседлым населением Хорезма и кочевниками в частности. Ученый писал о неоднократных вторжениях кочевых соседей на территорию Хорезма, отмечал их драматические последствия для состояния его хозяйства и культуры. Он обратил внимание, однако, и на другую сторону существования хорезмийского оазиса – своеобразного острова, отделенного от других оседлых районов огромными малонаселенными пространствами. По его мнению, и хорезмийцы, и их кочевые соседи были постоянно взаимозависимо заинтересованы друг в друге: только в Хорезме или вокруг него степь и оазис могли обменяться необходимыми продуктами, товарами и услугами.

4. *Хорезм – особый полиэтнокультурный социум.* В работах Бартольда был показан процесс постепенной тюркизации здесь автохтонного ираноязычного населения, многократного притока туда новых групп тюркоязычных кочевников ("архаизация"). Природно-хозяйственные особенности Хорезма вынуждали находиться рядом друг с другом соседей, не пребывавших в мирных отношениях. Все же даже развернувшаяся в позднем средневековье острейшая, по словам Бартольда, борьба за землю и воду "между узбеками и туркменами, часто выражавшаяся кровавыми событиями, не приводила к мысли о разделении Хорезма".

5. *Хорезм – часть мусульманского мира.* Исламский период истории страны в низовьях Аму-Дарьи отразил общие черты подъема и ослабления мусульманского мира, но имел и свою хорезмийскую специфику. Процесс утверждения ислама в Хорезме был, по оценке Бартольда, весьма непростым, он сопровождался сохранением в жизни хорезмийских традиций. Тем не менее именно Хорезм (наряду с Бухарой) стал, по словам ученого, важнейшим центром продвижения мусульманства на Север, в Восточную Европу.

6. *Хорезм – место пересечения мировых торговых путей, центр международного культурного общения.* Давая оценку роли Хорезма в жизни Евразии, Бартольд писал о том, что она "определяется преимущественно культурным обменом, перенесением начал культуры из одной страны в другую". Значение Хорезма как перекрестка международных караванных путей (в том числе Великого Шелкового пути) было, по мнению Бартольда, особенно важным: через него в древности и средневековье (по крайней мере, до начала XV в.) более высокие культурные ценности южных областей Западной и Восточной Азии распространялись на медленнее развивающийся Север Евразии.

Главное внимание Бартольда – исследователя Средней Азии – было обращено на мусульманскую эпоху в истории Хорезма. Его особенно интересовали содержание и формы контактов страны в низовьях Аму-Дарьи с Восточной Европой. Он выделил несколько этапов в данном историко-культурном процессе, которые во многом определялись как внешними обстоятельствами, так и внутренним положением Хорезма и восточноевропейских государственных образований (Хазария, Волжская Булгария, Золотая Орда, Русь–Россия).

Период VII–XI вв. Как известно, северный отрезок Великого Шелкового пути в древности и раннем средневековье шел через Хорезм, далее через Поволжье и Кавказ в Византию. Кавказ и Средняя Азия выступали в качестве своеобразных культурных ретрансляторов для менее динамично развивавшихся районов Поволжья. По словам Бартольда, хотя географически Кавказ находился ближе к Поволжью и не был отделен от него опасными для торговцев кочевниками, тем не менее на культурную жизнь Поволжья в то время в гораздо большей степени оказывал влияние Туркестан, в первую очередь, ближайшая к Волге область Средней Азии – Хорезм.

Ученым были проанализированы торговые и культурные связи Хазарии и Хорезма, роль хорезмийцев в военной и политической жизни каганата. По мнению Бартольда, Хорезм был отнюдь не в восторге от военных побед над хазарами киевского князя Святослава. В связи с этим ученый писал, что "не

невозможно, что Святослав покинул Поволжье не только под влиянием приглашения, полученного из Византии, но и под влиянием некоторого военного давления со стороны Хорезма".

В раннем средневековье Хорезм, наряду с Бухарой, стал одним из главных центров распространения ислама из Центральной Азии в Восточную Европу. Из свидетельств арабских источников по этому поводу Бартольд придавал особое значение знаменитой "Записке" Ахмеда ибн Фадлана. По его мнению, сам факт отправки посольства халифа ал-Муктадира к царю волжских булгар в 921–922 гг. через Бухару и Хорезм (а не через Кавказ) на Север подтверждал преимущество среднеазиатского пути исламизации Поволжья перед аналогичным движением веры Мухаммеда в Восточную Европу по западному берегу Каспийского моря. Высокий уровень развития экономики и культуры исламского Хорезма того времени дал возможность Бартольду писать о нем как о "древнейшей культурной стране, где мусульманская культура достигла блестящего расцвета задолго до крещения Руси".

Период XII – начала XIII в. был временем высшего могущества Хорезма. По оценке Бартольда, возвышение его в первый и последний раз в ранг великой державы было связано прежде всего с развитием широких международных торговых связей. Столица Хорезма Гургенч был, по словам ученого, местом встречи товаров средневекового Востока и Запада: туда стекались купцы из самых отдаленных районов Евразии, в том числе и Древней Руси. Наибольших пределов хорезмийское государство достигло в начале XIII в. при хорезмшахе Мухаммеде. Под его властью оказались вся Средняя Азия, значительная часть Ирана и Афганистана. Однако, как подчеркивал Бартольд, покоренное население ненавидело и хорезмийцев, и их государя. Против хорезмшаха были настроены знать, купечество и мусульманское духовенство, прежде всего сам багдадский халиф ан-Насир. Все это, по справедливому заключению Бартольда, способствовало быстрому краху хорезмийского великодержавия под ударами войск Чингиз-хана.

Период XIII–XV вв. К середине XIII в. Хорезм оказался поделенным между потомками сыновей Чингиз-хана – Джучи и Чагатая. Его северная часть со столицей Гургенчем вошла в состав Ордынской державы и играла в ней, по мнению Бартольда, особую культурную роль как важнейший источник (наряду с Бухарой) утверждения среднеазиатского ислама и его ценностей в улусе Джучиевом. Бартольд считал, что монгольское завоевание не привело к полному упадку экономики и культуры Средней Азии. По его словам, именно при монголах через Хорезм стал проходить "один из важнейших путей мировой торговли", связывавший Восточную Европу и Восточную Азию (СПб. ФА РАН. Ф. 68. Оп. I. Д. 83. Л.3). Торговому и культурному благополучию Хорезма в то время, по предположению Бартольда, способствовало очередное изменение русла Аму-Дарьи, в XIII–XIV вв. впадавшей в Каспийское море.

Страшным бедствием для Хорезма, по оценке Бартольда, стали нашествия войск Тимура, шесть раз опустошавшего непокорную воле великого завоевателя страну в низовьях Аму-Дарьи. Немалое отрицательное значение сыграли и общие обстоятельства истории мусульманского Востока того времени. Перемещение в результате Великих географических открытий мировых торговых путей с суши на море, резкое падение политической и религиозной стабильности способствовали экономическому и культурному упадку Хорезма, исчезновению его былых блеска и процветания.

Период XVI – начала XX в. Возникшее в начале XVI в. на территории Хорезма Хивинское ханство Бартольд называл "разбойничьим государством". По его словам, население страны росло, не увеличивая производительности труда, резко возросли спрос на труд рабов, постоянные набеги на соседние области, ограбление караванов. Вмешательство ханов Хивы в дела казахов, захват в плен русских для продажи на невольничьих рынках Хорезма привели к столкновению с Россией. Как отмечал Бартольд, усмирение Хивы было крайне трудным. Ему предшествовали гибель экспедиции А.Бековича-Черкасского (1714–1717), неудачи Хивинских походов 1839–1840 гг.

Лишь в 1873 г. в результате военных действий Хива признала свое подчинение России.

Бартольд отнюдь не идеализировал установление зависимости Средней Азии, в том числе Хорезма, от России. Он считал важным подчеркнуть однако, что произошедшие изменения имели и положительные последствия – более быстрое распространение в Туркестане европейских культурных достижений, начало научного изучения края.

Бартольд отчетливо понимал архаизм обветшалого режима Хивинского ханства под протекторатом России. Летом 1917 г. и он счел возможным заявить о том, что после Февральской революции "на очереди встал вопрос о ликвидации последних остатков средневекового деспотизма (т.е. Бухарского и Хивинского ханств. – *Д.А.*) в азиатских владениях России" (СПб. ФА РАН. Ф. 69. Оп. I. Д. 77., Л. I). Бартольд воспринял как закономерность падение монархий и создание в 1920 г. республик в Бухаре и Хиве, но весьма критически оценил политику национально-государственного размежевания в Средней Азии. В 1924 г. ученый писал о том, что "национальный принцип в том виде, как он был проведен в жизнь... совершенно чужд местным историческим традициям. В полном противоречии с этими традициями находится факт уничтожения Хорезма как политической единицы... Политическая обособленность [здесь опирается] на свои совершенно отличные от соседних стран бытовые условия... [Не следует] подвергать факты местной истории искажению или искусственному толкованию". Тогдашнее руководство страны пренебрегло мнением специалистов; известно, к каким последствиям это привело.

Таким образом, анализ Бартольдом содержания и форм контактов Хорезма с Восточной Европой показывает, как выдающийся ученый решал главную задачу, которая стоит перед историком – изучать прошлое, чтобы попытаться понять настоящее и будущее.

Литература

Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963–1977. Т. I–IX.

Бартольд В.В. Хивинское ханство. История // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб., 1903. Т. 73. С.193–194.

Бартольд В.В. Записка по вопросу об исторических взаимоотношениях турецких и иранских народностей Средней Азии (1924) // Курьер Петровской Кунсткамеры РАН. СПб., 1995. Вып. 2–3. С. 53–55.

Буниятов З.М. Государство Хорезмшахов-Анушгегинидов. 1093–1231. М., 1986.

Веселовский Н.И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

Жалменова О.П. Средневековый Хорезм в научном наследии академика В.В. Бартольда. Автореф. канд. дисс. М., 1992.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.,1969.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПб. ФА РАН). Ф. 68 (В.В. Бартольд). Оп.1. Д. 9, 69, 77, 83, 113, 118, 122, 126, 174, 260, 289, 380, 424, 432, 499.

А.В.Гадло

ДАГЕСТАНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ХРОНИКА "ДЕРБЕНД-НАМЕ" КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА VII–X вв.

Дагестанское историческое сочинение (хроника) "Дербенд-наме" известна европейской исторической науке более 250 лет. С середины XIX в. она стала относительно широко использоваться как источник по истории народов Кавказа, прежде всего, по истории войн, ведшихся на Кавказе Арабским халифатом в VII–IX вв. Однако как источник по внутренней истории кавказского региона, и особенно по истории той сложной гетерогенной культуры, которая развивалась на юго-востоке Восточной Европы в период существования Хазарского каганата, она до сих пор используется явно недостаточно, несмотря на

то, что даже поверхностный обзор содержания (без специального филологического анализа текстов) ее учтенных в настоящее время списков показывает, что она сохранила целый ряд сведений, позволяющих дополнить или даже коренным образом пересмотреть некоторые устоявшиеся представления об этнополитической и этнокультурной истории Кавказа вообще и его северо-восточной части в особенности.

"Дербенд-наме" является единственным средневековым историческим произведением, созданным на территории Северного Кавказа, и в этом ее особое историческое и культурное значение. Ее автор, точнее, автор протографа, к которому восходят все известные в настоящее время списки, (более 40, на тюркском-азербайджанском, персидском, арабском, кумыкском, аварском, даргинском, лакском и других языках), Мухаммед Аваби Акташи Эндери, был уроженцем и, вероятно, жителем северодагестанского селения Эндери, расположенного в предстепье (совр. Хасавюртовский район). Выполняя заказ владетеля Эндери, отпрыска претендовавшей на соверенные права над всем Дагестаном династии кумыкских шамхалов Чобан-бека, он на основе южнодагестанской или иранской компилятивной хроники, повествовавшей о распространении ислама на землях Восточного Ирана около 1099 г.х. (1687/1688 г.) составил труд, в котором история проникновения ислама на Кавказ преломлялась сквозь призму местной исторической традиции и местной топонимики. Этот местный колорит произведения эндериевского автора способствовал тому, что в течение XVII–XIX вв. "Дербенд-наме" Мухаммеда Аваби Акташи приобрела необычайно широкую популярность, и одновременно позволил ее переписчикам и переводчикам из разных селений Дагестана относительно свободно обращаться с оригиналом: исправлять, дополнять и комментировать его. Таким образом, "Дербенд-наме" – это не только историко-литературное произведение конца XVII в., но по существу антология местных северодагестанских исторических представлений, осмысленных в контексте общей ближневосточной исторической традиции.

Современные знания о развитии дагестанской исторической литературы X–XVII вв. ("Тарих ал-Баб", "Тарих Дагестан" Мухаммеда Рафи, "Ахты-намэ" и др.) позволяют не без основания предполагать, что при работе над своим произведением эндериевский автор мог использовать какую-то местную хронику или ряд хроник, в которых нашли отражение местные родословные исторические предания отдельных селений и местные топонимические легенды (например, типа "Истории Ирхана", "Истории Абу Муслима"), восходящие к периоду арабо-хазарских войн и хазарского владычества на Северном Кавказе. При этом нельзя не принимать во внимание, что записи местной истории, как известно, велись на территории Хазарского каганата и к X в. в распоряжении верхов Хазарии уже была значительная историческая литература, основанная отчасти на устной традиции. В "Дербенд-наме" вполне отчетливо выявляется блок исторических сюжетов (тем), который может восходить именно к такого рода источнику. Это темы страны/владения Балк/Балх, страны/владения Ихран/Ирхан, области/провинции Гелбах/Килбах, тема пограничных владений Хазарии и собственно тема взаимоотношений Хазарии и "владений", расположенных на территории Северного Кавказа.

Предполагая существование такого источника, мы в то же время должны признать, что его память не уходила глубже 20-х годов VIII в. – времени наиболее активных действий арабов на Кавказе, когда арабскому полководцу Абу Убейду Джарраху удалось прорваться в глубь северокавказской степи. Очень существенно, что хазар этого времени предполагаемый источник совершенно определенно представляет как этнос, чуждый населению не только Горного Дагестана, но и области предгорий, где в это время существуют местные автономные образования – города/владения: Семендер, Анджи, Куйван/Гюйван и др. Этот источник помнил еще о недостаточно инкорпорированной в это время в состав Хазарии стране/владении Балх, расположенной в центральной части Северного Кавказа (вероятно, остатки Великой Булгарии византийских источников), и представлял Ихран/Ирхан (вероятно, об-

ласть распространения аланской культуры, лежащая на запад от Эндери – Аланское царство X–XIII в.) независимым от хазар политическим объединением. Именно Ихран и Балх, по сведениям этого источника, организовали отпор арабам, причем Ихран, оказавшийся во главе антиарабской коалиции, сохранил за собой значительную долю самостоятельности и в дальнейшем, после завершения арабо-хазарских войн.

События, связанные с сокрушительным (по свидетельствам арабо-персидской исторической традиции) разгромом хазар и их северокавказских союзников в 30-е годы VIII в., не нашли, по-видимому, отражения в источнике "Дербенд-наме". Основные сведения о хазарах в нем относятся к концу VIII – началу IX в., времени наивысшего подъема каганата. Источник "Дербенд-наме" вполне определенно сообщает о создании на территории Северного Кавказа в этот период особой административно-военной единицы хазарского государства (так можно реконструировать текст) – Гелбах/Килбак, во главе которой стоял родственник/брат кагана (вероятнее, каган-бека), носивший титул кюльбак (т.е. кюл бег – достопочтенный, высокий князь), включившей не только степь и предгорья, в том числе область Ихрана. Источник помнил о разработке полиметаллических рудников на территории Ихрана и о том, что часть доходов от них шла на содержание хазарского войска, расквартированного в Ихране, но подчиненного кюльбегу, а часть шла сохранявшему остатки автономии правителю Ихрана, помнил об иудейской общине в Ихране и ее взаимоотношениях с правителем Ихрана, наконец, он помнил о ставке кагана (столице Хазарии) в низовье Волги и о летнем кочевье кагана в бассейне р. Кумы (район Моджара).

Более поздний период местной истории автора "Дербенд-наме" интересовал меньше, и поэтому извлечения из местного северокавказского источника прерываются. Заключительные разделы хроники, правда, имеющиеся не во всех списках (версиях), излагают главным образом историю Дербенда IX–X вв., в основу которой, вероятнее всего, было также положено местное, но уже южнодагестанское историческое произведение.

До сих пор хроника "Дербенд-наме" обычно рассматривалась либо в изоляции, либо в контексте местной исторической традиции, развившейся на основе перенесенных в Дагестан ближневосточных культурных образцов, однако выявление в этом памятнике северокавказской исторической литературы древних, уходящих своими корнями в хазарский период тем, дает право рассматривать его как более сложный итог многокомпонентного синтеза. Это источник, возникший в зоне давнего контакта различных культурно-исторических традиций, и в этом его особенность и познавательная ценность.

И.Г.Добродомов

КУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУСИ В ЮЖНОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ

Усиление исламского влияния в Северном Причерноморье в XIII и особенно в XIV вв. (*Бартольд*, 1966) не могло не сказаться на проникновении в русский язык некоторого количества слов из арабского языка – священного языка мусульман. Материалы подобного рода пока еще не собраны и не обобщены, хотя они представят несомненный интерес. В данном докладе обращено внимание на отдельные факты, общая оценка которых пока еще преждевременна, поскольку многие вопросы культурного взаимодействия остаются невыясненными.

В обращении Ивана Грозного к одному из его адресатов, "нашего княжества Литовского дворянину думному и князю Олександру Полубенскому, дуде, пищали, самаре, разладе, нефирю (то все дудино племя)" (Послания. С. 202), В.М. Борисов неожиданно обнаружил два арабских названия музыкальных инструментов: *самара* ← араб. زَمَّارَة *заммара*, "свирель; дудка; флейта; рожок" и нефирь ← араб. نَفِيرٌ *нафир*, "труба,

горн, сигнальный рог", причем последнее слово затрудняло исследователей (*Панченко*. С. 151–154).

В договорных грамотах 1433 г. князя галицкого Юрия Дмитриевича с великим князем Василием Васильевичем в загадочной формуле *два выхода и с распанами* последнее слово *распан(а)* через посредство тюркского языка Золотой Орды с фонетическими чертами, которые есть сейчас в ногайском, казахском языках (переход сочетания *-см-* в *-сп-*), восходит в конечном итоге к арабскому رَسْم *расм*, "пошлина, сбор, налог, плата", которым обозначался, вероятно, какой-то постоянный вид налога в Золотой Орде (*Добродомов*, 1963. С. 83–85).

В написанном ритмической прозой древнерусском сочинении о "злых женах" под названием "Стих о злой траве шихе, како от нея кто побеждается и всего добраго и здесь лишается, а по смерти во ад вселяется, царства небесного лишается, како же рече апостол: прелюбодеи, и блудницы, и пияницы царствия Божия не наследят" на всем его протяжении упоминается загадочная *ших трава*. в том числе в рефрене *то есть ших трава*, которым заканчивается каждый смысловой отрезок (стих), начинающийся в рукописи с новой строки и с киноварной буквы: "Яко магнит железо к себе привлечает, тако и *ших трава* малоумных прельщает... мужа с женою разлучает, то есть *ших трава*". Слово *ших*, которое в "Стихе" символизирует грех, блуд, прельщение, соблазн и т.п., осталось неясным для исследователей.

Это слово может получить приемлемое объяснение, если мы привлечем сюда арабское название полыни شِيح "ших", которое употребляется в арабских текстах в составе перифрастического наименования степей и пустынь [منابت الشيح و القيصوم, буквально "места, где растут *ших* (полынь) и *кайсум;* последнее в "Supplement aux Dictionnaire arabe" Р.Дози (Dozy) тоже определяется как вид полыни "aurone (plant), santoline"]. Аналогичное словоупотребление имело место в хадисе (предании) о тюрках первой половины IX в. у Ибн Са'да в Книге классов (*Китаб ат-табакат*), где предсказывается, что тюрки загонят арабов "в места, где растут [степные травы:] *ших* (полынь) и *кайсум*

الى منا بن الشيح و القيصوم)". При этом уже было обращено внимание, что в тюркско-арабских словарях мамелюкского периода арабскому شيح *ших* соответствует тюркское يو شنا ن *йавшан*, известное нам по половецкой легенде, переданной Ипатьевской летописью под 1201 г., о событиях начала XII в., когда загнанный Владимиром Мономахом на Кавказ в Обезы половецкий вождь Отрок не хотел возвращаться в родную степь, но, понюхав предложенного послом "зелья именем евшанъ", которое пробудило в нем ностальгию и заставило покинуть чужбину, все-таки вернулся на родину (*Зайончковский*. С. 194–201).

Слова *евшанъ* и *ших-трава* являются семантическими дублетами к исконному названию *полынь* (с некоторой вариативностью), несущему символическую семантику горечи, горького вкуса. Тюркизмом *евшанъ* выражалась символика ностальгии степняка в связи с характерным острым горьким запахом самого обычного степного растения. С *шихом-травою* связана символика горечи и греха (о названии полыни, но без указания шиха-травы см.: *Меркулова*. С. 120–123).

Не лишено интереса то обстоятельство, что в темниковском и чистопольском говорах татар-мещеряков в качестве названия полыни употребляется русское слово в форме *палыйн* (Диалектологический словарь. С.333), а к туркам проникло южнославянское слово *pelin*.

Неожиданно у южновеликорусского областного названия однодворцев (потомков детей боярских) *галман* обнаруживаются арабские истоки в связи с ломаным множественным числом غلمان *гилман* (диалектное غلمان *галман*) от غلام *гулам*, "юноша, парень, слуга" (*Добродомов*, 1996. С. 28–31).

Нельзя признать правильным объяснение слова *шарап* как "награбленное добро, военная добыча" в тексте 1655 г.: "А Магомет-Гирей-царю в Крыме долго жить не чаять потому, что иво крымские и ногайские люди, и жиды и арменья не любят за то, что он в Крыме перевел шарап, и питье, и напитки, и завел вновь многие образцы. Текст истолковывается в том смысле, что этот крымский хан якобы "не отвечал главному требованию татарских мурз – удача не сопутствовала ему в войне" (*Санин*.

С. 86, 123, 256). На самом же деле мы имеем здесь дело с арабским словом شَرَاب *шараб* "вино", и недовольство "в Крыме" было вызвано антиалкогольными мероприятиями хана.

Литература

Бартольд В.В. Сочинения. М. 1966. Т. VI. М., 1966 <Ислам на Черном море>.

Диалектологический словарь татарского языка. Казань. 1969.

Добродомов. 1963 – *Добродомов И.Г.* Из заметок о гапаксах // Русский филологический вестник. М., 1963. Т. 81. № 2.

Добродомов 1996 – *Добродомов И.Г.* Судьба южновеликорусского областного слова *гальман* // Проблемы славянской филологии. Самара. 1996.

Зайончковский А. Старейшие арабские хадисы о тюрках (VIII–XIII вв.) // Тюркологический сборник к шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966.

Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.. 1967.

Панченко А.М. "Дудино племя" в послании Ивана Грозного князю Полубенскому // Культурное наследие Древней Руси. (Истоки, становление, традиции). Л., 1976.

Послания Ивана Грозного. М. –Л., 1951.

Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством до середины XVII века. М., 1987.

И.В.Ведюшкина

НАЗВАНИЯ СТОРОН ГОРИЗОНТА В ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКОМ ВВЕДЕНИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ЕГО ИСТОЧНИКАХ

Названия сторон горизонта играют значительно более заметную роль в этногеографическом введении ПВЛ, чем в его византийских источниках, как выявленных, так и предполагаемых. Увеличение удельного веса этого элемента повествования

возросло за счет того, что в ПВЛ стороны горизонта были использованы составителем введения в том же качестве, в каком в пространных раннехристианских и византийских преданиях о разделении земли сыновьями Ноя выступали обозначения общих границ наследственных частей Сима, Хама и Иафета.

В предшествующей ПВЛ традиции такие обозначения общих границ состояли из названий пограничных территорий, городов, рек, иногда и островов, а также указаний на занимаемые данным потомком Ноя стороны горизонта. В самых значительных по объему экскурсах о разделении земли (у Ипполита Римского, в Пасхальной хронике, у Георгия Синкелла) обозначения границ с небольшими редакционными изменениями повторялись в среднем по 3–4 раза в описании каждой из наследственных частей, структурируя остальной материал и обрамляя перечни земель, народов, островов, рек (см., например, наш перевод со-ответствующего фрагмента Ипполита: *Ведюшкина*. С. 92–100).

Именно описания общих границ владений Сима, Хама и Иафета, содержащие указания и на стороны горизонта, не удовлетворили составителя вводной части ПВЛ в его основном источнике – славянском переводе Амартола – и он обратился к другому источнику: предположительно – к славянскому Малале или включившему его хронографу (*Шахматов*.С.41–44, 72–73).

В славянском Амартоле, как и в его греческом оригинале, общие границы были даны "единым блоком", до перечней стран каждого из сыновей Ноя: "Наследьствуеть же первенець сынъ Ноевъ Симъ от Персиды и Вакторономъ доже и до Индия и Ринокоторою къ въстоку прилежащемъ, Хамови же от Ринокотоурою доже и до Гадира [прилежащемъ] къ оугоу, Афетови же от Мидия доже и до Гадира прилежащемъ къ въстокоу" (*Истрин*, 1920. С. 58.24–28). Очевидно, что компилятора не устроила композиция этого фрагмента Амартола: для его целей предпочтительнее было дать обозначения границ непосредственно перед каждым перечнем стран сыновей Ноя. К такой композиционной перекройке его, возможно, побуждала и предположенная нами ориентация на более пространные, чем у

Амартола, экскурсы о разделении земли (*Ведюшкина*. С.12–14). Не исключено также, что перекомпоновка была необходима и для последующего включения в состав Иафетовой части новой терминологии и новых разделов.

Но есть еще одна причина, которая кажется если не более важной, то, по крайней мере, достаточно очевидной: в славянском переводе Амартола в результате перевода греческого τὰ πρὸς βορρᾶν (здесь и далее в оргинале даем только отдельные термины, цитаты из греческих источников приводим в нашем переводе) как "къ въстокоу" возникла ситуация, когда и владения Сима, и владения Иафета оказались на востоке, что, видимо, не подходило для составителя ПВЛ по смыслу.

Лексическая вариативность при передаче славянскими переводчиками греческих названий сторон горизонта заслуживает специального исследования. Здесь отметим лишь, что в славянском Амартоле греческое βορρᾶ и его производные может передаваться как словом "въстокъ" и его дериватами, так и словами "северъ" или "полоунощь".

Какими именно данными контекста руководствовался переводчик при выборе того или другого варианта лексического эквивалента греческих названий сторон горизонта, не всегда можно определить с достаточной степенью уверенности. Даже в пределах такого небольшого фрагмента славянского Амартола, как этногеографический экскурс (правда, насыщенного географической терминологией), перевод βορρᾶ как "въстокъ" встречается неоднократно: при перечислении стран Хама в греческом тексте перед перечнем владений Хама в Малой Азии есть фраза: "в [землях] же на севере (κατὰ βορρᾶν) у моря имеет..." (GM. P. 56.2–3). В славянском переводе этому соответствует: "соущимъ же къ въстокоу има" (*Истрин*, 1920. С. 59.6–7), т.е. при переводе опущено "у моря", а κατὰ βορρᾶν переведено как "къ въстокоу". О пропуске можно предположить, что он случаен и восходит к греческому протографу славянского Амартола. Что же касается причин применения термина "въстокъ" по отношению к Малоазийским владениям Хама, то здесь можно предложить вариант объяснения. Малая Азия расположена "на

севере у моря" лишь по отношению к основному массиву владений Хама в Африке.

Именно так обозначалось расположение этих земель в раннехристианской традиции пространных экскурсов о разделении земли начиная по крайней мере с Ипполита Римского. Греческий текст Амартола передает эту традицию сокращенной, но названия сторон горизонта оставляет без изменений. Однако, во всех других фрагментах Амартола, где речь идет о перечисленных в рассматриваемом тексте малоазийских провинциях (как и вообще в византийской практике), они регулярно именуются "востоком" (через греч. ἀνατολή и ἑῴα). Именно знания о реальной топографии восточных провинций империи и могли в данном случае побудить славянского переводчика Амартола перевести κατὰ βορρᾶν как "къ въстокоу". У летописца же такое определение расположения малоазийских владений Хама не вызвало никаких возражений, благодаря чему фрагмент и попал в ПВЛ из славянского Амартола без всяких изменений.

Другое дело – определение расположения наследственной части Иафета. Можно было бы предположить, что здесь славянский переводчик Амартола перевел τὰ πρὸς βορρᾶν как "къ въстокоу" по аналогии с определением расположения Малоазийских владений Хама, но возможность такого объяснения несколько осложняется тем, что фрагмент о наследственной части Иафета расположен в тексте раньше перечня стран Хама. Кроме того, всего двумя строчками выше обозначения границ Иафетовых владений, как мы уже видели, при переводе общих границ владений Сима тем же славянским "къ въстокоу" было передано греческое τὰ πρὸς ἀνατολὴν.

На наш взгляд, для того, чтобы в одном описании общих границ разные греческие названия сторон горизонта передать одним и тем же славянским эквивалентом, переводчику нужны были более веские основания, чем простая аналогия с малоазийскими владениями Хама. Это предположение косвенно подтверждается тем обстоятельством, что во всех других фрагментах Амартола, не входящих в состав экскурса о разде-

лении земли, где греческое βορρᾶ переведено славянским "въстокъ", названий других сторон горизонта попросту нет (таких отрывков три и в них интересующий нас термин употреблен четыре раза). В тех же двух случаях, когда перевод соответствует традиционной семантике греческого βορρᾶ в содержащих его фразах есть названия других сторон горизонта.

Так или иначе, но для древнерусских книжников, составлявших на основе славянского перевода Амартола свой вариант предания о разделении земли сыновьями Ноя, размещение наследственной части Иафета на востоке, там же, где и части Сима, оказалось совершенно неприемлемым.

Возможно, что это и была одна из причин того, что при редактировании этногеографического экскурса древнерусский книжник не просто разбил единый пассаж с обозначениями общих границ из Амартола на три части, а полностью заменил его, воспользовавшись другим источником.

Этот источник также не удается установить точно. По предположению А.А.Шахматова, это был древнерусский компилятивный хронограф, использовавший славянский перевод "Хронографии" Иоанна Малалы (*Шахматов*, 1940. С. 72–73). Предположение это подтверждается сопоставлением текстов лишь отчасти: далеко не все чтения, появившиеся во вводной части ПВЛ благодаря частичной выборочной замене текста славянского Амартола, объясняются соответствующими фрагментами Малалы, полного совпадения нет. Кроме того, сопоставлять приходится с греческим текстом, поскольку в славянском переводе этот фрагмент Малалы известен лишь в сокращенном пересказе Софийского хронографа, где большинства чтений нет (*Творогов*. С. 195).

Наибольшее сходство с текстом Малалы введение ПВЛ обнаруживает в описании общих границ наследственной части Сима, хотя и здесь нет полного соответствия: "...Яся въстокъ Симови. Перьсида, Ватрь, доже и до Иньдикия в долготу и в широту. И до Нирокурия, яко же рещи от въстока доже и до полуденья, и Сурия, и Мидиа, и Ефратъ реку..." (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 2–3).

В этом отрывке первая фраза "...яся въстокъ Симови..." не имеет аналога в известных нам византийских и раннехристианских преданиях о разделении земли: там обозначения общих границ, как правило, не начинались с указания на сторону горизонта. Фраза, по-видимому, принадлежит древнерусскому редактору, стоявшему перед необходимостью совместить тексты нескольких источников методом мозаичной компиляции. Это было сделано при помощи повтора названия стороны горизонта. В результате в кратком обозначении границ наследственной части Сима причитающаяся ему сторона горизонта оказалась указана дважды (но по-разному): "...яся въстокъ Симови..." и "яко же рещи от въстока доже и до полуднья...". Такой повтор не показался древнерусскому книжнику излишним, что само по себе еще ни о чем не говорит, но в сопоставлении с другими фрагментами может помочь выяснить его отношение к распределению владений сыновей Ноя по сторонам горизонта.

Славянский сокращенный вариант этногеографического экскурса Малалы в версии Софийского хронографа ничем не может нам помочь при исследовании соответствующего отрывка ПВЛ по причине своей излишней краткости: "...Разделишася на три колена по земли, и бысть Симови от въстока часть до полудения и Сирия и Мидия и река Ефраф" (*Творогов*. С. 195). Правда, и в данном случае, как в ПВЛ, в результате сокращения упоминание о востоке оказалось в самом начале описания наследственной части Сима. Но здесь оно находится во фразе "...от въстока часть до полудения ...", аналог которой в ПВЛ тоже есть, в соответствующем ему (согласно греческому Малале) месте, поэтому мы не можем связать вынесение стороны горизонта в ПВЛ в начало описания части Сима с простым сокращением текста, подобным тому, которое произведено в Софийском хронографе.

В греческом тексте Малалы обозначение границ наследственной части Сима действительно ближе всего к рассматриваемому фрагменту ПВЛ из всех известных нам описаний Симовой части в византийских источниках: "И взяло колено Симово от Персии и Бактрии до Индии в долготу и в широту до

Ринокорура, то есть от востока до части полуденной..." (*Истрин*, 1994. С. 23).

И в греческом, и в славянском Амартоле при описании наследственной части Сима Персия и Бактрия упомянуты дважды: при обозначении общих границ и в перечне стран Сима. В ПВЛ такого повтора нет: дав близкое к Малале описание общих границ, включающее Персию и Бактрию, древнерусский книжник переходит к перечню Симовых стран по Амартолу, выпустив при этом три первых названия – Персия, Бактрия, Гиркания – и избежав таким образом повторов. Опускается и стоящий у Амартола в конце перечня Евфрат, так как он уже назван в обозначении границ по другому источнику. Таким образом, единственным повтором, возникшим в результате составления мозаичной компиляции при описании наследственной части Сима в ПВЛ, оказывается название стороны горизонта, в которой эта наследственная часть находится. Почти все остальные дублирующие друг друга сведения разных источников были компилятором удалены со всей тщательностью, присущей внимательному и вдумчивому редактору. Мы видим, таким образом, что повтор названия стороны горизонта, был вызван, скорее всего, не оплошностью, а большой значимостью именно этой детали описания для древнерусского книжника.

В результате совмещения различных источников при описании наследственной части Сима возник еще один повтор, но уже не внутри Симовой части, а между частями Сима и Иафета. Речь идет о Мидии, которая оказалась и среди стран Сима, и среди стран Иафета, причем в обоих случаях в начале перечней. Но не будем спешить с обвинениями в небрежности, в механическом воспроизведении перечней, не имеющих (будто бы) для древнерусского книжника реального политического и географического смысла. Рассмотрим упоминания Мидии и мидийцев в этногеографических экскурсах византийских источников ПВЛ и в более ранней традиции.

В греческом и славянском Амартоле Мидия упомянута дважды, но оба раза в части Иафета: в обозначении границ и в перечне стран.

В греческом Малале этот топоним встречается трижды: среди стран Сима, как граница владений Иафета и в определении Тигра как реки, разделяющей Мидию и Вавилонию.

В наиболее пространном варианте экскурса – у Ипполита – Мидия и мидийцы упомянуты 14 раз, из них 10 раз – в перечнях и обозначениях общих границ, относящихся к наследственной части Иафета. Такая встречаемость связана с упоминанием этих названий во всех перечнях – "генеалогии народов" Иафета, народов, населяющих его наследственную часть, иафетитов, овладевших письменностью, с включенностью Мидии почти во все обозначения общих границ наследственной части Иафета, а также с тем, что и "река Иафета" – Тигр – в ряде случаев сопровождается устойчивым определением: "разделяющая Мидию и Вавилонию".Дважды мидийцы у Ипполита оказались в перечнях наследственной части Сима: среди народов, населяющих часть Сима, и среди семитов, овладевших письменностью (в "генеалогии народов" Сима их нет). В перечне 72-х народов мидийцы на 4-ом месте между халдеями и персами (такое же окружение у них, но в другом порядке, и в списке грамотных семитов). Во фрагменте о колониях "неизвестных" народов, упомянуто, что персы и мидийцы имеют общих "колонистов".

Мы видим, таким образом, что повтор, кажущийся в ПВЛ ошибкой невнимательного компилятора, имеет глубокие корни как в одном из предполагаемых источников ПВЛ (Малале), так и (в еще большей степени) в первоначальной традиции пространных преданий о разделении земли сыновьями Ноя.

В обозначении общих границ расположения Хамовой части в ПВЛ все наметившиеся тенденции проявились еще рельефнее, а расхождения не только с Амартолом (текст которого заменяется), но и с доступными нам вариантами греческого и славянского текстов Малалы еще заметнее.

Вот как выглядит рассматриваемый фрагмент в ПВЛ: "Хамови же яся полуденьная страна" (ЛЛ); "Хамови же яся полуденья часть" (ИЛ) (в ЛЛ "страна" только в Лаврентьевском; Троицкий, Радзивилловский и Академический списки дают разночтение "часть", которому, принимая во внимание такое же

чтение ИЛ – без разночтений, видимо, следует отдать предпочтение. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 2; Т. 2. Стб. 3). Итак, в ПВЛ обозначение общих границ Хамовой части свелось к указанию на сторону горизонта. Далее следует список стран Хама по Амартолу, с характерными для хорошо нам известного славянского перевода Амартола чтениями: "...и дроугая Эфиопия, из неяже исходить река Эфиопьская Чермьна, текоущи на въстокъ...",– вместо греческого "...Другая Эфиопия, из которой вытекает река Эфиопов, Эритра, тянущаяся на восток..." (GM. 55.20–21).

Обозначение границ Хамовой части не сходится в ПВЛ и с Малалой. Вот, что мы имеем в опубликованных греческих эксцерптах первой книги Малалы: "Колено же Хама, второго сына Ноя, взяло от Ринокорура Египетского (все), тянущееся к югу до части западной..." (*Истрин*, 1994. С. 23). В кратком пересказе Софийского хронографа это выглядит так: "А Хамови зрящи на юг даже до западныя части" (*Творогов*. С. 195). Как видим, и в Софийском хронографе переработка греческого оригинала ведет к резкому возрастанию роли названий сторон горизонта за счет сокращения всех остальных значимых частей.

Если бы мы решились и далее настаивать на предположении об использовании текста Малалы при обозначении общих границ Хамовой части в ПВЛ, нам пришлось бы сделать по крайней мере два серьезных допущения:

1) что в ПВЛ дальнейшему сокращению подверглись не только топонимы, но и названия сторон горизонта, благодаря чему из обозначения общих границ Хамовой части исчезло соответствие греческому "...до части западной...";

2) что в ПВЛ эквивалентом греческого νότος служит славянское "полоудьнь".

Оба допущения наталкиваются на некоторые препятствия. Во-первых, как мы уже видели, составитель введения ПВЛ (или его источник) склонен сокращать в экскурсах о разделении земли все что угодно, но только не стороны горизонта. Во-вторых, в известных нам случаях славянское "полоудьнь" служит эквивалентом греческих μεσημβρία и λίψ, а для νοτος эквивалентом является славянское "оугъ". Хотя вариативность

"оугъ"/"полоудьнъ" для νότος и представляется семантически более оправданной, чем "въстокъ"/"северъ" для βορρά, но в известных нам славянских переводах она не встречается.

Таким образом, ни Амартол, ни Малала (причем оба и в славянском, и в греческом вариантах) не дают полного соответствия чтениям ПВЛ при обозначении общих границ наследственной части Хама. Такое расхождение можно объяснить либо использованием другого источника, либо вольным обращением компилятора с текстами Малалы и Амартола.

Обозначение общих границ Иафетовой части (перед списком земель Иафета по Амартолу) в ПВЛ предельно кратко и, также как и в случае с наследственной частью Хама, сводится к названиям доставшихся Иафету сторон горизонта: "...[А]фету же яшася полунощные страны и западныя..." (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 3).

В греческом Малале границы наследственной части Иафета обозначены следующим образом: "...Колено же Иафета, третьего сына Ноя, получило [земли] от Мидии на север (ἐπὶ τὴν ἄρκτον) до Британских островов и все [народы около] Понтийского [моря] до части западной (ἕως τοῦ μέρους τῆς δύσεως)..." (*Истрин*, 1994. С. 23).

Даже если древнерусский книжник воспользовался в ПВЛ сокращением этого фрагмента, он его получил не из источника, подобного Софийскому хронографу, где вся Иафетова часть описана следующим образом: "...Афефови же от Мидиа на полнощ даже и до Понтискаго моря..." (*Творогов*. С. 195).

Как видим, ἐπὶ τὴν ἄρκτον в Софийском переведено "на полнощь", а не "на северъ" (или "на въстокъ" или еще как-нибудь), но на этом сходство с ПВЛ и заканчивается: "западъ" не только не поставлен в пару к "полоунощи", его вообще нет. Так что вновь мы сталкиваемся либо с основательным редактированием, либо с использованием другого источника, что в любом случае свидетельствует о тщательности, неслучайности и вообще повышенном внимании именно к этому компоненту описания.

Таким образом, в экскурсе о разделении земли сыновьями Ноя в составе ПВЛ общие обозначения границ наследственных частей Сима, Хама и Иафета текстологически полностью не совпадают ни с Амартолом, ни с Малалой, ни с каким-либо иным известным нам византийским источником. При этом обозначение границ наследственной части Сима проявляет наибольшее сходство с описанием Симовой части у Малалы, используя его почти целиком (а не только обозначение общих границ). Что же касается пределов Хама и Иафета, то они до перечней стран (проявляющих явное сходство с соответствующими фрагментами славянского перевода Амартола) обозначены лишь при помощи названия доставшейся им стороны горизонта, которое даже у Малалы, при всей краткости его варианта предания о разделении земли, составляет лишь часть общего обозначения границ. Очевидно, что для описания общих границ наследственных частей Хама и Иафета Малала мог быть в лучшем случае источником информации – текстологических совпадений нет.

Вводная часть ПВЛ содержит пять "перекрестных ссылок" на взаимное расположение наследственных частей сыновей Ноя: три в описании Иафетовой части и две в описании речных путей Восточной Европы. Первая из них завершает перечень рек и гор Причерноморья и Восточной Европы и относится к Волге "...яже идеть на востокъ в часть Симову...". Вторая помещена после перечня народов, "сидящих" в Иафетовой части, включающего, помимо руси, неславянские народы Восточной Европы и относится (во всяком случае, по расположению) к варягам: "...по сему же морю седять Варязи семо ко въстоку до предела Симова...". Третья завершает перечень народов "Иафетова колена", включающий западноевропейские народы: "...и прочии доже приседять от запада къ полуденью (из Радзивилловского и Академического списков; далее чтения из этих списков даем в круглых скобках без дополнительных оговорок. – *И.В.*) и съседяться съ племянемъ Хамовым..." (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 4). Две последние "ссылки" подытоживают фрагмент об "Оковьском лесе": "...темже из Руси можеть ити

(по Волзе) в Болгары и въ Хвалисы и (на) въстокъ доити въ жребии Симовъ. А по Двине въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима (же и) до племени Хамова..." (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 7).

Нетрудно заметить, что четыре из пяти "ссылок" состоят из указания на наследственную часть Сима или Хама и названия той стороны горизонта, которая досталась каждому из них. Кроме того, все "ссылки" относятся к крупным блокам новой информации, включаемой в традиционную схему преданий о разделении земли, и призваны связать воедино архаичную и актуальную топо- и этнонимию.

Таким образом, комментировать этот элемент повествования следует, на наш взгляд, исходя из его предназначения соединить библейских персонажей с восточноевропейскими реалиями через такой "вневременной" и политически (и этнически) нейтральный параметр, как название стороны горизонта. Поэтому Волга течет на восток не только потому, что основной вектор ее течения (по крайней мере, до Казани) действительно восточный, и даже не исключительно потому, что она изначально соединяла Русь со странами Востока, а еще и потому, что это хороший повод связать название оживленной речной магистрали с именем Сима.

Еще сильнее подобная мотивация в информации о направлении расселения варягов. И совсем трудно без нее объяснить, почему во вводной части ПВЛ Тигру вдруг пришлось течь "до Понетьского моря, на полънощныя страны" (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 3). Географическую экстравагантность этого известия не оправдывают, а скорее подчеркивают совершенно справедливые предположения о соединении в этой фразе нескольких источников (*Шахматов*. С.73). И лишь допустив, что такая "система ориентации" нужна была только для того, чтобы перейти от составленного по славянскому Амартолу перечня стран, островов и рек Иафета к актуальному перечню рек и гор Причерноморья и Восточной Европы, мы получим непротиворечивое объяснение "историческому повороту" Тигра к Черному морю и северным странам.

Литература

Ведюшкина И.В. Этногеографическое введение "Повести временных лет": особенности композиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т.Пашуто. Тезисы докладов. М., 1993. С. 12–14; Фрагмент о разделении земли сыновьями Ноя в "Хронике" Ипполита Римского (перевод) // Там же. С. 92–100.

ИЛ – Ипатьевская летопись.

Истрин, 1920. – *Истрин В.М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Пг.

Истрин, 1994. – *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В.М.Истрина. Подг. изд., вступ. ст. и приложения М.И.Черныше вой. М.

ЛЛ – Лаврентьевская летопись.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. М. 1997 (репр. изд. 1926–1928 гг. с доп.); Т. 2. М. 1998 (репр. изд. 1908 г. с доп.).

Творогов О.В. Материалы к истории русских хронографов. 2. Софийский хронограф и "Хроника" Иоанна Малалы // ТОДРЛ, 1983. Т. 37.

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.

Шахматов А.А. "Повесть временных лет" и ее источники // ТОДРЛ, 1940. Т. 4.

GM – Georgii Monachi Chronicon / C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart. 1978.

Т.В. Гимон

ОТРАЖЕНИЕ В НОВГОРОДСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XII–XIII вв. НЕНОВГОРОДСКИХ СОБЫТИЙ

Вопрос о закономерностях в отборе древнерусскими летописцами событий для занесения в летописи практически не исследован (исключение составляет статья О.Р.Квиркве лия). В настоящей работе предпринимается попытка исследования комплекса известий Новгородской первой летописи (далее – НІ) за

6623–6781 (1115–1273) гг. о событиях, имевших место за пределами Новгорода и Новгородской земли.

В основе текста Н1 за XII–XIII вв. лежит летопись, ведшаяся при дворе новгородских (архи)епископов – новгородская владычная летопись. Летопись эта велась из года в год, и, следовательно, ведшие ее летописцы всегда были современниками описываемых ими событий.

К новгородской владычной летописи восходят все известия, читающиеся в обоих изводах Н1. Что касается уникальных известий Н1 младшего извода, сообщающих о неновгородских событиях (под 6730, 6754 и 6759 гг.), то они, по всей вероятности, отсутствовали в тексте владычной летописи и в настоящей работе не рассматриваются. Не рассматриваются в ней и тексты, читавшиеся во владычной летописи, но включенные в нее (в ходе пополнения летописи или на вставных листах) из источников неновгородского происхождения (группа кратких известий в статьях 6711–6712 гг.; обширные повести в статьях 6712, 6726, 6732 гг.). Я не рассматриваю, естественно, и те случаи, когда новгородский летописец фиксировал какие-либо неновгородские события в составе известий или рассказов, касающихся Новгорода или новгородцев. Появление в летописи такого рода сообщений о неновгородских делах объясняется интересом летописца к родному городу, а не к другим центрам.

С учетом этих ограничений к сообщениям новгородской владычной летописи о неновгородских событиях можно отнести:

1. Пять сообщений о судьбе киевской митрополии;

2. Многочисленные известия о событиях, так или иначе связанных с княжеской властью в других древнерусских землях (перемены на княжеских столах, кончины князей и княгинь, военные события, междукняжеские отношения, поездки князей в Орду);

3. Сообщение об обвале церкви св. Михаила в Переяславле-Русском (6631);

4. Известие о закладке церкви св. Бориса и Глеба на Смядыни (Смоленск, 6653);

5. Известие о завоевании татарами Волжской Булгарии (6744);

6. Два известия статьи 6766 г. о военных событиях, связанных с Литвой;

7. Сообщения о внутренних событиях в Литве (в статьях 6771 и 6773 гг.).

Известия об обвале переяславской церкви, о строительстве храма Бориса и Глеба на Смядыни и о завоевании Волжской Булгарии – единственные в своем роде и не могут быть рассмотрены в рамках каких-либо рядов. Известия статьи 6766 г. о военных событиях тесно связаны с сообщением той же статьи о походе литовцев на территорию Новгородской земли.

Группа сообщений о Литве в статьях 6771 и 6773 гг. также совершенно уникальна. О Литве и литовцах на протяжении XIII в. в Н1 говорится часто, но каждый раз – в связи с военными столкновениями новгородцев с этим народом. Только в статьях 6771 и 6773 гг. имеются рассказы о внутренних событиях в Литве. Вместе с известиями статьи 6774 г. о вокняжении во Пскове Довмонта и его походах на Литву сообщения 6771 и 6773 гг. образуют компактную группу известий о псковско-литовских делах, не находящую себе аналогий на протяжении рассматриваемого текста. Возможно, статьи 6771–6773 гг. были написаны единовременно и с практической целью – в качестве обоснования новгородской позиции в конфликте с князем Ярославом Ярославичем по поводу отношений с Псковом (Н1 рассказывает об этом конфликте под 6774–6775 гг.).

Известия о киевской митрополии читаются в Н1 под 6667, 6674, 6675, 6741 и 6745 гг. Это сообщения о смерти митрополитов и о прибытии на Русь их преемников. Из 13 имевших место в период с 1115 по 1173 г. перемен на митрополичьей кафедре Н1 зафиксировала лишь три. Единственная закономерность в их распределении, которую удалось обнаружить, – это то, что Н1 сообщала о переменах киевских митрополитов только в тех случаях, когда они происходили в ближайшие несколько лет после рукоположения какого-либо из новгородских владык. Неясно, чем объясняется такая закономерность.

Что касается сообщений Н1 за рассматриваемый период о "политических" событиях, то среди них прежде всего бросается в глаза интенсивный поток сообщений о переменах на киевском великокняжеском столе в тексте за XII в. Последнее известие этого потока читается под 6682 (1174) г. [иногда Н1 сообщает не непосредственно о смене киевского князя, а о военном столкновении, которое, как мы знаем из других летописей, привело к перемене киевского князя (6659, 6668 гг.)].

Чем объяснить прекращение рассматриваемого потока после 6682 г., связать которое со сменой ведшего новгородскую владычную летопись летописца или с иными данными по истории текста Н1 не представляется возможным?

Под 6679 (1171) г. Н1 сообщает об уходе из Новгорода Рюрика Ростиславича и о приглашении новгородцами сына Андрея Боголюбского Юрия. В начале следующего года Юрий стал новгородским князем. Если до этого момента выходцы из Северо-Восточной Руси в Новгороде княжили лишь изредка, то после 1171 г. в течение длительного времени, до 6718 (1210) г., новгородский стол занимали почти исключительно представители суздальского княжеского дома. Можно предположить, что прочное закрепление в Новгороде суздальской ветви Рюриковичей повлекло за собой утрату новгородским летописанием интереса к Южной Руси и к судьбе киевского княжения.

Поток сообщений о переменах на Киевском столе заканчивается в Н1 в статье 6682, а не 6680 г., хотя в 6680–6682 гг. фиксация уже не является полной. Не исключено, что такая "задержка" в переориентации новгородского летописца объясняется активной южнорусской политикой Андрея Боголюбского, убитого в 6682 (1174) г., провоцировавшей продолжение (пусть и не систематическое) фиксации перемен на киевском княжении. Как бы то ни было, налицо примерное совпадение по времени между прочным утверждением на новгородском столе представителей Северо-Восточной Руси и прекращением фиксации новгородским летописцем перемен на киевском столе.

Кроме рассмотренного потока, в тексте Н1 за 6623–6682 гг. читается ряд единичных известий о южнорусских со-

бытиях (6642, 6655, 6659, 6675, 6678) и одно – о кончине полоцкого князя (6636).

Корреляция между судьбой новгородского княжения и интересами новгородских летописцев прослеживается и в дальнейшем. Как уже говорилось, в 6680–6718 (1172–1210) гг. новгородский стол занимали почти исключительно представители Суздальской земли. В тексте Н1 за эти годы читаются известие о походе Всеволода Юрьевича на Волжскую Булгарию (6691) и сообщение о кончине жены Всеволода (6713) г. (Известия 6682–6685 и 6703 гг. о суздальских событиях тесно связаны с новгородскими делами). Чрезвычайно характерно, что на время непродолжительного княжения в Новгороде представителя смоленского княжеского дома (6692–6695 гг.) приходится известие о мятеже в Смоленске (6694 г.).

В период между 6718 (1210) г. и нашествием Батыя в новгородской летописи читаются только единичные известия о неновгородских событиях (под 6727 и 6743 гг. – о южнорусских событиях, под 6740 г. – о захвате Святославом Мстиславичем Смоленска), что может свидетельствовать об общем ослаблении в этот период политических связей Новгорода с другими русскими землями.

В тексте за 6746–6781 (1238–1273) гг. в Н1 читаются сообщения исключительно о поездках владимирских князей в Орду и об их кончинах. Эти известия касаются только тех князей, которые одновременно занимали новгородский стол. Иначе говоря, новгородская летопись интересуется этими князьями не как владимирскими, а как новгородскими.

Таким образом, ведшаяся в Новгороде в XII – XIII вв. при владычном дворе летопись фиксировала происходившие за пределами Новгородской земли события в основном в тех случаях, когда эти события имели какое-то значение для Новгорода, то есть были в известной степени "новгородскими". Лишь несколько единичных известий Н1 о неновгородских событиях не находят себе подобного объяснения, что однако, не меняет общей картины. Новгородская владычная летопись за 1115–1273 гг. – летопись *местная* в полном смысле этого слова, ее

интерес к неновгородским событиям всегда или почти всегда объясняется значением этих событий для Новгорода.

Литература

Квирквелия О.Р. Методика анализа системы умолчания Новгородской I летописи // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 83–97.

М.В.Рождественская

АПОКРИФИЧЕСКОЕ "СКАЗАНИЕ О ДВЕНАДЦАТИ ПЯТНИЦАХ" (МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕЕЙ И ЛИТЕРАТУРНЫМ СЮЖЕТОМ)

Памятники апокрифической византийской письменности, хлынувшие на Русь в потоке южнославянских переводов, вводили восточных славян в соприкосновение с общими вопросами, волновавшими весь христианский мир, неизбежно сталкивавшийся с мирами иных религий и культур. Литература, как таковая, превращалась в сферу контактов между ними, которая во многом определила развитие идей, образного языка и жанровых форм древнерусской словесно-риторической культуры.

В новейшей научной литературе, в особенности посвященной хазарско-славянским отношениям (см., например, работы А.А.Архипова, 1995, В.Я.Петрухина и Д.С.Раевского), специально затрагивается вопрос о выборе веры в связи с принятием Русью христианства и этноконфессиональной ситуацией на территории Восточной Европы в конце X в. Мы рассматриваем сюжет “прения о вере” как устойчивый литературный топос на конкретном литературном материале – византийском апокрифическом “Сказании о двенадцати пятницах”, переведенном с греческого у южных славян и известного славяно-русской рукописной традиции с начала XIV в.

Одним из наиболее ранних списков считается сербский по происхождению, из собрания Белградской Национальной библиотеки, опубликованный Ст.Новаковичем в 1872 г. В других списках XV–XIX вв. текст "Сказания" известен под названиями "Слово о сказании...", "Обретение...", "Слово Климента, папы Римского..." и т.д.

Специальное текстологическое изучение этого апокрифа не проводилось. Тем не менее он становится предметом исследовательского внимания этнографов, искусствоведов, фольклористов в связи с изучением народного почитания св. Параскевы Пятницы (связь ее культа со "Сказанием" отмечалась уже А.Н.Веселовским). Знакомство с рукописной традицией "Сказания о двенадцати пятницах" позволяет, вслед за А.Н.Веселовским (1876), говорить о двух разных редакциях памятника, одну из которых ученый обозначил как "Элевтериеву", по имени христианского богослова, вступившего в конфессиональный спор с иудейским философом Тарасием, а другую – как "Климентову", по упоминанию в тексте и приписыванию этого текста Клименту, папе Римскому. "Климентова" редакция, в свою очередь, распадается на варианты А и Б. "Элевтериева" редакция известна лишь в славянорусских списках, тогда как "Климентова" – в славянских и западноевропейских.

Текст "Сказания о двенадцати пятницах" пережил сложную литературную историю, о чем свидетельствует наличие смысловых лакун, неясных фраз, "темных" мест, осложняющих его комментирование. Ряд древнерусских списков XV–XVI вв. представляет в основном "Элевтериеву" редакцию с разной полнотой. Так, в некоторых списках подробно передается спор между христианином и иудеем в традиционной для такого рода текстов форме вопросов-загадок и ответов-разгадок, которые являются христианскими толкованиями ветхозаветных событий, причем текст строится с использованием элементов эпического повествования. Особый интерес представляет в этом отношении список "Сказания" из собрания Стокгольмской Королевской Библиотеки, текст которого был любезно предостав-

лен мне д-ром Элизабет Лефстренд. В ряде списков "Сказания" прение о вере предельно кратко и выполняет роль необходимого сюжетного звена для рассказа о собственно пятничных днях, в которые православная традиция предписывала соблюдать строгий пост. Этот перечень часто переписывался древнерусскими книжниками как самостоятельный текст, и именно таковым он воспринимался в позднейшее время, особенно в старообрядческой книжной традиции. На его основе возник, по-видимому, и духовный стих о двенадцати пятницах, известный в разных вариантах. Таким образом, текст "Сказания" в древнерусской литературе соединил в себе элементы догматического богословия и народного христианства, а вопрос о его "фольклорности" требует специального изучения.

В литературном контексте "Сказания о двенадцати пятницах" следует рассматривать и византийское "Слово о видении отца Пахомия о среде и пятке", знакомое древнерусским читателям в славяно-русском переводе. Один из списков "Слова" в сборнике XV в. из собрания РНБ помещен непосредственно вслед за текстом "Сказания". Это свидетельствует о том, что составитель сборника воспринимал оба сочинения как идейно-тематическое целое, что вопросы, затронутые в раннехристианском апокрифе, оставались на Руси актуальными.

Общность и надэтнический характер христианской словесности и литературного языка в пределах Slavia Orthodoxa сформировали религиозно-культурное пространство как область контактов. Тексты свободно переходили из одной этноязыковой среды в другую. Особенно активно этот процесс происходил с апокрифическими сочинениями.

А.А.Медынцева

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ИЛИ ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ ?

В 1969 г. при археологических раскопках Белгорода (Киевского) был найден фрагмент корчаги (амфоры), на плечи-

ке которой по уже обожженному сосуду прочерчены две надписи и отдельно стоящая кириллическая буква А. Первая надпись кириллическая и читается как славянизированное имя НЛНГА (*Рыбаков*, *Николаева*; *Медынцева*), вторая – руническая, написанная другим инструментом; ее наиболее достоверным прочтением является распространенное скандинавское имя *Geirr* (*Мельникова*). Форма корчаги датирует ее X в.; наличие рунической надписи и архаические черты кириллической позволяют датировать находку временем не позже конца X – начала XI в.

По летописным сведениям, Белгород был заложен Владимиром Святославичем в 991(2) г. и являлся одной из ключевых крепостей, защищавших южные рубежи русских земель от кочевников. Таким образом, корчага с надписью, хотя и найденная вне слоя X в., но неподалеку от княжеского двора и церкви в центральной части, относится ко времени, близкому основанию города. Аристократический район города, где она найдена, редкость амфорных находок и особенно наличие надписи (редчайшее явление для этого времени) позволяют искать владельца среди знатнейших бояр рубежа X–XI вв.

Дата корчаги с надписью, максимально приближенная ко времени строительства города, позволяет предположить, что Илья являлся основателем крепости (сам Владимир, естественно, не мог участвовать в строительстве оборонительной линии, состоявшей из многих крепостей, строившихся почти одновременно).

Летопись не называет подобного имени среди ближайшего окружения Владимира. Но оно встречается в былинах "Владимирова цикла" – так звали "старейшего" богатыря славной Владимировой дружины – Илью Муромца. Можно предположить, что былинный Илья мог иметь исторический прототип, имя которого не попало в летописи, и что именно он был строителем и воеводой одной из "застав богатырских". Такое предположение вполне обосновано самой редкой находкой и историческими свидетельствами о городе.

Но все же кажется странным, что строитель города, любимого Владимиром, и герой эпоса из ближайшего окружения князя не попали в поле зрения летописца, в то время как другой былинный богатырь – Добрыня Никитич, современник и соратник Ильи Муромца, имеет исторический прототип (что доказано исследователями былинного эпоса еще в XIX в.). Им был дядя Владимира – Добрыня, сын Малка Любечанина, брат ключницы Малуши – матери Владимира.

Добрыня, воевода и наставник Владимира, упоминается в летописи на протяжении 15 лет. Впервые – в 970 г., когда летописец рассказывает о рождении Владимира ключницей Малушей, прижившей сына от Святослава. Добрыня – "храбр и наряден (т.е. ответственный. – *А.М.*) муж" – советует новгородцам, пришедшим просить у Святослава сына на княжение, назвать его юного незаконного сына. Тем самым он предопределил Владимиру, не имеющему законных прав наследования, дальнейшую блестящую судьбу. И позднее Добрыня руководит племянником в выборе невесты – полоцкой княжны, и в борьбе за киевское княжение, в языческой реформе и в насильственном крещении Руси. Именно Добрыня, не забыв оскорбительного отказа Рогнеды, не пожелавшей выйти за "робичича", осаждает Полоцк, берет его штурмом, убивает отца Рогнеды и ее братьев и заставляет ее выйти замуж за Владимира. Добрыня Малчич, вероятно, возглавляет все победоносные походы Владимира на червенские города, на вятичей, ятвягов и т.д.

Последние упоминания о Добрыне – в Повести временных лет (985 г.) и Иоакимовской летописи (около 991 г.). В последней содержится рассказ о крещении новгородцев "огнем", достоверность которого установлена В.Л.Яниным (1983 г.).

Естественно, что перед крещением киевлян и новгородцев Добрыня и сам должен был принять крещение. Но христианское имя его неизвестно, летописи его не сохранили. Возможно ли привлечь какие-то другие источники?

Хронологически распределяя былины "Владимирова цикла" по историческим реалиям, Б.А.Рыбаков обратил внима-

ние на то, что в эпосе на смену Добрыне приходит "крестьянский сын" Илья Муромец, и начало его деятельности приурочивается ко времени создания мощных оборонительных рубежей, в черту которых входил и Белгород. Исторические параллели былинного цикла Ильи являются продолжением деятельности Добрыни, крещение – рубеж, разделяющий оба цикла (см.: *Рыбаков*. С.77). При этом исследователь разграничивает деятельность эпических богатырей, противопоставляя смерда Илью и боярина Добрыню. В былинном эпосе действительно эти два героя разнятся, но так ли было с их историческими прототипами? Не является ли прототип Добрыни Никитича и Ильи Муромца одним и тем же историческим лицом, а именно Добрыней, дядей Владимира, принявшим крестильное имя "Илья" ?

Многие исследователи эпоса, начиная с О.Миллера, отмечают, что Илья появляется при дворе Владимира уже известным богатырем – "старым", старшим в дружине. Вероятно, это "внезапное" явление Ильи во главе богатырей (историческому Добрыне должно быть не менее 35–40 лет) было осмыслено народной памятью как эпическое "сидение сиднем" до 33 лет – мотив, широко представленный и в восточном эпосе. Илья в былинах действует вместе с Добрыней, совершая иногда те же подвиги (например, обороняет русские рубежи то от кочевников, то от литвинов), но отличается от него и других богатырей христианскими добродетелями. Эпос наделяет Илью "народной святостью" (*Миллер*. С. 798–801). Дальнейшая его судьба связана с Киево-Печерским монастырем, где он становится угодником. Мощи Ильи почитаются в Киево-Печерской лавре до сего дня.

Таким образом, вполне вероятно, что былинные герои Добрыня и Илья имеют один исторический прототип, но на разных этапах жизни: первый – на языческом, второй – на христианском. Это предположение, насколько мне известно, исследователями русского былинного эпоса не высказывалось. Приведенных выше соображений было бы явно недостаточно для

его обоснования, если бы не еще одно, встреченное в германо-скандинавском эпосе.

Речь идет об известной скандинавской "Саге о Бернсколе", записанной около 1250 г. и основанной на более древних германских героических сказаниях. В ней упоминается Илья греческий (или русский), соратник русского конунга Владимира. О.Миллер отметил, что сама форма имени Ilias von Riuzen, вместо германского Elias, прямо указывает на русский источник. Но он не посчитал возможным включить эту сагу в цикл Ильи Муромца, так как справедливо заметил, что события, связанные с этими героями, ничего общего не имеют с былинными подвигами Ильи Муромца. Но эта сюжетная линия имеет много общего с эпической и реальной жизнью другого былинного героя – Добрыни. Владимир сражается с гуннами (кочевниками), ему помогает знаменитый русский воин Илья, который приходится сводным братом конунгу русской земли. Илья – незнатного происхождения, сводный брат князя, рожденный от наложницы, помогает добыть невесту Владимиру вопреки военному противодействию ее отца. Налицо совпадение с сюжетом о происхождении князя Владимира Святославича и историей женитьбы князя на Рогнеде (только в действительности наложницей рожден сам князь, богатырь не брат ему, а дядя). Возможно ли, что скандинавская сага сохранила христианское имя Добрыни? Свидетельства ее, конечно, не бесспорны, но все же до некоторой степени подтверждают тождество Добрыни и Ильи Муромца.

Конечно, эпическая поэзия – не исторический источник, а многослойные сложные произведения, отражающие разные эпохи и развивающиеся по законам своего жанра. У былинного Ильи Муромца, так же как у Владимира Красно Солнышко, мог быть не один прототип.

Предположение, что корчага с надписью принадлежала знатному воину Илье, основателю Белгорода, вполне вероятно. Но дальнейшее сопоставление этого Ильи с Добрыней и отождествление его с Ильей Муромцем нуждается в основательном исследовании, хотя реальные события и былинные характери-

стики богатырей, а также свидетельства саги выстраиваются в один логический ряд. Возможно, что Илья (Добрыня), грамотный (о чем свидетельствуют многие былины) воин-воевода, государственный деятель, дядя Владимира, начертил решительной рукой надпись на принадлежавшей ему корчаге.

Литература

Медынцева А.А. Надписи на амфорной керамике X–начала XI в. и проблема происхождения древнерусской письменности // Культура славян и Руси. М., 1998.

Мельникова Е.А. Надпись II из Белгорода // Там же.

Миллер О. Илья Муромец и богатырство Киевское. СПб., 1870.

Рыбаков Б.А., Николаева Т.В. Раскопки в Белгороде Киевском // Археологические открытия за 1969 год. М., 1970.

Г.В.Глазырина

"ИНГВАР БУДЕТ ПОЛАГАТЬСЯ НА ВЕРУ ТЕХ, КОГО ОН ВЕДЕТ К БОГУ" ("САГА ОБ ИНГВАРЕ" О ПОХОДЕ ПО БОЛЬШОЙ РЕКЕ)

Цель похода, совершенного шведским хёвдингом Ингваром Путешественником по Восточной Европе, в древнеисландской "Саге об Ингваре" определена довольно необычно. Пробыв на Руси при дворе Ярослава Мудрого в течение "трех зим", Ингвар слышал рассказы о том, что по Гардарики (Древней Руси) протекают три большие реки, и самая большая из них та, что течет посередине. Ингвар задался целью узнать, где находится исток этой реки, но поскольку никто ему не мог ответить на его вопрос, он собирается в путь, чтобы все разузнать и выяснить, насколько длинна эта река (YS. Bl. 12).

Поскольку эта сага, наряду с другими древнеисландскими сагами, неоднократно использовалась в качестве исторического источника по истории Восточной Европы, предложенное

в саге определение цели похода вызывало вопросы. Существуют три основные точки зрения. Одна из них, высказанная, в частности, Х.Р.Эллис-Дэвидсон, заключается в том, что это была попытка восстановить "утраченные торговые пути вниз по Волге к Каспийскому морю" (Ellis-Davidson. P. 88). Хотя исследовательница не привела подробной аргументации, можно предположить, что она опиралась на хорошо известный материал шведских рунических надписей, упоминающих о походе Ингвара в Серкланд, участники которого, как сказано в одной из надписей, отправились туда "за золотом". Согласно другой точке зрения, поход Ингвара завершился в Закавказье (*Larsson*). Третья, основанная на сопоставлении летописных свидетельств и других источников с сообщениями саги, принадлежит Е.А.Мельниковой, которая полагает, что отряд Ингвара входил в состав дружины Владимира Ярославича, возглавлявшего поход русских на Константинополь в 1043 г. (*Мельникова*. С. 79–81). Цель похода, если сформулировать кратко, – участие в государственной военной экспедиции.

Ставя вопрос о цели похода Ингвара, следует, как мне кажется, более четко различать, какой именно поход имеется в виду – реальный поход, совершенный шведом Ингваром в середине XI в., или тот поход, который описывается в саге об одноименном герое.

В настоящей работе я попыталась отвлечься от свидетельств всех имеющихся в нашем распоряжении дополнительных источников (рунических надписей на "камнях Ингвара", исландских анналов, других саг, древнерусских летописей, арабских и армянских источников, и др.), привлечение сведений которых так или иначе влияет на нашу оценку, и более тщательно проанализировать то, что сообщается о походе в самой "Саге об Ингваре".

Пунктом отправления экспедиции Ингвара в саге названа Русь Ярослава Мудрого. Если вспомнить, что с 1036 г. Ярослав – великий русский князь, то, следовательно, экспедиция отправилась из Киева. (Я умышленно не касаюсь здесь вопроса о датировке похода, поскольку это – отдельная тема,

заслуживающая внимания. Замечу лишь, что по единодушным оценкам исследователей, поход был совершен в конце 30-х – начале 40-х годов XI в.). Из саги следует, что перед отплытием из этого христианского (как мы знаем) государства епископ освятил секиры и кремни, взятые в поход. Справедливо замечание Е.А.Мельниковой, которая видит в этом указание на официальный характер похода (*Мельникова*. С. 79). Нельзя, однако, забывать о том, что в эпоху крестовых походов, когда формировалась эта сага (ее первая латиноязычная версия была создана в конце XII в., а древнейшие рукописи датируются серединой XV в.), освящение епископом отряда свидетельствовало о том, что, во-первых, отряд состоял из христиан, и во-вторых, что поход пройдет под знаком креста и борьбы за истинную веру.

Покинув Русь, экспедиция оказалась в совсем другом мире, и путешественники поняли, "что они удалились от своих стран и народов" (YS. Bl. 14). Можно было бы предположить, что речь идет об изменении географической среды или климата, однако краткое описание, приведенное в тексте, не указывает на перемены в окружавшей героев природе, которая в саге будет отмечена ниже, например, в связи с описанием прохождения порогов. Первый же эпизод в рассказе о плавании Ингвара, повествует о встрече героев с летающим драконом Якулем и свидетельствует о том, что перемены, которые ощутили герои, заключались в другом. Якуль, потревоженный одним из спутников Ингвара, объектом своей мести выбирает корабль, которым правили два священника. Дракон извергнул на это судно "столько яда, что погибли и корабль, и люди" (YS. Bl. 14). Мир, в котором оказался отряд, – это уже не христианский мир, но мир, населенный существами, опасными для христиан, и язычников.

Уже в следующем эпизоде, описывающем приход Ингвара в прекрасный мраморный город, в котором правит королева Силькисиф, впервые в саге появляется термин "язычник" (heiðinn maðr). В городе этом, как заметили гости, "повсюду

совершались жертвоприношения", и Ингвар приказал своим людям "остерегаться язычников" (YS. Bl. 16).

Противопоставление христиан язычникам, за исключением лишь нескольких эпизодов, прослеживается далее на протяжении всей саги. Город Гелиополь, следующая остановка на пути Ингвара, описывается в тех же выражениях, что и Ситополь Силькисиф: "Там повсюду на улицах увидели они обильные жертвоприношения. Ингвар просил своих людей быть благочестивыми и твердыми в вере" и следил за тем, чтобы никто из них не был совращен "убеждениями язычников" (YS. Bl. 16). Отплыв из Гелиополя, отряд встречает викингов-язычников, разбойничавших на пути их следования и применивших против Ингвара греческий огонь. Победить их Ингвар смог только тогда, когда выстрелил стрелами, зажженными от огня, который был высечен из освященного епископом трута. Помощь свыше приходит к героям и тогда, когда на их пути встретился великан, и только молитва и обещание молиться еще в течение шести дней спасает героев от чудовища-людоеда.

В сюжете о походе Ингвара важную роль, без сомнения, играет рассказ о встрече с дьяволом, произошедшей у Ингвара и его спутников в самой удаленной от христианского мира точке, где им случилось оказаться, – на Сиггейском мысу. Дьявол, беседовавший с одним из спутников Ингвара, который оказался "неверующим", поведал ему о том, какая судьба ждет отряд. Ингвар, предсказал дьявол, "может умереть с большей частью своего войска", и ему остается только "полагаться на веру тех, кого он ведет к Богу" (YS. Bl.24). Это пророчество сбылось. Люди Ингвара, вопреки его предостережениям, не стали "сторониться женщин как самых ядовитых змеи" и заболели от их "дьявольского колдовства" тяжелой болезнью, которая распространилась в отряде и поразила также самого Ингвара. Перед смертью Ингвар произносит своего рода покаянную молитву, слова которой свидетельствуют о его искренней вере в Бога и справедливость Его высшего суда: "Ожидаю я Божьей милости, что сын Господа даст мне свое благословение, потому что от всего сердца отдавал я себя в руки Божьи каждый день, душу свою и

тело; и направлял я этот отряд, насколько мог лучше" (YS. Bl. 27–28). Болезнь, которая приведет многих к смерти, верит Ингвар, послана им "по правому Божьему суду", и это, в первую очередь, испытание ему самому, и он извещает об этом своих людей: "более всего эта болезнь и колдовство направлены на меня, ибо тотчас, как я умру, болезнь прекратится" (YS. Bl. 28).

Идея, которую стремился передать автор "Саги об Ингваре", кажется начинается вырисовываться. Сага в своей части, посвященной Ингвару, задумана как рассказ о человеке, который во имя торжества святой веры повел свой отряд в поход по дальним странам, населенным язычниками. Испытания, которые им пришлось пройти, должны были восславить имя Господа и убедить в Его всемогуществе.

Однако рассказ о гибели Ингвара и его людей за веру, завершись он этим эпизодом, допускал бы различные интерпретации. Поэтому необходимо было продолжить рассказ, снабдив его фактами, подтверждающими особое предназначение миссии Ингвара. Именно тогда, по-видимому, сюжет "Саги об Ингваре" дополняется рассказом о походе сына Ингвара Свейна, построенном, как считается, на основе рассказа о походе Ингвара и имеющем с ним много параллельных мотивов. Связующим фрагментом между двумя сюжетами является эпизод, повествующий о том, как, проплывая мимо Ситополя, люди Ингвара сообщают Силькисиф о его смерти и передают ей тело Ингвара. За тот краткий срок, что Ингвар гостил у Силькисиф, рассказывая ей "о всесилии Бога", королева "прониклась этой верой" (YS. Bl. 16) и решила крестить весь свой народ. Она передает через оставшихся в живых людей Ингвара просьбу к его родственникам в Свитьоде приехать со священниками, крестить народ и построить церковь у могилы Ингвара.

При таком повороте сюжета ни у кого из читателей или слушателей саги не могла зародиться мысль о том, что гибель Ингвара была наказанием за его прегрешения или грехи его спутников. Тот факт, что благочестие и твердость в вере одного человека могла побудить целый народ перейти в другую веру, в представлениях средневекового человека представлял большую

ценность. Однако и здесь оставалось место для сомнения. А может быть, на этом все и закончилось? Может быть, эта просьба не дошла до родичей Ингвара и народ, живший на затерянной где-то в Восточной Европе реке, так никогда и не узнал правой веры?

Рассказ о походе Свейна полностью снимает все вопросы. Именно в этой части саги значение христианских символов, помогающих героям одерживать победы над язычниками, продемонстрировано наиболее явно. Бог незримо присутствует при всех победах христиан.

Уже первая остановка отряда Свейна, произошедшая, согласно саге, всего через два дня пути, заканчивается их победой над флотилией язычников, состоявшей из 90 кораблей. Однако в битву против них Свейн пошел только тогда, когда стало ясно, что Бог "дает ему эту победу" (YS. Bl. 32). Циклопов им удалось обратить в бегство лишь потому, что "свершилось чудо" (YS. Bl. 33–34). Краткая остановка после встречи с циклопами, необходимая для пополнения запасов продовольствия, также привела к стычке с язычниками, в которой люди Свейна победили, за что они возблагодарили Господа (YS. Bl. 35–36). Следующая остановка для торговли с язычниками, которые сначала весьма приветливо приняли чужеземцев, также привела к конфликту: перед трапезой люди Свейна, по христианскому обычаю, перекрестились, что привело хозяев в ярость, и они набросились на христиан. В стихийно возникшей битве, в которую были вовлечены тысячи язычников, Свейну и его спутникам удалось победить только с помощью Бога: "<...> они взяли святой крест с изображением Господа <...> и пронесли его перед войском". А когда они запели молитву, то часть язычников ослепла, часть обратилась в бегство, а многие были убиты (YS. Bl. 41). Победить дракона Якуля, ранее погубившего корабль священников во время похода Ингвара, Свейну помог тот же прием, который был использован его отцом в сражении с викингами-язычниками: стрелы с огнем, высеченным от освященного трута, спасают людей от чудовища. Если вспомнить, что в эпоху средневековья Антихрист чаще всего персонифицировал-

ся в образе летающего дракона, то значение этой победы христиан становится еще более символичным.

Кульминацией похода Свейна, несомненно, становится его приход в Ситополь, где епископ, которого привозит Свейн, крестит и королеву Силькисиф, и ее народ (YS. Bl. 43–44). Затем строится церковь, а для тела Ингвара возводится новое каменное надгробие с дорогим крестом (YS. Bl. 46).

Важную роль для понимания сюжета играет беседа между Силькисиф и епископом о том, почему церковь должна носить имя Ингвара. "Сотворил ли чудеса Ингвар после своей смерти?" – спрашивает епископ, и поясняет, что святым называется только тот, кто сотворил чудеса после того, как его тело предано земле (YS. Bl. 45–46). Ответ епископу содержится в самой саге: чудо, совершенное Ингваром, заключается в том, что после его смерти народ, в который он заронил искру божьего слова, принял христианство. Миссионерский характер произведения, на который указали Херман Палссон и П.Эдвардс, не приведя, правда, никакой аргументации, бесспорен.

Анализ истории создания саги показывает, что произведение неоднократно перерабатывалось. Следы этого отчетливо видны в тексте и проявляются, например, в том, что отдельные вставки зачастую нарушают повествование, вклиниваясь в последовательно излагаемый текст (YS. Bl. 1–2, 3–4, 18–19, 46–47, 48–49); ряд эпизодов, развивающих одну и ту же мысль, содержит явные противоречия; традиционные мотивы перерабатываются, получая новое, в христианском духе оформление, и т.п. Сага, по-видимому, сначала была значительно короче, включая в себя только записанные устные сказания о походе Ингвара, и не сразу приобрела свою миссионерскую направленность.

После всего сказанного выше остается все-таки без ответа вопрос, почему же цель похода Ингвара была сформулирована в саге таким странным образом: он хотел узнать, где исток реки, и поплыл по ней, чтобы выяснить, насколько она длинна. Плыл он, как мы понимаем из текста, в обратную от истока сторону и почти достиг пучины Гапи, которая названа в тексте "концом света". Принадлежа к миру христиан и отправляясь в

поход из христианской страны в поисках истока веры, Ингвар шел через земли, населенные язычниками и сверхъестественными существами, чтобы убедиться в правильности избранного им пути. Если же признать за автором саги право на символическое отображение этой идеи, то река оказывается тем целым, что соединяет между собой все части мира: рай у истока, ад в конце течения, мир людей и других существ посередине.

Литература

Мельникова Е.А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию в 1043 г. // Скандинавский сборник. XXI. Таллинн, 1976. С. 74-88.

Ellis-Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium.L., 1976.

Hermann Pálsson and Paul Edwards. Vikings in Russia.Yngvar's saga and Eymund's saga. Edinburgh, 1989.

Larsson M. Runstenar och utlandsfärder. Lund, 1990.

YS – Yngvars saga Víðförla / E.Olson. København, 1912.

Ф.Б.Успенский

К ОДНОЙ ИЗ ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКИХ ВЕРСИЙ КРЕЩЕНИЯ РУСИ (КОНУНГ ОЛАВ ТРЮГГВАСОН КАК "АПОСТОЛ НОРМАННОВ" В САГЕ МОНАХА ОДДА)

Как известно, сам факт обращения Руси в христианство в том или ином виде нашел свое отражение в целом ряде древнескандинавских источников. Порой сведения, приводимые в этих источниках, достаточно фантастичны, во всяком случае, в них, как правило, сильно преувеличивается роль скандинавских деятелей в христианизации Руси. Тем не менее, подобные свидетельства представляют немалую ценность – они позволяют историку реконструировать важные черты этнокультурного сознания жителей Скандинавии и их отношения к своим бли-

жайшим соседям. Мы рассмотрим одну из таких версий крещения Руси в представлении исландского клирика.

Судя по дошедшему до нас древнеисландскому переводу с латыни, монах Одд завершил свою "Сагу об Олаве Трюггвасоне" следующей характеристикой одноименного персонажа: Hér þrytr nú sögu Oláfs konungs Tryggvasonar, er at réttu má kallast **postoli nordmanna**... (выделено нами. – *Ф. У.*) – "Здесь заканчивается сага об Олаве Трюггвасоне, который по праву может быть назван **апостолом норвежцев**..." (гл. LXXVIII).

Использование данного выражения по отношению к Олаву представляется по меньшей мере нетривиальным: ему так и не удалось окончательно крестить Норвегию – общепризнанным просветителем страны был его родственник и крестник Олав Харальдссон (Святой). Последнее обстоятельство нашло свое отражение, в частности, в "Прологе" к саге, где Олав Трюггвасон эксплицитно сопоставляется с Иоанном Крестителем, а другой Олав – с Христом; в то же время, подобное сопоставление дополнительно свидетельствует о том, что подлинная роль Олава Трюггвасона в истории обращения Норвегии была достаточно адекватно отрефлектирована автором саги.

Можно предположить, что этноним nordmenn следует понимать здесь в собирательном смысле, а само словосочетание переводить как "апостол норманнов" (= скандинавов вообще).

Это означало бы, что рассматриваемая характеристика относится к миссионерской деятельности Олава не только в Норвегии, но и в других населенных скандинавами странах. Однако, в гл. II среди перечисленных в другой связи стран, обратившихся в христианство в период его правления и/или при его активном участии (Шетландские, Оркнейские, Фарерские острова, Исландия, Гренландия) опять-таки присутствует Норвегия, хотя есть некоторые основания считать, что соответствующий топоним был добавлен позже (так, предваряя список, автор говорит о пяти (fimm) странах, которые крестил Олав, после чего следует перечень из шести наименований!).

В совокупности эти наблюдения позволяют предположить, что термин nordmenn ("норманны") в составе формулы

последовательно претерпевал различные фазы уточнений, постепенно (но не окончательно) сужаясь к своему этнонимически конкретному содержанию ("норманны" → "норвежцы").

Расширим – при помощи реконструкции – поле нашего разыскания в другую сторону: в сторону утраченного латинского оригинала саги. Нельзя не заметить, что перечень стран, обязанных своим крещением Олаву, в принципе могла бы пополнить и Русь: во всяком случае, именно Русь – согласно версии Одда – оказывается первой и единственной страной, которая приняла христианство по его инициативе. Тем не менее, наименование Руси здесь отсутствует – и при этом первоначальное утверждение исландского монаха об участии Олава в христианизации страны, как мы собираемся показать, является как бы вытекающим – опять-таки с точки зрения Одда! – из заключительной характеристики "апостол норманнов".

Перефразируя замечание А. Хольтсмарк, можно более или менее определенно сказать, что монах Одд думал и говорил по-исландски, но писал на латыни. Тем самым он уже принимал чужую точку отсчета, декларативно выходя за пределы местной традиции и как бы встраивая свое повествование в чужую, иностранную перспективу. При этом, этническое самосознание автора, творящего с оглядкой на чужое восприятие, обычно оказывается в известном смысле раздвоенным: текст, так или иначе предназначенный "на экспорт", со всею очевидностью требует от сочинителя перенесения стандартных способов описания сторонней действительности на свою собственную почву. Результатом такого эксперимента является, в частности, этнографически отстраненный принцип изложения материала, когда коренное, досконально освоенное, описывается как чужеродное в расчете на понимание чужаком, гостем из большого мира (а не сопричастными автору читателями или слушателями).

При этом, тенденция к отчуждению <u>своего</u> мира, <u>своих</u> реалий в описании может сказываться самым оригинальным образом.

Оно просматривается, между прочим, в эвгемеристическом изложении Снорри, который неожиданно отождествляет город богов-асов с Троей, стремясь выдать традиционный мифологический топоним (Асгард) за усвоенное извне наименование иностранного происхождения [ср.: "...и назвали его Асгард, а мы (скандинавы.– *Ф.У.*) называем его Троя": Snorri Sturlusson. Edda / A. Holtsmark og Jon Helgason. 1950. C. 11]. Такая "европеизация" исконного наименования как нельзя лучше отвечала его общему замыслу – изобразить объекты мифологического универсума как земные города, расположенные где-то за пределами Скандинавии.

Следствием этой же тенденции можно считать и появление в "Саге о Тидреке Бернском" термина "варяги" в качестве собирательного обозначения для скандинавов (напомним, что в скандинавской традиции væringi – это прежде всего наемник в Византии), поскольку составитель саги явно исходил в данном случае из того, как называют скандинавов иностранцы (по-видимому, русские и немцы), и применил этот термин в окказиональном значении.

Не имело ли место нечто аналогичное и в саге монаха Одда?

С чужой, внешней точки зрения, под которую, предположительно, "подстраивался" автор в латинском оригинале, конунг Олав с полным на то основанием мог бы быть охарактеризован как "апостол норманнов"(*apostolus nordmannorum) в том числе и благодаря успеху своего миссионерского предприятия при дворе князя Владимира. Понятие "норманны" в данном случае оказывается, по существу, заимствованным из латиноязычной литературы, где оно могло не только объединять собой северных варваров вообще, но и напрямую ассоциироваться с Русью (так, например, для Лиутпранда, епископа Кремоны), с позиций "стороннего наблюдателя" усматривавшего в облике Руси X в. преимущественно скандинавские черты, именно норманны олицетворяли собой эту страну: "[Византия] имеет с севера венгров, печенегов, хазар, руссов (Russios), которых мы иначе называем еще норманнами (Nordmannos)" (Liutprandi

Antapodosis, I, 11). Подобного рода узаконенных в средневековой латинской культуре этнокультурных смещений и ассоциаций в принципе было достаточно для того, чтобы монах Одд использовал соответствующий термин в предельно расширенном смысле, ориентируясь при этом на узус латинских исторических описаний и по-своему адаптируя образ северных варваров к собственному повествовательному материалу.

Таким образом, допустимо считать, что формула – "апостол норманнов" – в саге Одда первоначально включала и русских, будто бы крестившихся при помощи Олава, в той же мере, что и исландцев, фарерцев, жителей Оркнейских, Шетландских островов и Гренландии, также обратившихся в христианство в годы его правления.

Между тем, для переводчика с латыни на древнеисландский это выражение наполнялось более узким, специальным этногеографическим содержанием.

Будучи воспринятой, напротив, как бы изнутри, уже в этноцентрической перспективе, формула "апостол норманнов" шаг за шагом проходила различные ступени смыслового упрощения: неизбежная при переводе замена латинского nordmanni на norðmenn приводила не только к резкому сокращению сферы применения этнонима, но, вместе с тем, открывала и дополнительные возможности для включения сюда норвежцев. Термин "норманны" выступал теперь в двух значениях: он обозначал скандинавов вообще и в то же время относился к вполне определенной их разновидности, а именно к выходцам из Норвегии. Как кажется, оба значения органично связывались в языковом представлении средневекового исландца: используя термин norðmenn, он мог говорить одновременно о том и о другом, синхронно иметь в виду как скандинавов, так и норвежцев. Дальнейшее, однако, определялось уже принципиально отличной от авторской стратегией переводчика, который предпринял попытку "сфокусировать" этнонимически конкретное значение термина, добавив, в частности, в перечень стран, крестившихся благодаря Олаву, топоним "Норвегия".

Что же касается русских, также принявших христианство якобы при его непосредственном активном участии, то в этноцентрической перспективе переводчика они оказывались отнесенными к совершенно иной этногеографической рубрике, сближаясь под данным углом зрения с другими новообращенными народами Восточной Европы. Так, в гл. LXXVI "Большой саги об Олаве", написанной (правда, позже) по-исландски и опирающейся на сагу Одда как на источник, руссы упоминаются уже в одной связке с поляками и венграми, крестившимися "во дни Оттона III".

Оглавление

Часть I.
Контактные зоны: феномен этнокультурного синтеза

Арутюнова-Фиданян В.А. Контактные зоны и зоны контакта: сходство и различия 3
Подосинов А.В. Проблемы взаимоотношений варваров и греков в античном Северном Причерноморье (к вопросу о характере контактных зон) 8
Ермолова И.Е. Межплеменные контакты в Северном Причерноморье в IV—VI вв. 15
Мельникова Е.А. К типологии контактных зон и зон контактов: скандинавы в Западной и Восточной Европе 19
Петрухин В.Я. Киев и Новгород как центры этнокультурных контактов: к проблеме формирования городских центров 27
Князький И.О. Контактная зона славян и тюрок в Пруто-Днестровском междуречье в XI—XII вв. 29
Коробейников Д.А. Византийско-тюркская граница в Малой Азии (конец XIII в.) 34

Часть II.
Зоны контактов: межэтническое взаимодействие

Седов В.В. О расселении дунайских славян на восточноевропейской равнине 39
Коваленко В.П. Исследования Шестовицкого городища 41
Бибиков М.В. Русско-византийские отношения: центры пересечения культур 47
Свердлов М.Б. Русский купец в Константинополе в первой половине X в. 54

Калинина Т.М. Арабские средневековые ученые о контактах хазар и славян 57
Мишин Д.Е. Славянские поселенцы в Арабском халифате 65
Измайлов И.Л. "Безбожные агаряне": Волжская Булгария и булгары глазами русских (X—XIII вв.) 69
Коновалова И.Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев 75
Котляр Н.Ф. Волынско-Мазовецкая конфедерация XIII в. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) 82
Амелькин А.О. Границы государств в Подонье в последней четверти XIV в. 86
Селезнев Ю.В. Роль ордынского фактора в русско-литовской войне 1406—1408 гг. 90
Филюшкин А.И. Личность в зоне контактов средневековых культур (князь А.М. Курбский в литовской эмиграции) 93
Хорошкевич А.Л. Сфера интернациональных языковых контактов Руси и России XV—XVI вв. 98
Скобелкин О.В. Западноевропейцы в русском войске в первой половине XVII в.: вопросы контактов России и Запада 101

Часть III.

Этнокультурные контакты: проблема источников

Белецкий С.В. К изучению древнерусских княжеских знаков на пломбах из Дрогичина (по материалам свода К.В.Болсуновского) 106
Молчанов А.А. Экономические контакты и монетная чеканка в Восточной Европе X – начала XI вв. 110
Арапов Д.Ю. В.В. Бартольд о Хорезме 114

Гадло А.В. Дагестанская средневековая хроника "Дербенд-наме" как источник по истории Северного Кавказа VII—X вв. 120
Добродомов И.Г. Культурное взаимодействие Руси в южной контактной зоне в зеркале лексики 124
Ведюшкина И.В. Названия сторон горизонта в этногеографическом введении Повести временных лет и его источниках 127
Гимон Т.В. Отражение в новгородском летописании XII—XIII вв. неновгородских событий 139
Рождественская М.В. Апокрифическое "Сказание о двенадцати пятницах" (между религиозной идеей и литературным сюжетом) 144
Медынцева А.А. Илья Муромец или Добрыня Никитич? 146
Глазырина Г.В. "Ингвар будет полагаться на веру тех, кого он ведет к Богу" ("Сага об Ингваре" о походе по большой реке) 151
Успенский Ф.Б. К одной из древнескандинавских версий крещения Руси (конунг Олав Трюггвасон как "апостол норманнов" в саге монаха Одда) 158

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

КОНТАКТЫ, ЗОНЫ КОНТАКТОВ И КОНТАКТНЫЕ ЗОНЫ

XI Чтения
памяти члена-корреспондента АН СССР
Владимира Терентьевича Пашуто

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. № 020915 от 23 сентября 1994 г.

Подписано к печати 15.3.99
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Объем - 7,5 п.л. Тираж 200 экз.

ИВИ РАН. Ленинский пр., д.32а